1 961

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.
КОМНАТА 4 ШКАФЪ VI
ПОЛКА № ИНВЕНТАРЯ 1506

~~113358~~
3163

ИМ
АЛ
КОМН
ПОЛК

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
II.

Уральский Индустриальн. Ин-т
им. С. М. Кирова
Фундаментальная библиотека

Л. А. Бугенвиль.

Д 24269

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМПІЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕНВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРКАСТО ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА, КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ, ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ, И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, портретовъ, и изображеній замѣчательнѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

Проверено 1936 г.

Часть вторая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1835.

ИМПЕРАТОРСКАГО ЛИЦЕЯ БИБЛІОТЕКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО

910.4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 27-го дня 1835 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

Уральский Индустриальный Ин-т
им. С. М. КИРОВА
Фундаментальная библиотека

Пр. 1940

Пр. 2010

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Западный Индійскій полуостровъ: Французскія владѣнія, Англо-Индійскія государства; восточный полуостровъ: Бирманія, Суматра.

ГЛАВА XIV.

ИНДІЙСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ. — ПОНДИШЕРИ.

Отъ Тринкомалая до сѣверной оконечности Цейлана берегъ низкій, плоскій и опасный для плаванія. Для большихъ кораблей, приближеніе къ нему на четыре, или пять льё можетъ быть пагубно, по причинѣ множества песчаныхъ мѣлей и подводныхъ ушесовъ, которые можно узнать только лотомъ. Но, спасибо опытности нашего Малайскаго корабельщика, мы смѣло могли приближаться къ землѣ, и я радовался этому, потому, что могъ разсмотрѣть всѣ береговыя приморья сей части Цейлана. Къ ночи, Цейланъ скрылся у насъ изъ вида, и утромъ на другой день мы увидѣли *Коромандельскій берегъ*. При благопріятномъ вѣтрѣ, мы проплыли около прибрежья, отъ Танджаора и Карнатика до крѣпости *Св. Давида*, мимо мыса *Кальемара*, Европейскихъ заведеній въ *Негапатнамѣ*, *Карикалѣ*, *Транквебарѣ*, *Порто-Ново* и *Гудалурѣ*. Тутъ открылась передъ нами гавань Пондишерійская. Все это протяженіе берега, потопленное, такъ сказать, въ волнахъ, едва видно въ нѣсколькихъ льё съ открытаго моря; только и замѣчаніе его по флагамъ различныхъ Европейскихъ

заселеній, вѣющимся издали. Наклонность Коромандельскаго берега, до самаго хребта *Гаттскихъ* горъ, гдѣ начинается горная область, такъ плоска, что вода въ рѣкахъ, протекающихъ по ней, едва движется, и отъ того, безсильныя противиться въ устьяхъ давленію Океана, онѣ почти всѣ завалены грядами песку, сквозь которыя едва пробиваются въ обыкновенное время, быстро стремясь черезъ нихъ во время половодья. Отъ залива *Манарскаго* до *Балассора*, во всемъ этомъ протяженіи, образующемъ западную сторону Бенгальскаго залива, берегъ одинаковъ. Легко распознать здѣсь повсюду глыбу наносной земли, которая безпрерывно вдвигается въ область моря, и вмѣсто надежныхъ, глубокихъ портовъ образуетъ беззащитные заливы, способные для пристанища только во время благопріятнаго муссона. Отъ того происходитъ и длинная гряда прибрежныхъ песковъ, въ которую разбиваются безпрестанно воды заливовъ, такъ, что берега дѣлаются неприступными, даже для небольшой Европейской шлюпки. Движеніе морской глубины производитъ въ валахъ, стремящихся къ берегу, такое волненіе, бурунъ, столь сильный и крутой, что въ Пондишери, какъ и въ Мадрасѣ, только туземныя *шелинги* могутъ приставать къ пристанямъ. Эти шелинги суть плоскія барки, безъ всякихъ снастей; самый коробъ ихъ сшитъ веревками, и не скрѣпляется гвоздями. Будучи гибче шлюпокъ съ высокими ребрами, плоская, такъ, что беретъ воды всего на шесть дюймовъ, вышиною только въ четыре фута, для удобнѣй-

шаго ослабленія волны, шелинга управляется девятью Неграми въ хорошую, и одиннадцатью въ бурную погоду. Каждый изъ гребцовъ работаетъ поочередно, кромѣ кормчаго, или *танделя*, стоящаго на задней части шелинги, съ длиннымъ *гаффомъ* (шестъ съ крюкомъ). При входѣ въ Пондишерійскую гавань, обыкновенно, выдерживаютъ при прибоя волнъ, и умѣнье танделя состоитъ въ томъ, чтобы перенять ихъ вдоль барки. Когда шелинга перехватила первый валъ, гребцы останавливаются и разсчитываютъ надлежащее мгновеніе пройдти черезъ второй, и такъ далѣе, пока послѣднимъ принесетъ ихъ къ берегу. Не смотря на ловкость перевощиковъ, иногда шелингу опрокидывается, и тогда надобно спасаться вплавь. Какъ средство для пособія въ такомъ случаѣ, почти при каждой баркѣ держится на бичевѣ *катимаронъ*, родъ, охранительнаго плота, сдѣланнаго изъ трехъ, или четырехъ брусьевъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Двое Негровъ держатся на нихъ, сидя на колѣняхъ по Восточному обычаю; они двигаютъ катимаронъ по волнамъ своими *пагайями*, или легкими веслами въ видѣ лопатъ, работая ими на обѣ стороны и не утверждая ихъ ни на какой подставкѣ. Третій родъ перевозки, употребительный на здѣшнихъ берегахъ, суть лодки изъ древесной коры, которыми туземцы управляютъ съ удивительною ловкостью.

Началомъ моего путешествія по Индіи былъ переѣздъ черезъ Пондишерійскую гавань, и невозможно было начать счастливѣе; кромѣ одной не-

вѣжливой волны, хлеснувшей на насъ сзади шлюпки, съ нами не было никакой бѣды, и мы не подверглись ни малѣйшей опасности. Спокойно остановились мы на пристани, подлѣ черные-угольнаго павильона, гдѣ развѣвался Французскій флагъ. Тутъ присутствовали коммиссары таможенные, и вокругъ нихъ тѣснилась толпа людей, столь услужливыхъ, столь внимательныхъ къ путешественникамъ, что чуть не началась между ними драка за мои чемоданы и вещи. Можно было подумать, что они дѣлятъ мои пожитки, какъ добычу. Къ счастію, Малайскій корабельщикъ предувѣдомилъ меня, что мнѣ надобно выбрать изъ толпы одного покровителя, *дубаши*, или *дубаши* — это родъ *фактора*, прикащика, путеводителя, наемнаго *гиггероне*, который въ одно время управитель, переводчикъ, посредникъ, разсыльный маклеръ, все, что вамъ угодно. Для пріѣзжаго, даже для шуземнаго Европейца, дубаши необходимая вещь въ Пондишери и другихъ мѣстахъ Индіи; онъ также необходимъ, какъ постеля для спанья, плащъ для прикрытія тѣла. Когда вы отдались въ руки дубаши, онъ принимаетъ ваши вещи, беретъ вашъ кошелекъ и дѣлается вашимъ казначеемъ; онъ покупаетъ для васъ, продаетъ, устроиваетъ ваше хозяйство, нанимаетъ служителей, приводитъ вамъ паланкинъ, распоряжаетъ вашимъ обѣдомъ, располагаетъ занятіями, устроиваетъ все, заботится о бѣльѣ, платьѣ, хлопочетъ, требуетъ, споритъ, отказываетъ, торгуется, слѣдуетъ за вами, какъ тѣнь, повсюду. Неподвижный и нѣмой, если

вы не начинаете говорить, большунъ и кривляка, если это вамъ угодно, онъ не оставитъ васъ ни за какую цѣну, дайте ему въ десятеро противъ того, что получитъ онъ за надоѣданье вамъ своею безполучностью: онъ *нанялся* у васъ, и онъ *вашъ*; онъ не хочетъ воровать, онъ хочетъ *выработать*, свою плату. И вотъ — говорите-ли вы о дѣлѣ — онъ шутъ, онъ совѣтуетъ; хотите-ли развлеченія, забавы — онъ ладитъ и устроиваетъ; заводите-ли даже какія нибудь шалости — и тутъ онъ, вѣчно и всюду онъ: подлѣ васъ, когда вы обѣдаете; подлѣ васъ, когда вы прогуливаетесь; подлѣ вашей двери, когда вы спите; готовъ залѣзть подъ кровать, подъ столъ, и сидѣть тамъ по вашему приказу. Бѣдные Европейцы! безъ дубаши, этихъ честныхъ и услужливыхъ дубаши, что сдѣлалось-бы съ вами! Легковѣрные новички, среди толпы бездѣльниковъ Индійскихъ, столь хитрыхъ, столь лукавыхъ, какъ отличили-бы вы доброе отъ худаго, истину отъ лжи? Какъ узнать вамъ цѣну каждой вещи, различить, выбрать, разобрать? Все это дѣлаетъ за васъ дубаши, и онъ стоитъ для васъ десятилѣтней собственной опытности. Что-жъ вы думаете за всѣ эти услуги? Маленькая помѣсячная плата, и *на водку* отъ всего, что вы купите — это платитъ ему продавецъ; мѣра платы съ каждой покупки единожды и безпремѣнно опредѣлена обычаемъ.

И такъ мнѣ надобенъ былъ *дубаши*. Среди этого народа, готоваго услужливо разорвать меня въ клочки, я старался выбрать человѣка честнаго и

доброй физіогноміи. Вотъ было зрѣлище, когда я выбралъ: мой охранитель, мой дубаши гордо вытянулся послѣ моего выбора, немедленно оттѣснилъ четырехъ, или пятерыхъ помощниковъ, растолкалъ около меня толпу, освободилъ меня отъ ея докучливой навязчивости, наложилъ повелительную руку на мои пожитки, усадилъ меня въ паланкинъ, началъ распоряжать мною, велѣлъ нести меня на квартиру по его выбору. Квартира была опрятна, чиста, просторна, меблирована не роскошно, сообразно климату, съ *альгамасою*, или террасою, прямо на гавань. Едва помѣстился я въ ней, подъ защитою моего дубаши, меня облѣпила толпа услужниковъ. Всякій изъ нихъ просился въ должность: этотъ былъ башмачникъ—бѣдный Парія, которому Европейцы позволяютъ браться за свою обувь, чего ни за что не допустятъ Индійцы другихъ кастъ; другой объявлялъ себя цирюльникомъ; третій посыльщикомъ зонтика. Явились люди стричь ногти, чистить уши. Напрасно жаловался я моему дубаши; онъ отвѣчалъ, что такъ обычай, и всѣхъ этихъ людей непремѣнно надобно нанять; я согласился, и долженъ былъ даже взять себѣ *піонера*. Такъ называются люди, исправляющіе въ Индіи должность Левантскаго янычара: обыкновенно піонеръ бываетъ Мавританскій солдатъ, иногда ловкій и лихой, но всегда превздорливый и прегордый. Онъ одѣтъ въ чалму и широкое Восточное платье, шаровары и рубашку изъ бумажной ткани, подпоясанную широкимъ поясомъ. Піонера узнаете по перевязи,

или по серебряному значку, гдѣ обыкновенно вырѣзано имя его господина. Старшій изъ піонеровъ всегда держитъ въ рукѣ палку, съ золотымъ, или серебрянымъ шарикомъ на концѣ, похожую на палки нашихъ шамбуръ-мажоровъ. Обязанность піонера ходить впереди своего господина, бѣгать съ его препорученіями, бѣжать передъ его палапкиномъ, крича: «*берегись!*» По числу піонеровъ узнается въ Пондишери важность и богатство каждаго. У Губернатора есть свои піонеры; но у него они не просто предметъ роскоши: губернаторскіе піонеры исправляютъ должность полицейскихъ и надзирателей за сборами; записанные въ должность, они имѣютъ начальника, состоящаго подъ властью коменданта и главнаго сборщика; нѣкоторыхъ изъ нихъ распредѣляютъ въ окрестныхъ *алмеяхъ*, или деревняхъ; это жандармы здѣшніе.

Такимъ образомъ, и у меня явился дубаши, явились слуги, явился піонеръ, и всѣ эти люди увѣряли, что они у меня въ услугахъ, когда, напрошивъ, я былъ покорнымъ ихъ невольникомъ. Сначала думалъ я, что все дѣло кончится небольшою платою, которую назначилъ каждому мой управитель, и мнѣ казалось, что всѣ эти люди рады будутъ ничего не дѣлать. Въ этомъ надѣялся я на Индійскую лѣпость; но сдѣлалось совсѣмъ не такъ. Едва только, въ первый день пріѣзда, хорошо зная домъ Губернаторскій, потому, что онъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, хотѣлъ я отправиться къ Губернатору, тихонько и пѣшкомъ — все возстало противъ меня!

Дубаши мой такъ оскорбился, что гоповъ былъ поссориться со мною. — Нѣтъ! и ему, и всѣмъ надобно было непремѣнно служить за свое жалованье. И вотъ привели мнѣ *паланкинъ*, родъ каретнаго кузова, со шторами, который несутъ на палкахъ, и гдѣ надобно разлечься на подушкахъ. Шестеро посильщиковъ, или *бое*, здоровые Телинги, понесли меня ровнымъ шагомъ въ странной этой коробкѣ, у которой кольцы были золотыя, а занавѣсы алые шелковые. Такъ предсталъ я передъ Губернатора. Домъ Губернаторскій большое строеніе, плохой архитектуры. Обширный садъ окружаетъ его. Губернаторъ, Г-нъ Мелай, принялъ меня весьма ласково и вѣжливо. Я сдѣлалъ послѣ того множество визитовъ, потому, что имѣлъ много рекомендацій. Мимоходомъ взглянулъ я на церковь Индійскихъ миссій, зданіе красивое и правильное. На треугольномъ фронтонѣ изображена Слава божественная съ символомъ Пасхи въ барельэффѣ (*). Статуя святаго находится въ нишѣ, между фронтономъ и дверью; на площади, передъ церковью, прогуливалось нѣсколько миссіонеровъ, въ длинныхъ своихъ плашьяхъ, съ капишонами на головахъ. Отсюда пустился я направо и налѣво, завоевать сколько нибудь историческихъ и мѣстныхъ свѣдѣній. Мнѣ хотѣлось хорошенько узнать Пондиш-

(*) *Gloire*, у Католиковъ, называется изображеніе имени Божія въ сіяніи, и вообще сіяніе вокругъ лика святаго. Символъ Пасхи агнецъ. *Прим. Пер.*

шери, этотъ послѣдній клочекъ Французскихъ владѣній въ Индіи, этотъ городъ, въ которомъ, съ небольшими заведеніями въ Янаонѣ, Карикалѣ, Маге, и Шандернагорѣ, сосредоточиваются теперь всѣ Французскія колоніи, тамъ, гдѣ Англичане подчинили себѣ цѣлыя царства. И припомъ, какъ богатъ этотъ Пондишери воспоминаніями, мѣсто, гдѣ Дюплеиксы, Лабурдонне и Сюффрены спорили за Индію съ Британскими флотами.

Къ 1503 году относится первая Французская экспедиція въ Индійскія моря. Капитанъ Гонневиль, смѣлый и искусный морякъ своего времени, отправился изъ Гавра на одномъ кораблѣ, обошелъ мысъ Доброй Надежды; встрѣченный бурнымъ временемъ, присталъ онъ къ незнаемой землѣ, претерпѣлъ тысячи опасностей, и возвратился въ Европу обратно, держась береговъ Африки. Неудачный опытъ его охолодилъ жаръ другихъ, и до 1604 г. не находимъ въ лѣтописяхъ Французскаго мореплаванія ничего, касательно здѣшнихъ отдаленныхъ странъ. Тогда, кажется, Бретонскіе мореходы отправили два корабля, подъ начальствомъ Пейрара; онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе близъ Малдивскихъ острововъ, жилъ нѣсколько лѣтъ на тамошнихъ атоллахъ, и возвратился потомъ во Францію. Въ 1618 и 1619 гг., Фламандецъ Жираръ снарядилъ корабли, отправилъ ихъ на островъ Яву, и награжденъ былъ небогатымъ грузомъ. Не смотря на всѣ такія неудачи, образовалась однакожъ Компанія, подъ именемъ *Молукской*, но вскорѣ разрушилась, безъ дальнѣйшихъ слѣдствій. Въ 1633 г.

новый частный опытъ произведенъ жителями Діепна. Капитанъ Режинонъ отправился въ Индійскія моря; онъ посѣтилъ заливъ Бенгальскій, коснулся Декканскаго полуострова, приставалъ къ Мадагаскару, и возвратился съ напыщенными разсказами о сей послѣдней странѣ. Вообще, самые великолѣпные слухи носились тогда повсюду о Мадагаскарѣ. Слѣдуя имъ, этотъ островъ казался гораздо лучше и полезнѣе Индіи, земля его плодороднѣе, произведенія богаче. Дошло до того, что Ришельё, въ 1641 г., учредилъ Французскую Индійскую Компанію, съ главною цѣлью—покорить и заселить Мадагаскаръ. Мы видѣли слѣдствія этого ошибочнаго предпріятія. Прони и Флакуръ заняли Мадагаскаръ, и черезъ двадцать лѣтъ все было брошено.

Объ Индіи вовсе не думали, до тѣхъ поръ, когда Колбертъ преобразовалъ на размѣрѣ болѣе обширномъ Ришельёвскую Компанію. Десятилѣтняя привиллегія и денежныя пособія были опредѣлены въ ея пользу. Но начало еще разъ оказалось неудачно. Мадагаскарская колонія существовала въ то время, и на нее пожертвовали всѣми средствами. Ничего не достало, когда рѣшились на заведенія въ Азіятскихъ земляхъ. Впрочемъ, Португальцы далеко ушли впередъ, захватили себѣ всѣ лучшія мѣста, и Французамъ доставалось только то, что уже не годилось Португальцамъ. Каронъ явился однакожъ съ нѣсколькими кораблями въ Персидскомъ заливѣ. Онъ приставалъ къ Гузуратскому полуострову, и хотѣлъ выбрать Сурать, для средо-

точія своихъ дѣйствій. Этотъ основатель Французскаго владычества въ Индіи былъ Французъ, по состарѣвшійся въ службѣ Голландской Индійской Компаніи. Долговременное пребываніе на Суматрѣ дало ему опытныя познанія о здѣшней мѣстности. Вскорѣ замѣтилъ онъ неудобство такого мѣста, куда приходили соперничать съ Французами народы болѣе ихъ богатые, болѣе ихъ торговые, и имѣвшіе болѣе кредита въ Индіи. Каронъ искалъ другаго лучшаго пристанища, и выбралъ Трипкомалай, на островѣ Цейланѣ. Эскадра, подъ начальствомъ Делаге, соединилась съ нимъ въ Цингалезскомъ заливѣ, но все кончилось досадною неудачею. Берегъ представлялъ такъ мало средствъ сообщенія съ внутреннею землею, что поселенцы умирали съ голоду. Послали искать запасовъ на Коромандельскомъ берегѣ, и не нашли ихъ, ни у Датчанъ въ Транквебарѣ, ни въ другихъ мѣстахъ; въ отчаяніи бросились съ оружіемъ на заселеніе Св. Ѳомы, гдѣ открыли большое обиліе всего; это заселеніе Коромандельское, основанное Португальцами лѣтъ за сто, было завоевано Царемъ Голкондскимъ въ 1662 году; въ 1672 г. Французы приступомъ взяли его. Каронъ засѣлъ тутъ, и держался лѣтъ шесть; но въ 1678 году, Голландцы пришли на помощь туземцамъ, осадили крѣпость, и принудили уступить превосходной силѣ. Остатки Французскаго гарнизона возвратились въ Трипкомалай, и потомъ, подъ начальствомъ какого-то Мартена, утвердились въ *Пондишери*, маленькомъ городкѣ, уступленномъ Джинджійскимъ Раджею. Здѣсь вскорѣ

Уральск... Центральн. Ин-т ... Научная библиотека
Г. У.
175358

устроилось торговое заведеніе, и при умной дѣятельности Мартена начало процвѣтать; его огородили стѣнами, обстроили зданіями. Счастливая будущность являлась впереди для возникавшаго города; но Голландцы, всемогущіе въ Индіи въ то время, явились для изгнанія Французовъ. Сначала предлагали они туземцамъ выгнать Французовъ; отвѣтъ Индійскаго государя былъ неблагопріятенъ. «Французы купили у меня землю, и она принадлежитъ имъ, «отвѣчалъ онъ. Тогда Голландцы сами напали на Пондишери, овладѣли крѣпостью, и держались тутъ до 1697 г., когда Рисвикскій миръ возвратилъ Пондишери Французамъ. Мартенъ снова сдѣлался тамъ губернаторомъ. Политикъ ловкій и купецъ образованный, этотъ чиновникъ Компаніи улучшилъ дѣла ея на Индійскомъ полуостровѣ. Подъ его управленіемъ Пондишери сдѣлался богатымъ торговымъ мѣстомъ, и рынкомъ, который предпочитали всѣмъ другимъ внутреннія народы. Въ ту эпоху, когда изувѣріе Европейское оскорбляло такъ часто туземцевъ, Мартенъ являлъ собою примѣръ терпимости и благоразумной разсмотрительности въ дѣлахъ вѣры. Какъ равный Индійскимъ властителямъ, сносился онъ съ окрестными Раджами, посылалъ къ нимъ посланниковъ и пріобрѣталъ важныя выгоды. Подъ его начальствомъ, въ дѣлахъ Французовъ не было этой вздорливой хвастливости, этого недальновиднаго легкомыслія, почти всегда бывшихъ причиною неуспѣховъ ихъ повсюду. Постоянными усиліями, Пондишери вскорѣ сталъ по достоинству главнымъ мѣстомъ

Французскихъ колоній въ Индіи. Всѣ другія покушенія на Мадагаскарѣ, въ Сурать, Банганѣ, Раджапурѣ, Тиссери, Мазулипатнамѣ, Бендеръ-Абасси, Сіамѣ, уничтожались мало по малу — въ Пондишери заведеніе было живуще и безпрерывно возвеличивалось. Казалось, что оно поглощаетъ всѣ другія. Только Пондишери доставлялъ Индійской Компаніи вознагражденія среди несчастныхъ и безпрерывныхъ потерь; только отсюда шли богатые доходы, между тѣмъ, какъ убытки во всѣхъ другихъ мѣстахъ ежегодно составляли милльоны ливровъ.

Мартену наслѣдовали Ленуаръ и Дюмасъ. Послѣдній получилъ отъ Делискаго Двора позволеніе бить монету и выхлопоталъ формальную уступку Карикальской земли. Положеніе Индійскихъ колоній было тогда значительно и важно. Въ войнѣ между Маратами и Набабомъ Аркатскимъ, несчастный этотъ владѣтель былъ побѣжденъ и убитъ; семейство его нигдѣ не нашло убѣжища, кромѣ Пондишери, города неутральнаго. Дюмасъ принялъ его, и когда побѣдительный полководецъ Рагоги-Буссола прислалъ требовать бѣглецовъ—«*гостепріимство Французское* — отвѣчалъ ему губернаторъ *никогда не было ни насмѣшкою, ни измѣною; семейство Набаба находится подъ защитою Пондишерійской колоніи, и всѣ колонисты умрутъ прежде нежели непріятель достигнетъ до тѣхъ, кого они защищаютъ!*» Такая твердая рѣчь произвела свое дѣйствіе; Марашты уступили.

Послѣ Дюмаса явились два человѣка, долженствовавшіе озарить яркимъ свѣтомъ честь Француз-

скихъ колоній въ Индіи, два генія, совершенно различнаго свойства: одинъ гражданскій, другой военный; одинъ уклончивый и глубокій, другой горячій и неукротимый; оба твердые, оба готовые захватить всю Индію во власть Французовъ, если-бы, не противясь другъ другу, они могли соединить силы свои. Эти два человѣка были *Дюплейксъ* и *Лабурдонне*. Первый изъ простаго купца сдѣлался Губернаторомъ Шандернагорской колоніи, основанной на берегахъ Ганга. До него, хотя и находясь въ богатѣйшей странѣ міра, это заведеніе безпрерывно упадало; едва явился онъ, благотворное движеніе придано было колоніи; золото и серебро явились въ изобиліи; товары стекались изъ всей имперіи Могольской, даже изъ Тибета. Дюплейксъ не имѣлъ ни одной шлюпки въ колоніи, при своемъ прибытіи, а черезъ годъ, въ Шандернагорѣ было 15-ть кораблей, плававшихъ по всѣмъ Индійскимъ морямъ; Чермное море, Персидскій заливъ, Гоа, Сурать, Малдивскіе острова, Манилла, все сдѣлалось данникомъ Шандернагора. Этотъ городъ конечно превзошелъ-бы Пондишери, но въ 1742 году Компанія перевела Дюплейкса въ Пондишерійское завеленіе.

Въ то-же время, Лабурдонне оказывалъ Франціи не меньшія заслуги. Оставившій отчизну на 15-мъ году, онъ извѣдалъ всѣ моря Индійскія. Для спасенія Компанейскаго корабля, въ утлой шлюпкѣ онъ переплылъ изъ Иль-де-Франса на Бурбонъ; участвовалъ въ осадѣ Маге, и былъ примирителемъ между Арабами и Португальцами въ Мокѣ. Оцѣняя за-

слуги Лабурдонне, Компанія поручила ему устройство Иль-де-Франса и Бурбона; но по непріятному недоразумѣнію былъ онъ вдругъ отозванъ во Францію. Всѣ головы были заняты тогда войною съ Англіею. Лабурдонне предложилъ свои услуги. Ему дали пять кораблей. Къ несчастію, это вооруженіе, будучи произведено по волѣ Правительства, но на счетъ Компаніи, подверглось двумъ начальствамъ, и всѣ предпріятія Лабурдонне были уничтожены. Едва успѣлъ онъ, 30 Сентября 1741 года, прибыть въ Пондишери, гдѣ начальствовалъ Дюмасъ, и едва помогъ онъ освободить Маге, осажденный Индійцами, какъ получилъ повелѣніе Компаніи отослать всѣ корабли во Францію. Лабурдонне повиновался и отправился на Иль-де-Франсъ. Война 1744 г. оправдала его планы и предсказанія; жалѣли, что совѣтовъ его не хотѣли слушать прежде. Коммандоръ Барнетъ и Капитанъ Пейтонъ явились въ Индіи съ Англійскою эскадрою. Ужасъ объялъ всѣ заведенія Французскія. Дюплейксъ умолялъ о помощи, и Лабурдонне незамедлилъ : кое-какъ вооруживъ пять кораблей, находившихся въ Портъ-Луи, съ небольшимъ пособіемъ изъ Франціи, онъ отправился 24 Марта 1746 г. къ Мадагаскару и въ Индію. Близъ Коромандельскаго берега встрѣтилась съ нимъ Англійская эскадра, состоявшая изъ шести кораблей, подъ начальствомъ Капитана Пейтона. Жестокая битва началась и кончилась бѣгствомъ Англичанъ. Лабурдонне явился побѣдителемъ въ Пондишери. Нетерпѣливый и воинскій духъ его не могъ оставаться долго въ бездѣйствіи.

Нѣсколько разъ преслѣдовалъ Лабурдонне Англійскую эскадру, и видя, что она удаляется отъ встрѣчи съ нимъ, напалъ на одно изъ главныхъ заведеній Англійскихъ, Мадрасъ. Городъ сдался на капитуляцію, съ условіемъ, заплатить большой окупъ. Дюплейксъ вмѣшался въ дѣло, и не допустилъ Лабурдонне сдержать условія. Нарушивъ капитуляцію, онъ захватилъ Мадрасъ, и совершенно разрушилъ тамошній Черный городъ, гдѣ находились главныя богатства Мадраса. Недовольный тѣмъ, что низпровергъ договоръ Лабурдонне, Дюплейксъ совершенно стѣснилъ власть его, и возбудилъ весь гнѣвъ этого раздражительнаго и неукротимаго человѣка. Дѣло дошло до того, что начальникъ эскадры и губернаторъ рѣшительно поссорились. Компанія оправдала Дюплейкса; покоритель Мадраса былъ вызванъ, заключенъ въ тюрьму и судимъ. Послѣ трехлѣтняго медленія, судъ оправдалъ Лабурдонне, но огорченія причинили ему смертельную болѣзнь. Онъ недолго пережилъ свое оправданіе.

Дюплейксъ платилъ въ это время горькимъ испытаніемъ за свои поступки съ Лабурдонне. Во время раздоровъ между начальниками, эскадра Французская была погублена; Англичане сдѣлались властителями Индійскаго моря; Пондишери былъ осажденъ, и, конечно, былъ-бы взятъ безъ геройскихъ усилій Дюплейкса. Наступившій миръ спасъ колонію. Тогда, не боясь сильныхъ враговъ, губернаторъ обратилъ на торговыя улучшенія весь свой дѣятельный и предпріимчивый умъ. Онъ хотѣлъ

владѣвшаго въ Индіи, упрочить эту землю Франціи, и предупредить начавшее усиливаться могущество Англичанъ. Никто болѣе его не обладалъ средствами, необходимыми для подобнаго замысла. Онъ совершенно зналъ Индію и всю ея политику; не было Раджи, Набаба и Субаба, тайныхъ мыслей котораго не угадывалъ-бы Дюплейксъ, и не было ни одного движенія умовъ, ни одного дѣла, ни даже суевѣрія, которымъ не умѣлъ-бы онъ пользоваться. Обширное Субабство Декканское было тогда праздно. Хитростью и силою, Дюплейксъ возвелъ на него Салабетзинга, друга Французовъ; другой союзникъ Французскій получилъ Набабство Карнатикъ. При такихъ средствахъ политики, можно было надѣяться, что владычество Франціи укрѣпится въ этомъ треугольникѣ, который образуютъ Мазулипатнамъ, Гоа и Коморинъ. Окрестные народы привыкали уже видѣть Французовъ первенствующими, и, съ великими обрядами, Раджи Индійскіе поднесли Дюплейксу почетное названіе *Набаба*. Даже верхній Индостанъ, царства Спркарскія, владѣніе Голкондское, страны по обоимъ берегамъ Ганга признавали Французскую власть. Юный Бюсси, съ горстью смѣльчаковъ, предписывалъ законы всей Индіи, располагалъ царствами, бралъ дани, и приготовлялъ такимъ образомъ Дюплейксу путь къ окончательному завоеванію.

Но за эпохою благоденствія вскорѣ послѣдовало время бѣдствій. На сѣверѣ полуострова появлялись иногда попеременно *Сики* и *Маратты*, народы многочисленные и воинскіе, низлагавшіе всѣхъ другихъ

Индійцевъ и угрожавшіе заведеніямъ Европейцевъ. Въ самомъ Карнатикѣ Англичане посѣвали внутреннія раздоры и старались возстановить свое утраченное вліяніе. Дюплейксъ нашелъ достойнаго противника въ Саундерсѣ: въ этихъ двухъ людяхъ, одаренныхъ равною силою крѣпкой воли и равнымъ искусствомъ, боролись Англія и Франція. Неизвѣстно было, кому придется побѣдить, но, конечно, ни тотъ, ни другой не уступили-бы, пока оставался у того и другаго хоть одинъ солдатъ и была хоть одна рупія. До истощенія силъ было еще далеко, и оба соперника, при взаимной ненависти, при пособіяхъ своихъ умовъ, находили средства, какихъ подозрѣвать было невозможно. Условія и договоры начинали даже сближать Англійскую и Французскую Компаніи; но война Американская рѣшила участь Французовъ въ Индіи. Взятіемъ Шандернагора начались непріятельскія дѣйствія Англичанъ; за тѣмъ послѣдовало отнятіе другихъ, менѣе важныхъ мѣстъ. Дюплейксъ былъ оклеветанъ передъ Французскимъ Правительствомъ; успѣли оподозрить его глубокую политику, посредствомъ которой былъ онъ рѣшителемъ судьбы Индійскихъ царей. Раджи поднесли ему новый титулъ *Карнатикскаго Набаба*, а изъ Версали, вмѣсто подтвержденія сего титула, прислали указъ, по которому Дюплейксъ лишился своего мѣста, былъ строго вызванъ изъ Индіи, и умеръ въ 1763 г.

Лалли сдѣлался его преемникомъ. Отъ него ожидали многаго, какъ будто Англійское его происхожденіе давало на то право. Надѣялись, что онъ

утвердилъ прочный миръ съ Англичанами. Но Лалли былъ дуракъ, и дуракъ опасный, неспособный повелѣвать и недостойный повиновенія. Его управленіе было цѣпью глупостей. При умѣ пелѣномъ, но отважномъ, онъ повелъ борьбу съ Англіею такъ-же безпорядочно и безтолково, какъ безпорядочны и безтолковы были всѣ дѣла его. Отправленный съ Адмираломъ Аше, онъ прибылъ въ Пондишери въ Апрѣлѣ 1758 года. Сначала дѣйствія казались успѣшны. Битва Гуделурская, взятіе Гуделура Графомъ Эстенгомъ, отнятіе крѣпости Св. Давида ознаменовали начало кампаніи. Но вскорѣ, утомленная битвами безъ толку, послѣ трехъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ жаркихъ дѣлъ, Французская эскадра оставила Индію, и Французы потеряли, почти въ одно время, островъ Шерингамъ, сѣверныя области и Мазулипатамъ. Послѣ хвастливой и безполезной попытки на Мадрасъ, надобно было помышлять уже о защищеніи Пондишери, осажденнаго Англичанами. Стѣсненный, оголоженный, городъ принужденъ былъ сдаться, 15 Января 1761 года. Подписанную капитуляцію уничтожили, и Англичане успѣли совершенно заплатить за подобный поступокъ съ Мадрасомъ въ 1746 году. Гарнизонъ и колонисты были отосланы въ Европу, а Пондишери уничтоженъ до основанія. Вопль множества людей, брошенныхъ изъ Индіи во Францію, безъ хлѣба и безъ средствъ добыть его, возбудилъ негодованіе Правительства, кончившееся судомъ и осужденіемъ Лалли. Исполненіе приговора надъ нимъ хорошо выразилъ Воль-

шеръ, говоря, что «всѣ имѣли право нападать на Лалли, кромѣ палача.» Извѣстно, какія бѣдственныя слѣдствія сопровождали казнь несчастнаго губернатора Пондишерійскаго.

Трактатъ 1763 г. возвратилъ Франціи Пондишери. Рѣшились уничтожить, какъ для этого мѣста, такъ и для всѣхъ другихъ колоній Индійскаго Океана, привиллегіи Компаніи, предоставляя свободной торговлѣ стараніе возобновить и заселить Пондишери. Въ 1764 г. явилась тамъ толпа прежнихъ колонистовъ, съ трудомъ распознавшихъ, гдѣ были мѣста ихъ старинныхъ жилищъ, подъ густою травою, выросшею на осыпкахъ города. Съ радостью встрѣтили старыхъ знакомыхъ Индійцы. Но много времени надобно было возстановить городъ, исглаженный съ лица земли Лордомъ Пиготомъ. Новый губернаторъ Лавъ-де-Лористонъ помогалъ возстановленію, сколько могъ, управленіемъ мудрымъ и отеческимъ.

Но вокругъ возобновляемаго города, Англичане безпрерывно воздвигали мощныя опоры своей силѣ и преимуществу. Уже весь полуостровъ, особливо по берегамъ, сдѣлался подвластенъ Великобританіи. Англійскіе флоты угрожали прибрежьямъ Малабара, были въ Сурашѣ, Кошинѣ, Магe, Калькуттѣ, по всему Коромандельскому берегу, отъ царства Танджаорскаго до Ганга. Беллькомбъ смѣнилъ Лористона въ Пондишери и продолжалъ его умиряющую политику. Уже нѣсколько торговыхъ домовъ утвердились было въ Пондишери, и дѣятельность торговли начинала оживать, когда, безъ

объявленія войны, безъ всякихъ предисловій, Англичане бросились на Французскія колоніи, взяли Шандернагоръ и Карикалъ, полонили колонистовъ въ Мазулипатнамѣ, Янаонѣ, Сурашѣ, и явились близъ Пондишери, въ 1778 году. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ ничего не успѣли сдѣлать здѣсь для укрѣпленія города; интриги въ Индіи, интриги въ Европѣ, все это безпрерывно измѣняло и перемѣняло планы. Бурсе и Деклезонъ поперемѣнно строили крѣпость, и когда Англичане стали угрожать Пондишери, работы далеко не были кончены. Но дѣятельность Беллькомба нашла средства при наступленіи опасности исправить ошибки другихъ. Городъ снабдили запасами; пять тысячъ человѣкъ работали день и ночь надъ укрѣпленіями, и въ одинъ мѣсяцъ вырыли рвы, закрыли городъ валами. Эскадра, бывшая въ гавани, расположилась защищать Пондишери.

Только что успѣли распорядиться такимъ образомъ, Генералъ Мунрое явился передъ Пондишери, въ Августѣ 1778 года. Съ нимъ было 24,000 войска; тогда-же увидѣли и эскадру Англійскую; подобно Французской, она состояла изъ 5-ти кораблей; началось морскою битвою; Французы взяли верхъ, и если-бы Тронжоли, начальникъ эскадры, преслѣдовалъ непріятеля, безъ сомнѣнія, коммандоръ Вернонъ былъ-бы принужденъ сдаться. Черезъ двѣ недѣли обстоятельства измѣнились; два корабля подкрѣпили Англичанъ; одинъ изъ Французскихъ фрегатовъ, ошибочнымъ распоряженіемъ, попался къ Англичанамъ, и 20 Августа остальныя суда долж-

ны были бѣжать; они укрылись въ Иль-де-Франсѣ; Пондишери обложили съ сухаго пути и съ моря.

Оставленный всѣми, Беллькомбъ защищался упорно. Умноживъ небольшой гарнизонъ, онъ даже дѣлалъ вылазки и нѣсколько разъ разсорялъ работы осаждающихъ. Но черезъ два мѣсяца осады, при которой Англичане потеряли до 5000 человѣкъ, стѣсненный отвсюду, не видя ни откуда помощи, Беллькомбъ сдался на капитуляцію.

Англичане начали владычествовать, уже не имѣя болѣе никакихъ Европейскихъ соперниковъ. Но тогда возбудилось сильное движеніе туземныхъ народовъ. Гейдеръ-Али, царь Мизорскій простеръ оружіе даже до Мадраса, а съ запада Маратты дошли до Бомбая. Къ несчастію, Французы слишкомъ поздно вмѣшались въ дѣло. Посланные въ Индію съ эскадрою и войскомъ, Сюффренъ и Бюсси пришли тогда, какъ Гастингсъ началъ уже систематическое образованіе Англійской силы въ Индіи. Гейдеръ-Али былъ преслѣдованъ Спромъ Фейръ-Купомъ, отрѣзанъ отъ союзниковъ, и потерялъ двѣ кампаніи сряду. Маратты, всюду разбитые, позволили Англичанамъ двинуться на Гейдеръ-Али всею ихъ силою, и союзникъ Французскій уступилъ. Онъ умеръ отъ горести. Сынъ его Типпу-Саибъ, или Типпо-Саибъ, наслѣдовалъ ненависть отца къ Англичанамъ и началъ битвы въ Карнатикѣ. Отвлеченный въ Мизоръ диверсіею непріятеля, онъ разбилъ его тамъ, и осадилъ Бангалоръ на Малабарскомъ берегу, гдѣ соединились съ нимъ корабли Сюффрена и войска Бюсси. Союзники хотѣли дѣй-

ствовать обще, но миръ 1783 года исторгнулъ оружіе изъ рукъ Французовъ. Типпо-Саибъ принужденъ былъ также мириться, и заключилъ договоръ въ Бангалорѣ, въ 1784 году. Остальная исторія сего несчастнаго Султана слишкомъ извѣстна: онъ снова началъ войну въ 1790 году, и погибъ въ 1799 г., раздавленный силою Англичанъ, въ то самое время, когда экспедиція Бонапарте въ Египетъ радовала его близкою помощью. До послѣдней минуты призывалъ онъ Французовъ, вѣрилъ силѣ ихъ, надѣялся ихъ пособія. За два года до своего блестящаго паденія, при управленіи Директоріи, посланники Типпо-Саиба были на Иль-де-Франсѣ и просили помощи; этотъ поступокъ предускорилъ погибель Мизорскаго властителя; Англичане боялись, чтобы Франція въ самомъ дѣлѣ не вняла его призывному воплю.

Но и до сего событія, колоніи Французовъ въ Индіи были уже только бѣдныя торговыя мѣста, а не сильныя крѣпости. Небольшой гарнизонъ, посланный въ Пондишери въ 1785 г., былъ перевезенъ на Иль-де-Франсъ въ 1789 году. Около 1791 г. война казалась близкою; Франція отправила нѣсколько войска. Одна за другою, габарры *la Bienvenue* и *la Chancelière de Brabant*, высадили его въ Индіи. Восемь сотъ Европейцевъ и столько-же Сипайскихъ солдатъ образовали защиту. Даже при согласномъ дѣйствіи, они не могли ничего выдержать, но что-же было, когда эти бѣдняки вздумали еще каррикатурно подражать всему, что дѣлалось во Франціи: назывались Роялистами, Республ-

ликанцами, завели клубы, ссорились, дрались между собою. Офицеры представляли правительство, солдаты народъ. Не смотря на то, когда Англійскій полковникъ Брайдвашъ, съ 8000 войска, осадилъ Пондишери, каждый сталъ на свое мѣсто и забылъ раздоры при видѣ непріятеля. Тысяча шесть сотъ человѣкъ, изъ которыхъ половина были Индійцы, тридцать дней оспоривали побѣду, въ такой крѣпости, у которой только ровъ и стѣна составляли всю защиту. Въ Янаунской факторіи ученый Соннера осмѣлился на борьбу еще болѣе странную. Начальствуя совершенно безззащитнымъ мѣстомъ, онъ выпребовалъ себѣ изъ Пондишери восемь сипаевъ, и съ этимъ смѣшнымъ гарнизономъ, съ двумя дряннымы пушками, которыя успѣлъ гдѣ-то купить, заговорилъ о капитуляціи, и получилъ ее отъ Полковника Итса, который не зналъ силъ непріятеля. Благодаря шалости Соннера, по крайней мѣрѣ, торговцы успѣли спасти свои капиталы.

Съ того времени донынѣ исторія Французскихъ колоній въ Индіи есть исторія морскихъ экспедицій, дѣйствовавшихъ различно, но всегда смѣло и отважно, такъ, что подвиги ихъ были-бы достойны лучшей участи. Слишкомъ занятая въ Европѣ, Республика вспомнила объ отдаленныхъ предпріятіяхъ только въ 1796 г. при министерствѣ Труге. Но гораздо прежде за честь Франціи вступились крейсеры Иль-де-Франса. Капитанъ купеческаго корабля, Робертъ Сюркуфъ, столь славный въ послѣдствіи, первый напалъ на корабли

Британскіе. Съ своею *Эмиліею*, купеческимъ судномъ, онъ схватилъ два корабля, нагруженные сарачинскимъ пшеномъ, а потомъ вооруженный шуперъ; съ шуперомъ овладѣлъ онъ кораблемъ Ость-Индской Компаніи *Тритономъ*, и возвратился въ Иль-де-Франсъ, съ четырьмя захваченными кораблями, и съ добычею въ 2,000,000. Такъ какъ это предпріятіе было произведено безъ законнаго вида, Директорія прислала Сюркуфу прощеніе и видъ.— Военные моряки не оставили примѣра, даннаго купцомъ, безъ подражанія. Эскадра Англійская заблокировала Иль-де-Франсъ, и два фрегата, *Цибелла* и *Скромная*, съ бригомъ *Курьеромъ*, пустились въ неравную битву съ двумя Англійскими линейными кораблями, *Центуріономъ* и *Діомидомъ*. Рено выступилъ изъ Портъ-Луи, съ восклицаніями: *Vive la République!* Цѣлью его было причинить кораблямъ непріятельскимъ сколько можно болѣе вреда, такъ, чтобы они не могли держаться въ морѣ. На погибель онъ рѣшился прежде всего. Въ слѣдствіе такого отважнаго плана, выстрѣлы Французскіе были направлены въ оснастку и въ киль непріятельскихъ кораблей, и успѣхъ увѣнчалъ дѣло. Хотя, по ошибкѣ въ маневрахъ, *Цибелла* вступила въ битву настоящую, но успѣла уйдти въ гавань прикрытая другими, и особенно *Курьеромъ*, показавшимъ чудеса отваги. На другой день Англичане сняли блокаду, и Иль-де-Франсъ успѣлъ заготовить припасы. Сорокъ человѣкъ погибло въ сраженіи; плата дань признательности, торговцы Иль-де-Франса открыли подписку въ пользу сиротъ и

вдовъ, послѣ нихъ оставшихся; въ нѣсколько дней собрано было 265,000 франковъ. Рено почти на рукахъ несли съ пристани.

Министръ Трюге вспомнилъ объ Индіи, какъ мы сказали, и контръ-адмиралъ Серсей отправился отъ Бретаньскихъ береговъ съ тремя фрегатами и двумя корветтами. Онъ скоро прибылъ въ Иль-де-Франсъ, приведя съ собою нѣсколько призовъ, захваченныхъ на пути. Два фрегата пашелъ онъ въ Иль-де-Франсѣ, *Цибеллу* и *Скромную*, хотя и поврежденные въ жестокой битвѣ; ихъ исправили; съ четырьмя фрегатами кромѣ того, называвшимися: *Сильная*, *Сена*, *Обновленная*, *Добродѣтель*, и съ гоэлеттою: *Быстрая*, Серсей отправился въ море. Почти при самомъ началѣ крейсерства, гоэлетта была взята непріятелемъ, и у эскадры не осталось вѣстоваго корабля. Помомъ начальника обманули ложнымъ извѣстіемъ, и вмѣсто того, чтобы устремиться къ берегу Коромандельскому, онъ безуспѣшно плавалъ около Малакки. Здѣсь встрѣтили его *Свирѣпый* и *Побѣдительный*, два Англійскіе 74-хъ пушечные корабля. При шести фрегатахъ силы были равныя. Серсей сначала хотѣлъ избѣжать битвы, но его преслѣдовали, и онъ принужденъ былъ устроить боевую линію. Первые схватились *Добродѣтель* и *Сена*, выдерживая весь огонь непріятеля. Наставшая пишина могла поставить ихъ въ бѣдственное положеніе, если-бы другіе корабли не подоспѣли на помощь. Дѣло началось общее. Не смотря на превосходство артиллеріи, Англійскіе корабли при-

нуждены были бѣжать, одинъ сдва не загорѣвшись, другой съ перебитыми снастями. Въ этомъ дѣлѣ, моряки Французскіе дѣйствовали превосходно. Одного волонтера, на фрегатѣ *Сильная*, почти разорвало ядромъ: « *Довольно* — вскричалъ онъ — *я исполнилъ свой долгъ—бросьте меня въ море—Vive la République!* » Матрозъ съ фрегата *Цибелла* былъ раненъ и упалъ въ море; кварширмейстеръ Пуленъ бросился за нимъ и спасъ его. Говенъ, артиллеристъ на фрегатѣ *Добродѣтель*, былъ раненъ гранатою, заряжая свою пушку, выхватилъ изъ раны осколки и не отошелъ отъ пушки до окончанія дѣла. Эскадра Серсея такъ много потерпѣла въ сраженіи, что принуждена была идти и исправить поврежденіе на островѣ Королевскомъ. Послѣ того Контръ-Адмиралъ снова началъ крейсерство, явился передъ Багавіею, когда Англичане готовы уже были захватить колонію, спасъ ее, плавалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и возвратился въ Иль-де-Франсъ, гдѣ собраны были всѣ богатые призы его. Въ 1799 г., въ новомъ крейсерствѣ, съ однимъ фрегатомъ и одною корветтою, Серсей прошелъ въ Портъ-Луи подъ огнемъ двухъ линейныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ Англійскихъ. Это была послѣдняя его экспедиція.

Только корсары Французскіе пускались послѣ сего въ разъѣзды, смѣло и удачно. Послѣ Аміенскаго мира, небольшая эскадра вышла однакожъ изъ Бреста, чтобы придать хоть нѣкоторую важность одной изъ статей трактата, по которой Франціи возвращали Пондишери, и еще кой-какія

Фундаментальная

мѣста. Она отправилась въ Мартѣ 1803 г., подъ начальствомъ Адмирала Линуа. Линейный корабль *Маренго*, о 74-хъ пушкахъ, при фрегата, *la Belle-Poule* и *Аталанта*, о 40-ка, *la Sémillante* о 36-ти, и два транспорта *La Côte-d'Or* и *la Marie-Française*, составляли экспедицію; при ней находился дивизіонный Генералъ Деканъ, именованный *Генералъ-Капитаномъ Французской Индіи;* 1600 солдатъ были подъ его начальствомъ, и 1400 пассажировъ присоединились къ экспедиціи. La Belle-Poule, отличный на ходу, опередилъ другіе корабли, и въ девяносто дней проплылъ 4000 льё; другіе опоздали 22-мя днями.

Начальники экспедиціи удивились, увидя по прибытіи своемъ, что на Пондишери развѣвается еще Британскій флагъ. Не смотря на всѣ убѣжденія, Англійскій Коммиссаръ Куллень отказывался сдать крѣпость, а эскадра изъ двухъ линейныхъ кораблей и пяти фрегатовъ, стоявшая вблизи, казалась готовою, въ случаѣ надобности, подкрѣпить упорство Коммиссара. По прибытіи всей Французской экспедиціи, свезли на землю пассажировъ и нѣсколько сотъ солдатъ, но Куллень напрасно призывалъ къ себѣ Декана для личныхъ переговоровъ; Генералъ утверждалъ, что по даннымъ ему предписаніямъ, онъ долженъ сойдти на землю только во Французскихъ владѣніяхъ. Упорство его оказалось кстати, ибо корабль *le Bélier*, отправленный черезъ десять дней послѣ отплытія экспедиціи, явился въ Индіи, и вручилъ Генералъ-Капитану новый приказъ, немедленно оставить Пондишери, и смѣнить

Иль-де-Франскаго и Бурбонскаго губернатора Магаллона (*). На другой день удалились всѣ Французскіе корабли.

Желая изъяснить такую перемѣну, надобно вспомнить, какъ шатко и недружелюбно было Аміенское заключеніе мира. Не былъ-ли даже весь этотъ миръ только политическою уловкою правителей Англіи, чтобы вызвать изъ гаваней Французскія морскія силы и торговые корабли, и вдругъ уничтожить ихъ всѣ, по данному знаку, когда разсѣются они по разнымъ морямъ Азіи и Америки? Не заключалось-ли въ уклончивости Англичанъ хитраго намѣренія истребить такимъ образомъ флоты и торговое мореплаваніе Французовъ, возникавшіе волею Наполеонова генія? Поведеніе Англійскаго чиновника въ Пондишери оправдываетъ подобное подозрѣніе, а двукратное раззореніе Копенгагена, и множество другихъ событій подтверждаютъ вѣроятность такого замысла національной ненависти. — Надобно однакожь отдать справедливость правительству Мадраса: оно не захватило двухъ транспортовъ, прибывшихъ послѣ другихъ кораблей въ Пондишери. Но когда вскорѣ началась новая война между Наполеономъ и Англіею, въ Индіи не знали, что̀ дѣлать съ 200-ми Французскихъ солдатъ, тамъ оставшихся; они

(*) Остр. *Бурбонъ* названъ былъ тогда *остр. Бонапарте*, а *Портъ-Луи* на Иль-де-Франсѣ *портъ Наполеона. Прим. Перев.*

укрѣпились въ монетномъ Пондишерійскомъ дворѣ, и напрасно восемь сотъ Англичанъ, съ четырьмя пушками, окружили ихъ и уговаривали сдаться. Отказъ былъ единственнымъ отвѣтомъ адъютанта Бино. Послали спрашивать въ Мадрасъ, переговаривали, окружили Французовъ грозною силою; ничто не могло убѣдить храбрыхъ сдаться безъ условій. Двѣсти человѣкъ принудили такимъ упорствомъ непріятеля, въ десятеро сильнѣйшаго, согласиться на перевезеніе ихъ во Францію, съ условіемъ не служить только противъ Англіи въ теченіе года. Безъ сомнѣнія, если въ этомъ дѣлѣ Бино былъ достоинъ похвалы, за твердость въ отчаянномъ положеніи, то и Англійскіе начальники поступили благородно, пощадивъ горсть храбрыхъ людей, и удостоивъ ихъ чести свободнаго договора. Приказанія изъ Англіи предписывали совсѣмъ другое, ибо въ послѣдствіи договаривавшіеся были строго наказаны, за свое человѣколюбіе выговоромъ Англійскаго Адмиралтейства.

Высадивъ на Иль-де-Франсъ новаго губернатора, эскадра Линуа оставалась свободною, ибо ея порученіе въ Индіи кончилось. Война кипѣла жестоко. Линуа рѣшился пуститься на крейсерство и стараться вредить торговлѣ Англичанъ въ Индіи. Октября 8-го 1803 г. отплылъ онъ изъ Порть-Луи, съ кораблями *Маренго*, *la Sémillante*, *la Belle-Poule* и корветтою *le Berceau*, вновь прибывшею. На пути захватили нѣсколько кораблей Остъ-Индской Компаніи, отправили ихъ въ Иль-де-Франсъ, и напали на Бенкуленъ, потомъ пере-

шли въ Зондскій проливъ. Всѣ корабли Англійскіе въ Бенкуленѣ и Селлабарѣ были уничтожены. Причиненный убытокъ оцѣняли въ 12-ть милліоновъ. Но собственность туземцовъ была свято сохраняема.

Отъ Бенкулена, Линуа прибылъ въ Батавію, 1-го Декабря 1803 года. Мѣсяцъ остановки въ этомъ нездоровомъ мѣстѣ заразилъ весь экипажъ лихорадками. Отправляясь снова, съ присовокупленіемъ къ эскадрѣ Голландскаго брига, Адмиралъ имѣлъ на корабляхъ своихъ множество больныхъ. Проходя Гаспарскимъ проливомъ, въ Январѣ 1804 года находился онъ въ виду острова Пуло-Аоръ, при входѣ въ Китайское море. Въ это время конвои Ость-Индской Компаніи выходятъ изъ Кантона и плывутъ въ Англію. Линуа думалъ захватить ихъ и поживиться богатыми призами. Дѣйствительно, Февраля 14-го показались подъ вѣтромъ двадцать кораблей. Но обманутый извѣстіями, Линуа ошибся въ разсчетѣ непріятельской силы, напалъ не рѣшительно, и едва загремѣли непріятельскія пушки, подумалъ, что имѣетъ дѣло съ военными кораблями, когда, напротивъ, всю защиту непріятеля составляли одни Компанейскіе корабли (country-ships), слабо вооруженные. Линуа оробѣлъ, и послѣ небольшой перестрѣлки отступилъ. Для усиленія его робости, Англичане показали даже видъ, что преслѣдуютъ его, и продолжали эту удачную насмѣшку, пока нашли возможность убѣжать. Прибытіе въ Англію богатаго Кантонскаго флота, которымъ такъ легко могли

овладѣть непріятели, произвело въ Лондонѣ всеобщую радость, не менѣе великой побѣды. Король лично вручилъ Капитану, начальнику конвоя, кресть ордена Бани, а Компанія раздала милліоны въ награду экипажа.

Возвратясь къ Иль-де-Франсу, Линуа приготовился въ новое крейсерство, съ *Маренго*, *Аталантою* и *la Sémillante*. Онъ посѣтилъ заливъ св. Августина въ Мозамбикскомъ проливѣ, перешелъ въ Индійскій Океанъ, захватилъ два груза большой цѣны, прошелъ въ Бенгальскій заливъ, былъ у Мазулипатама и Кондживерма, и наконецъ явился передъ колоніею Визигапатамскою. Три Англійскіе корабля были тутъ на якорѣ, одинъ большой военный, другіе Компанейскіе, съ богатымъ грузомъ. Подъ Англійскимъ флагомъ, въ расплохъ, подошелъ Линуа, и фрегаты его начали пальбу. Англичане отвѣчали съ кораблей и съ берега, и черезъ часъ битвы, когда Маренго вступилъ въ бой, Англійскій большой корабль бѣжалъ, два другіе потопули. Но Линуа не умѣлъ докончить побѣды и удалился; Англичане увѣряли потомъ, что онъ бѣжалъ. Остатокъ продолжительнаго крейсерства Линуа не представляетъ значительныхъ случаевъ. Счастливый въ избѣганіи превосходныхъ силъ, онъ сдѣлалъ еще кампанію, былъ при входѣ въ Чермное море и близъ Цейлана, разбилъ эскадру Коммандора Тоунбриджа, останавливался близъ мыса Доброй Надежды, обходилъ почти всѣ мѣста по западному берегу Африки, и, по недостатку запасовъ и снарядовъ, рѣшился возвратиться во Фран-

цію. Въ двѣнадцатый разъ, считая съ отплытія своего изъ Бреста, перешелъ Линуа экваторъ, и уже находился близъ Французскихъ береговъ, съ кораблями *Маренго* и *la Belle-Poule*. Марта 14-го 1806 г. встрѣтила его Англійская эскадра, изъ семи кораблей линейныхъ, двухъ фрегатовъ и одной корветы. Линуа старался удалиться, но его облавили, стѣснили, и для спасенія чести надлежало сражаться. Два корабля его бились упорно противъ девяти, и сдались только послѣ отчаяннаго сопротивленія.

На волнахъ Индійскаго Океана было еще замѣчательное дѣло, едва-ли не славнѣйшее въ лѣтописяхъ Французскаго флота. Англійскій линейный корабль *Tremendous*, о 74-хъ пушкахъ, провожалъ 12-ть большихъ вооруженныхъ кораблей Компанейскихъ. Сорока-пушечный фрегатъ *la Canonnière* встрѣтился съ этимъ флотомъ. Не смотря на неравенство силъ, Французскій капитанъ Бурейнъ сталъ подъ вѣтромъ, въ двухъ кабельтовахъ, съ опасностью погибнуть отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; но можетъ быть никогда, ни одинъ фрегатъ не умѣлъ съ такою ловкостью вступить въ битву и выдержать ее. Бурейнъ хорошо зналъ искуство и храбрость своихъ подчиненныхъ, увѣренный притомъ, что бѣгство будетъ безполезно. Послѣ часовой битвы выгода осталась рѣшительно на сторонѣ Французовъ: все было цѣло на фрегатѣ, ибо выстрѣлы Англичанъ пролетали мимо, а между тѣмъ гораздо удачнѣе летѣли выстрѣлы Французскіе. Вскорѣ Англійскій корабль приведенъ

былъ въ затруднительное положеніе. Выгода вѣтра перешла тогда къ Французамъ, и они поспѣшили удалиться отъ своего грознаго противника. Напрасно Компанейскіе корабли хотѣли вступить въ битву; Бурейнъ не удостоивалъ даже отвѣтомъ ихъ безсильные выстрѣлы. Въ жару сраженія, экипажъ просилъ у Капитана приказа сцѣпиться на абордажъ, и Капитанъ едва могъ удержать столь безразсудный порывъ отваги. Довольно было чести для сорока-пушечнаго фрегата отбиться отъ семидесяти-четырехъ пушечнаго корабля, превосходнаго устройствіа, помогаемаго 12-ю вооруженными купеческими кораблями.

Съ того времени до общаго мира въ 1814 году, Англія соединила въ Бенгальскомъ заливѣ столь важныя силы, что исторія Французскихъ владѣній Индіи въ обоихъ отношеніяхъ, мореходномъ и колоніяльномъ, прекратилась рѣшительно. Взятіе Иль-де Франса и Бурбона не оставило нигдѣ прибѣжища даже и Французскимъ корсерамъ. Замѣтимъ славную защиту Портъ-Луи отъ силъ Англійскихъ, послѣ чего не постыдно было паденіе; замѣчательны были и частныя дѣла Французскихъ моряковъ, предшествовавшія потерѣ Иль-де-Франса. Капитанъ Дюперре, съ фрегатомъ *Беллоною*, прошелъ до устья Ганга въ 1809 году, взялъ шамъ Англійскій фрегатъ и корветту, соединился съ фрегатомъ *Ла-Маншъ*, подъ начальствомъ Капитана Дорналь де-Гюи, отбился отъ преслѣдователей и возвратился въ Иль-де-Франсъ. Послѣ того надобно было уже только защищаться, а не

нападать. Бишва при *Императорскомъ* портѣ (что нынѣ *Юго-восточный*), гдѣ Дюперре, при пособіи Буве и Мориса, съ двумя фрегатами и корветтою, уничтожилъ четыре Англійскіе фрегата, *Сиріусъ*, *Нереиду*, *Ифигенію* и *Колдунью*; потомъ взяшіе фрегата *Африканка*, капитаномъ Буве, и множество другихъ событій въ такомъ родѣ означили уничтоженіе Французской морской силы внѣ предѣловъ Европы. Рядомъ съ *Сюркуфомъ*, *Трегуаромъ*, *Льермитомъ*, *Бержере*, *Мальру*, Иль-де-Франсъ горделиво ставитъ имена *Гамелена*, *Дюперре*, *Дорналь де-Гюи*, *Мориса*, *Лемарана*, *Мула*, *Ле-Бретона*, *Рене Декана* и другихъ, оспоривавшихъ превозмогавшую силу Англіи, и отчаянно бившихся за послѣднее мѣсто въ Индійскихъ моряхъ, гдѣ вѣялъ еще флагъ Французскій.

Послѣ 1814 года, въ числѣ заведеній Индійскихъ, уступленныхъ Франціи изъ одного горделиваго великодушія, находилось и *Пондишери*. Восемнадцать лѣтъ тишины и спокойствія, протекшихъ съ того времени, едва возстановили этотъ бѣдный городъ. Скупые при своемъ великодушіи, Англичане ограничили весь округъ земли, уступленный съ Пондишери, квадратною льё пространства, такъ, что при первомъ знакѣ войны, Англичане вступяшъ въ это владѣніе, которое на свой счетъ обрабошываютъ и улучшаютъ для нихъ Французы. И трудно-ли будетъ подобное дѣло? Пондишери шенерь уже не есшь крѣпкое военное заселеніе, но мирная торговая факторія, съ магазинами вмѣсшо крѣпосши, съ аллеями вмѣсшо валовъ. —

Можно-бы надѣяться, что нынѣ, при болѣе здравыхъ понятіяхъ о войнѣ, на случай разрыва колоніямъ позволятъ оставаться въ неутральномъ положеніи, такъ, чтобы раззореніе не постигало бѣдныхъ колонистовъ. Это былъ-бы первый шагъ къ рѣшенію болѣе отдаленнаго вопроса, о предоставленіи всѣмъ колоніямъ Европейскимъ независимаго владѣнія производительными силами своими и свободы торговли. Превосходные опыты, сдѣланные въ Кубѣ и Синкапурѣ, должны-бы кажется показать, какія важныя слѣдствія можетъ произвесть эта здравая система понятій о правахъ человѣчества.

Окрестности Пондишери, украшенныя длинными аллеями и пересѣкаемыя великолѣпными садами, заключаютъ въ себѣ множество Индійскихъ деревень, вообще называемыхъ *альде*. Здѣсь вырабатываются извѣстныя синія ткани, или гини, производство которыхъ осталось за Пондишери, какъ выработка платковъ Индійскихъ за Мадрасомъ. Въ моемъ паланкинѣ, я путешествовалъ по многимъ альде, и почти у каждаго семейства находилъ тамъ ткацкое заведеніе. Вездѣ встрѣтите ткача, передъ станкомъ, удивительно простымъ, состоящимъ изъ двухъ отрубковъ на четырехъ деревянныхъ брускахъ, сквозь которые проходитъ цѣпь; они поддерживаются, одинъ двумя веревками, прицѣпленными къ потолку, иногда на открытомъ воздухѣ къ дереву, другой двумя веревками, привязанными къ ногамъ ткача. Подлѣ находится работникъ, связывающій нити ткани, прядильщица

съ своимъ колессомъ, размашивальница, отдѣлыватель шканей, красильщикъ, рисовальщикъ, всѣ распредѣленные на касты, такъ, что каждое отдѣленіе работы вѣчно производится извѣстнымъ и однимъ работникомъ, его сыномъ и внукомъ. При всей неопытности моей въ мѣстныхъ познаніяхъ, я могъ уже различить здѣсь рѣшительное раздѣленіе кастъ, основанное на строгой системѣ политической и религіозной. Этотъ обычай—дѣлить всѣхъ людей на разряды, отъ Паріи до Брамина, и предписывать имъ іерархическое устройство, съ которымъ соединены права и обязанности раздѣльныя, восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ Индійской Исторіи. Но какъ странно это для непривыкшихъ глазъ и понятій Европейца! Только въ Калькуттѣ и Бенаресѣ, этихъ святилищахъ Индійскихъ вѣрованій, могъ я сообразить свои впечатлѣнія и дать въ нихъ отчетъ умственнымъ идеямъ. Теперь бродилъ я еще повсюду, просто, какъ любопытный пришлецъ, который все хочетъ напередъ видѣть, а потомъ уже станетъ отдавать себѣ отчетъ въ видѣнномъ. Будучи гостемъ въ Пондишери, старался я узнать, въ чемъ состояли блескъ, богатство, торговое движеніе этого города въ славныя времена Дюплейкса. Въ окрестностяхъ и въ городѣ искалъ я слѣдовъ прешедшаго величія Французскаго. Мое положеніе походило на положеніе бѣднаго Гафнера, Голландскаго странствователя, долгое время живнаго въ мѣстечкѣ Садрасѣ, на сѣверъ отъ Пондишери. Онъ пришелъ туда въ послѣдствіи еще разъ, когда мѣстечко это

было опустошено, сожжено, изтреблено Англичанами. Бѣдный Гафперъ описалъ скорбь свою въ книгѣ, гдѣ говоритъ объ уничтоженномъ городкѣ, и описываетъ всѣ прежнія подробности его быта; приведу здѣсь нѣсколько словъ, могущихъ дать понятіе о нравахъ и жизни вообще въ колоніяхъ Европейскихъ въ Индіи; мнѣ кажется, не льзя говорить трогательнѣе, проще и краснорѣчивѣе — пусть все живо передъ вашими глазами.

« Здѣсь — говоритъ Гафперъ — здѣсь бывали у насъ бѣлильни, и на этомъ полѣ видалъ я, какъ молодыя дѣвушки обливали водою распянутыя по полю шкани, и беспечно пѣли веселыя пѣсни. Далѣе, въ этомъ отдѣленіи была красильня, вся заставленная горшками, гдѣ варились индиговыя краски для шкапей. Въ этой улицѣ живали бѣльщики, а тутъ, подлѣ этихъ кокосовъ, работали шкачи; далѣе, въ этихъ разрушенныхъ зданіяхъ жили рисовальщики шкапей.

«Вотъ домъ, гдѣ было училище; издалека слышенъ былъ здѣсь шумъ, производимый Малабарскими учениками, и трудно было понять, какъ сосѣди могли выдержать этотъ безпорядочный лепетъ и говоръ. Большіе мальчики кричали здѣсь свои *арандшель ведомбу* (стихи, выученные наизусть); маленькіе твердили громко свою *атаховре* (азбуку); тѣ въ слухъ учились считать, эти напѣвали свои *пурана* (выписки изъ священныхъ книгъ). Передъ дверьми тѣснилась толпа мальчиковъ; они сидѣли на землѣ, сложа подъ себя ноги, и чертили на пескѣ пальцами буквы, произнося ихъ

въ то-же время во весь голосъ. Весь этотъ маленькій народъ кричалъ и возглашалъ такъ громко, что сдва можно было разслушать грозныя восклицанія ихъ *гуру* (учителя).

«Остановимся здѣсь, передъ этою длинною и широкою улицею, гдѣ былъ *базаръ*. Опустѣлое пространство это бывало прежде покрыто муравейникомъ Индійцевъ. Когда по утрамъ я прихаживалъ сюда, двойными рядами сидѣли тутъ торгаши, склоняясь къ землѣ, провозглашая названія своихъ товаровъ, и ласково уговаривали прохожихъ покупать.

»Въ базарные дни, какое любопытное бывало здѣсь зрѣлище, какой шумъ, какое движеніе! Обитатели Садраса и окрестностей его приходили съ товаромъ; молодыя Индіянки, дѣвушки и женщины, несли корзины съ плодами и цвѣтами; продавцы, обремененные корзинами сарачинскаго пшена, *тинне*, *ченье* и другихъ зеренъ; старухи, съ своими горшками и рогожками; разнощики, съ пряностями, табакомъ, *арекомъ*, *оллями* — пальмовыми листьями, на которыхъ Малабарцы пишутъ желѣзною иглою—наконецъ, торгаши сандальнаго дерева, пальмоваго сахара, и всякой всячины — всѣ бывали здѣсь.

«Недалеко отъ торгашей стояли *бпке-кайсны* (фокусники), далеко превосходившіе все, что только подобнаго знаютъ въ Европѣ; *жаньямы*, предвѣщатели будущаго; *путту-керетже*, накалывающіе фигуры и эмблемы на рукахъ и на пѣлѣ; *агапе*, продавицы браслетовъ, корзинщицы, пирожницы.

«Едва настанешь бывало день, вотъ и отпираютъ лавки, и являются *банiаны* (купцы), съ своимъ пробнымъ камнемъ, съ своими вѣсочками, съ своими мѣшками, наполненными *кашей*, *фанамъ* и *рупiй*; другіе раскладываютъ свои ткани и товары. Нищіе брамины стоятъ подлѣ своихъ пагодовъ, или передъ домами богатыхъ браминовъ, между тѣмъ какъ *факиры*, совершенно нагіе, бродятъ въ толпѣ и просятъ подаянія.

«Девять часовъ, или около того; сошлись покупатели, зрители — рынокъ полонъ, толпа тѣснится, крики усилились — тысячи голосовъ повторяютъ, всякій свое: *Мангаи палута монгаи* (манги, свѣжія манги)! — *Пити* (шамариндъ)! — *Валейпатамъ* (желтые бананы)! — *Тайеръ венема тайеръ* (кислое молоко, кому кислаго молока)! — *Урга* (вареные плоды)! — *Ней веней* (свѣжее масло)! — *Кира, кира* (овощи, овощи)! — *Паку ветеле* (арекъ и бетель)! — *Тенга еланаръ* (орѣхи кокосовые)! — *Лонга, лонга* (пальмовыя яблоки)! — *Венжагамъ* (лукъ)! — И за всѣмъ этимъ слѣдуютъ голоса и куплеты *саньясовъ*, съ ихъ шумными цимбалами, барабанами *жогіевъ*, колокольчиками *пучари*, и кромѣ того слышно карканье воронъ, стадами летающихъ повсюду, среди этой подвижной, шумной толпы, подстерегающихъ благопріятную минуту схватить какой нибудь кусочекъ — и все это составляло такой шумъ, такой говоръ, о которомъ не можетъ составить себѣ понятія тотъ, кто самъ не слыхалъ его.

«И вотъ сквозь эту толпу пробирается *берье-*

сошергъ, быкъ принадлежащій пагоду, едва удостоивая принять отъ доброхотныхъ дателей какую нибудь пищу. Ему предлагаютъ лучшую зелень, его ласкаютъ, зовутъ, всякій радъ его поподчивать чѣмъ нибудь. Это священный быкъ: трезубецъ, напечатанный горячимъ желѣзомъ на его живопѣ, показываетъ вамъ, что этотъ быкъ принадлежитъ пагоду. Никогда и ничего онъ не работаетъ, бродитъ гдѣ ему угодно, беретъ все что захочетъ, и никто не осмѣливается отогнать его. Почью уходитъ онъ въ пагодъ. Одна бѣда ему: если онъ забредетъ за городъ, Музульмане, либо Европейцы убьютъ великаго шунядца — онъ такой жирный....

«Въ четыре часа вѣетъ вѣперокъ съ гавани, и мы идемъ въ рощу, освѣжиться *каллу* (пальмовкой). Наступаетъ вечеръ; мы принимаемся за нашъ обѣдъ. Вотъ *карри-секко*, *арось почерье* (нѣжное пшено), жареныя птицы, *карватъ* (хорошая рыба), сухіе плоды. Никогда не употребляли мы ни вилокъ, ни ложекъ при нашемъ *карри:* оно вкуснѣе, когда берутъ его руками.

« Послѣ ужина все такъ весело — пьютъ пиво, пуншъ, лимонадъ, чай, жуютъ бетель, зажигаютъ сигарки, поютъ Индійскіе *шкоттье* (куплеты) и *шакра* (пѣсни), аккомпанируютъ цимбалами и гитарой, танцуютъ фанданго и кадрили.

«Когда я сравниваю эту одичалую, безмолвную пустыню съ прежними картинами довольства, дѣятельности, изобилія — прости меня, Господи! — я готовъ проклинать опустошителей Садраса!

Какъ уныды эти сѣрыя, однообразныя поля, прежде покрытыя переливною зеленью пшена сарачинскаго! Вмѣсто нашихъ огородовъ и нашихъ садовъ—пустыри, заросшіе терномъ и дикою травою! Куда дѣвались прохладныя рощи кокосовъ, гдѣ внималъ я трепетаніе *калдейра* колючаго, гдѣ *тримонтел* свободно росла въ пространство поднебесное! Сочныя *лонга* падаютъ безполезно, и желтые *пангаи* лопаются и гніютъ на землѣ.....

«Нѣтъ! не будетъ уже *пучари* воспѣвать народу пѣсни о памятныхъ дѣлахъ Индійскихъ боговъ; бродящій браминъ не разскажетъ болѣе о любви *Шивы*, бога разрушенія, ни о войнахъ между *Деитта* и *Деутта*; онъ не понесетъ въ торжественномъ обрядѣ изображеній своихъ боговъ, при звукахъ *таре*, подъ вязаницами цвѣтовъ! Огромныя бумажныя чудовища, съ людьми въ нихъ заключенными, не стануть рычать, пугать и веселить народъ. Нѣтъ! священные обряды Индійцевъ исчезли въ Садрасѣ—храмы пусты; дерзскій Европеецъ и нечистый Паріа свободно идутъ въ нихъ!

«Вижу забвенные истуканы *Вишну*, *Брамы*, *Шивы*, прежде всегда вымазанные масломъ и украшенные цвѣтами. Они здѣсь еще, но безъ вѣрованія, безъ жрецовъ, какъ ниспадшее величіе. Нѣтъ поклонниковъ, опиравшихъ своими лицами пыль пороговъ; нѣтъ изувѣрныхъ страдальцевъ, висѣвшихъ на крючьяхъ, продѣтыхъ сквозь щёки ихъ; нѣтъ хиврецовъ, ходившихъ въ честь боговъ по горящимъ угольямъ; нѣтъ людей, бросавшихся подъ колесницы священныя, нѣтъ *деведасси*, баядерокъ, спано-

вившихся рядами, съ цвѣтными шалями, передъ уродливыми истуканами—нѣтъ даже ручныхъ обезьянъ, жительницъ пагода, цѣплявшихся, кривлявшихся по кровлямъ; ихъ не кому было болѣе кормить—онѣ убѣжали въ поля.»

Всѣ эти описанія добродушнаго Гафнера переносятъ странника въ цвѣтущія времена Пондишери. И здѣсь, еще болѣе нежели въ Садрасѣ, бывали шумные базары, Индійскіе праздники, пагоды, вся эта туземная, Восточная, Индійская мѣстность, столь странная, но столь и поэтическая, и все, какъ въ Садрасѣ, опустошено мечемъ и огнемъ, все пало въ запустѣніе.

Въ прогулкахъ моихъ по окрестнымъ альдеямъ, мнѣ былъ досугъ разсматривать и различать обычаи и нравы природныхъ обитателей, живущихъ вмѣстѣ, но никогда не смѣшивающихся. Среди различныхъ одна отъ другой кастъ Индійскихъ, узнаете Музульманъ, изъ коихъ одни послѣдователи Алія, другія Магаммеда, замѣтныхъ по ихъ правильнымъ, благороднымъ чертамъ лица, по ихъ мощнымъ членамъ, по ихъ важной, угрюмой осанкѣ, по ихъ бѣлымъ чалмамъ и широкимъ шароварамъ. Обожатели Вишну проводятъ на лбу двѣ бѣлыя черты, раздѣленныя желтою чертою; эти знаки ставятъ они себѣ каждое утро, разводя краску съ коровьимъ навозомъ. Бонзы, родъ покаянниковъ Индійскихъ, доводятъ такой признакъ благочестія до излишества, испещряя себѣ всѣ тѣло бѣлыми полосами. Одѣяніе Индійцевъ состоитъ изъ бѣлыхъ шароваровъ, узкихъ около колѣна; остальная

часть тѣла ихъ открыта, и только богатые носятъ еще бумажныя рубашки. Одѣяніе женщинъ разнообразнѣе; иногда состоитъ оно изъ юбки Гипейской ткани, голубаго цвѣта, достигающей до икръ, и изъ лоскута, закрывающаго грудь и падающаго на спину; иногда изъ узкаго платья съ рукавами, и наконецъ изъ широкаго платья, перехваченнаго поясомъ.

Пондишерійскія альде вообще показываютъ довольство. Хижины въ нихъ похожи одна на другую, построены изъ соломы, и обыкновенно дѣлятся на двѣ части, одну гдѣ живутъ мужчины, другую гдѣ обитаютъ женщины. Домашняя утварь въ хижинахъ состоитъ изъ рогожекъ, разостланныхъ по полу, нѣсколькихъ звѣриныхъ шкуръ, или бумажнаго ковра, кучи тканей, и ящика, гдѣ складывается одежда цѣлаго семейства. Низшія касты, составляющія прислугу, или отправляющія работы, почитаемыя погаными и предоставленныя паріямъ, живутъ въ бѣдныхъ капурахъ; вся одежда ихъ— лоскутъ ткани, едва прикрывающій тѣло отъ поясницы до икръ.

Въ каждой альде легко распознать жилища различныхъ кастъ. Браминскія отличаются обширностью, формою постройки и множествомъ прислужниковъ. Женщины обитаютъ въ верхней части домовъ, какъ совершенныя затворницы, занимаясь домашними работами и будучи покорными невольницами своихъ мужей. Обычай раздѣляетъ въ Индіи *мужчину* отъ *женщины* безмѣрными преимуществами. Браминъ замѣненъ по своему бѣлому каф-

тану, искусно драпированному на плечахъ, по своему тучному тѣлу, и походкѣ, важной, горделивой, высокомѣрной. Жены Браминовъ, никогда неупражняющіяся въ тяжелой работѣ, вообще красивы и стройны; зубы у нихъ бѣлые; глаза черные, обведенные голубымъ кружкомъ; грудь полная, ножки маленькія и руки нѣжныя. Страшныя охотницы до нарядовъ, онѣ обременяютъ себѣ руки и ноги золотыми кольцами, носятъ кольцы на шеѣ, на лбу, въ волосахъ. Широкія шаровары, прикрытыя рубашкою, и лоскутъ никани, который драпируется на шеѣ, головѣ и плечахъ, составляютъ обыкновенный нарядъ ихъ. Иныя Брамянки продѣваютъ золотыя кольца даже сквозь носъ—украшеніе безобразное, къ которому никакъ не можетъ привыкнуть глазъ Европейца.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ въ альде, мои носильщики обратились въ городъ. Дорога представляла намъ любопытное зрѣлище; тутъ тѣснились тѣлеги, наполненныя припасами; Европейскія кареты и колясски, за дорогую цѣну получаемыя изъ Лондона и Калькутты; щегольскіе паланкины, покрытые украшеніями и отличные красивымъ одѣяніемъ носильщиковъ; наконецъ, гади, или Малабарскія повозки, родъ подвижныхъ бесѣдокъ, везомыхъ двумя быками, бодрыми и проворными, не хуже доброй лошади. Странный экипажъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ употребительныхъ между богатыми туземцами; удобный и легкій, онъ обыкновенно нестрится коврами и позолотою; быки, везущіе его, нерѣдко имѣютъ на рогахъ золотыя кольца, или цѣпи;

иногда даже раскрашиваютъ имъ грудь, ноги и тѣло.

Не вступая еще въ городъ, мы остановились близъ *шаултри*, или Индійской гостинницы. Такая гостинница бываетъ обыкновенно похожа на Турецкій караванъ-сарай. Это особенное убѣжище, открытое для всѣхъ странниковъ; здѣсь, какъ въ мѣстѣ исключенія, всѣ касты допускаются, всѣ вѣрованія обитаютъ подъ одною кровлею; тутъ есть даже мѣсто и для Паріи, котораго гонятъ изъ всякаго другаго обиталища, какъ живопное гадкое и нечистое; сюда доступенъ входъ Европейцу, Музульманину, Армянину, Китайцу, и проч.— Это гостепріимство космополитское, милосердіе благочестивое, въ самомъ обширномъ и возвышенномъ значеніи. Шаултри состоитъ всегда изъ обширнаго зданія, которое дѣлится на множество комнатъ, безъ всякаго убранства. Въ каждой комнатѣ могутъ помѣщаться одинъ, или нѣсколько странниковъ, а внѣшняя галлерея опредѣлена для кастъ поганыхъ. Въ толпѣ многоразличныхъ гостей наблюдается терпимость удивительная и нравственность самая строгая. Рѣдко бываетъ, чтобы шаултри осмѣлился кто нибудь обезчестить ссорою, или воровствомъ. Добрый Гафнеръ говоритъ объ этихъ заведеніяхъ съ трогательною горестью. «Прелестна была наша шаултри Мушкарренская; стояла она далеко отъ дороги, въ величественной рощѣ, орошаемой источникомъ воды. Недавно построенная, она издали свѣтилась своими зданіями, выбѣленными известкою и опли-

чалась своею галлереею съ столбами. Когда бывало жарко, странники спали въ этой галлереѣ. Подлѣ былъ обширный, многоводный прудъ, въ который глядѣлись высокіе кокосы, а далѣе, подлѣ храма Парвати (Индійской Минервы) и храмика Полеара, зыблились деревья сада, обремененныя плодами превосходнаго вкуса. Основанныя ревностью благочестивыхъ, шаултри бываютъ иногда снабжены доходами, позволяющими имъ роскошное гостепріимство; вмѣсто канджевой воды (воды съ сарачинскимъ пшеномъ), предлагаемой каждому Брамином, нерѣдко странникъ находитъ въ нихъ безденежную раздачу сарачинскаго пшена, кореньевъ, дровъ и соломы для лошадей.»

Учрежденіе шаултри бываетъ не рѣдко исполненіемъ обѣта въ очищеніе совѣсти. Богачъ, запятнавшій себя преступленіемъ, корыстолюбивый лихоимецъ, сильный злодѣй, спараются загладить передъ Богомъ свои грѣхи такимъ благочестивымъ дѣломъ. Отъ того, вся Индія усѣяна подобными заведеніями. Почти каждое изъ нихъ украшается внутри барельэфами, изображающими самыя соблазнительныя фигуры, какія только можно вообразить. Религіозный обычай, въ слѣдствіе коего сооружаются шаултри, не повелѣваетъ-ли этого, какъ необходимой ихъ принадлежности—не знаю.

На одной изъ Пондишерійскихъ площадей я увидѣлъ толпу Индійцевъ, обратившую на себя мое вниманіе. Мы остановились на минуту: это были фокусники Индійскіе. Почти нагіе, прикрытые только кускомъ ткани, повѣшеннымъ на грудь и

спину, они показывали удивительные опыты своего искуства. Передъ ними были раскладены шарики и стаканы, которыми дѣйствовали они съ проворствомъ изумительнымъ, не прибѣгая къ пособію мѣшка, какъ дѣлаютъ это наши фокусники Европейскіе. Сума, находившаяся въ нѣкоторомъ разстояніи, заключала въ себѣ всѣ остальныя орудія ихъ промысла. Штуки начаты были двумя Индійцами, и состояли изъ обыкновенной игры стаканами, шарами, превращенія предметовъ, и всякаго *обморочиванія*. Потомъ слѣдовало глотанье шпаги, глотанье разныхъ вещей и находка ихъ у другихъ; наконецъ балансировка на слабо натянутой веревкѣ, съ разными эквилибрическими принадлежностями, шпагой на носу, на подбородкѣ и гдѣ угодно. Все это было показано весьма просто, ловко, безъ усилій и безъ робости. Но вообще однакожъ, если Индійцы и были первоначальными учителями въ фокусёрствѣ, они должны теперь уступить своимъ Парижскимъ и Лондонскимъ ученикамъ. Говорятъ, будто есть нѣкоторые Индійскіе фокусы, отъ которыхъ можно изумиться, и которые не слыханы въ Европѣ, но я не видалъ такихъ фокусовъ. Вотъ, что разсказываетъ Г-нъ Кауперъ, въ своемъ альманахѣ:

«Молодая и красивая женщина, бывшая въ числѣ Индійскихъ фокусниковъ, надѣла на голову родъ повязки, или вѣнчика, отъ котораго, въ равномъ разстояніи одинъ къ другому, висѣли двадцать ленть, одинакой длины; у каждой на концѣ былъ завязанъ узелъ. Подъ рукою держала она корзин-

ку, и въ ней расположено было порядкомъ 20-ть куриныхъ яицъ. Корзинка, вѣнчикъ, яица, все было намъ показано напередъ; обмана никакого не было; штука производилась днемъ, и каждый могъ разсмотрѣть всѣ вещи и уловки очень хорошо. Фокусница отошла на нѣсколько шаговъ отъ насъ, перевернулась, и начала помаленьку вертѣться, не сходя съ мѣста, но наконецъ такъ быстро и скоро, что голова у меня закружилась; казалось, это была не женщина, но оживленный кубарь. Когда скорость доведена была фокусницею до изумительной быстроты, она схватила одну изъ лентъ, составлявшихъ при ея движеніи какъ будто кружокъ изъ лучей; не переставая усильно вертѣться, она положила одно яицо на конецъ ленты, въ узелъ, опустила ленту, взяла другую, положила другое яицо, и продолжала такимъ образомъ, пока всѣ яицы помѣстились въ лентахъ; вертѣлась съ ними нѣсколько времени безъ остановки; потомъ развязывала всѣ ленты, снимала яица одно за другимъ, и складывала ихъ порядкомъ въ корзинку. Едва кончилось это, она остановилась вдругъ, безъ всякаго усилія, и была неподвижна, будто мраморная статуя. Лицо ея было спокойно, никакой усталости и изнеможенія на немъ не было видно, хотя она произвела движеніе почти невѣрное.

«Едва кончился опытъ съ вертящеюся женщиной, въ средину собранія вступилъ сильный мужчина, свирѣпаго вида. Онъ держалъ въ рукахъ корзинку, и просилъ насъ осмотрѣть ее. Мы осмотрѣли и увѣрились, что это была обыкновенная

корзинка, какія дѣлаются въ Индіи, легкая, и вся сквозная. Фокусникъ подозвалъ къ себѣ послѣ того премилую дѣвочку, лѣтъ восьми, веселую, рѣзвую, смуглую, но очаровательной красоты и невинности; онъ посадилъ ее въ корзинку, закрылъ крышкою, и видъ его вдругъ сдѣлался ужасенъ. Онъ началъ спрашивать у дѣвочки; бѣдняжка отвѣчала изъ корзинки, и очарованіе было совершенное: мы не могли не убѣдиться, что точно изъ корзинки слышался намъ нѣжный, тоненькій голосокъ въ отвѣтъ на грубый голосъ фокусника. Разговоръ продолжался нѣсколько минутъ, и, казалось, фокусникъ постепенно приходитъ въ ярость; вотъ онъ наконецъ, въ совершенномъ неистовствѣ, грозитъ убить дѣвочку; она проситъ пощады, помилованія, такимъ отчаяннымъ голосомъ, что заставляетъ содрагаться. Вдругъ Индіецъ схватываетъ ножъ, упирается ногою въ корзинку, гдѣ, какъ всѣ мы были увѣрены, находится дѣвочка, и съ дьявольскимъ смѣхомъ вонзаетъ ножъ въ корзинку, еще и еще.... О! это была минута ужасная! Все звѣрство Азіятца выражалось на лицѣ убійцы, а вопли и крики несчастной жертвы были нестерпимы—я едва могъ удержать чувство гнѣва и жалости, едва не забылъ, что вижу фокусника—хотѣлъ броситься къ чудовищу; всѣ мои товарищи раздѣляли мои ощущенія, трепетали, и были блѣдны отъ ужаса. Разумѣется, каждый изъ насъ могъ разсудить, что для забавы нашей фокусникъ не рѣшится на убійство, столь хладнокровное и безполезное. Но, мы истинно не могли перенесть

этого зрѣлища, не оскорбляясь до глубины души— такъ было оно естественно! Что-же почувствовали мы, когда кровь потекла сквозь всѣ скважины корзинки, когда мы внимали постепенно стенанія умирающей, и корзинка шевелилась отъ ея смертныхъ судорогъ! И вотъ стенанія смѣняются тяжкимъ хрипѣніемъ — вздохъ, послѣдній признакъ жизни—еще разъ..... глубокое молчаніе—она умерла!.... Послѣ нѣсколькихъ волшебныхъ словъ, убійца открываетъ корзинку, показываетъ намъ— намъ никого нѣтъ; она пустая! Слѣды крови видны были на землѣ; но гдѣ трупъ дѣвочки? Черезъ нѣсколько мгновеній невольнаго удивленія, мы увидѣли ее: она протѣснилась сквозь окружавшихъ насъ зрителей, веселая, рѣзвая, и—протянула руку, прося наградить за ловкій обманъ. Мы охотно наградили ее. Въ восторгѣ отъ нашей щедрости, она проговорила намъ поэтическій саламъ (привѣтствіе) и вся шайка фокусниковъ отправилась вмѣстѣ съ нею. Обманъ зрѣнія былъ тѣмъ удивительнѣе, что во все то время, пока фокусникъ морочилъ насъ, онъ былъ въ удаленіи отъ всѣхъ. На нѣсколько футовъ никто не приближался къ нему, и ни чѣмъ не могли помочь ему другіе....»

Мѣсто, гдѣ показывались въ моемъ присутствіи различные фокусы, было на площади, недалеко отъ главнаго Пондишерійскаго пагода; я рѣшился непремѣнно посѣтить этотъ Индійскій храмъ. Въ аллеѣ, къ нему ведущей, подъ деревомъ, сидѣлъ *факиръ*, запачканный, отвратительный нищій, которому исполненіе его обѣтовъ покаянія не мѣшало про-

спишь милостыни. Нѣсколько жрецовъ и Брамин-скихъ женъ бродили тутъ-же. Пагодъ представляетъ собою зданіе тяжелаго зодчества, построен-ное изъ сѣроватаго, твердаго какъ гранитъ кам-ня. Различныя изваянія украшаютъ фасадъ его, и въ числѣ ихъ находится изображеніе Индійскаго праздника, въ которомъ ведутъ торжественно вола, въ сопровожденіи баядерокъ и музыкантовъ. Во внутреннемъ дворѣ пагода, въ первый разъ увидѣлъ я этихъ, столь славныхъ прелестницъ, называемыхъ Индійцами *девадасси*, или *девалльялы*, что значитъ, по-Санскритски, *служительницы божества*. Имя *баядерокъ*, переданное въ Европу, какъ названіе Лаисъ и Фринъ Индіи, блестящихъ всѣмъ очарованіемъ красоты и сладострастія, происходитъ отъ Португальскаго слова: *Balleiderас* (танцовщица); этимъ именемъ назвали девалльялъ первые Португальцы, прибывшіе въ Индію. Поэтическія, преувеличенныя описанія Райналя составили въ концѣ прошедшаго вѣка въ Европѣ такую громкую молву о баядеркахъ, что ее до сихъ поръ не могутъ уничтожить всѣ новѣйшія, болѣе вѣрныя описанія. Повѣришь-ли, что вмѣсто восхитительныхъ, воздушныхъ созданій, какими представилъ ихъ почтенный Аббатъ, баядерки составляютъ толпы, или старыхъ бабъ, находящих-ся при услугѣ и работѣ въ пагодахъ Индійскихъ, или молодыхъ женщинъ, старѣющихъ преждевре-менно, и всего менѣе прелестныхъ, хотя нѣкото-рыя изъ нихъ и красивы? Сладострастныя пляски баядерокъ состоятъ изъ насильственныхъ кривля-

ній и неблагопристойныхъ пѣлодвиженій, не только не очаровательныхъ, но даже непріятныхъ.

Деведасси выбираются изъ всѣхъ кастъ, за исключеніемъ только поганой касты Паріевъ. Иногда выборъ этотъ производится по неволѣ, иногда по собственной охотѣ. Дѣвушка, назначенная въ баядерки, должна быть приведена въ храмъ прежде совершеннолѣтія; ее тщательно осматриваютъ, убѣждаются въ ея красотѣ, ловкости, здоровьѣ, и когда испытаніе окажется удовлетворительно, отдаютъ ее подругамъ, уже принятымъ во храмъ. Тутъ моютъ ее въ священномъ прудѣ, одѣваютъ въ новое платье и убираютъ разными нарядами. Приготовленная такимъ образомъ, она отводится къ старшему жрецу, который совершаетъ надъ нею разные обряды, и клеймитъ ее послѣ сего горячимъ желѣзомъ, печатью пагода, къ которому должна принадлежать вновь поступившая. Она получаетъ имя и званіе баядерки; ее учатъ читать, писать, пѣть, но особенно плясать. Она проходитъ полный курсъ всѣхъ уловокъ сладострастія, всѣхъ приманокъ наряда; ея назначеніе увлекать, прельщать поклонниковъ Брамы, и заставлять ихъ, какъ можно болѣе, жертвовать пагоду за то наслажденіе, которое доставляетъ имъ *служительница божества*, принадлежа по праву браминамъ, а потомъ каждому, кто хочетъ купить ея благосклонность. Надобно, чтобы богатый Индіецъ видѣлъ всѣ роскошныя формы тѣла ея, читалъ упоеніе въ глазахъ ея, чувствовалъ всю прелесть ея положеній, и такъ, чтобы самый скупой

согласился бросить за нее кошелекъ съ золотомъ въ казнохранилище пагода. Это повелѣваютъ баядеркѣ боги: по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ ей Брамины, которые слышали все это отъ самихъ боговъ, и баядерки спараются исполнить волю боговъ своихъ, когда пляшутъ передъ ихъ идолами, полунагія, въ легкой одеждѣ, застегнутой серебрянымъ поясомъ, съ прибавкой полосатаго запана, столь прозрачнаго, что тѣло ихъ сквозитъ въ этомъ одѣяніи. Длинныя серьги, серебряныя и золотыя гремушки, которыми выбиваютъ онѣ мѣру, и множество навѣшенныхъ вездѣ колецъ, колокольчиковъ и аграфовъ, дополняютъ нарядъ священной танцовщицы.

Пляски баядерокъ состоятъ изъ разныхъ движеній, при чемъ стоятъ онѣ рядами, одна противъ другой; однообразные звуки духовыхъ инструментовъ, сопровождаемые барабанами и цымбалами, устанавливаютъ мѣру пляски. Въ пагодахъ, баядерки поютъ медленнымъ и унылымъ голосомъ похвалы дѣяніямъ Вишну.

Нѣкоторыя изъ баядерокъ предназначаются исключительно занятіямъ во храмахъ, но другія могутъ свободно ходить повсюду, и исполнять свои обязанности вездѣ, гдѣ имъ угодно. Никогда богатый Индіецъ не даетъ праздника безъ того, чтобы не пригласить баядерокъ, которымъ платитъ весьма дорого; онѣ необходимы, съ ихъ пѣніемъ и танцами, для развлеченія лѣнивaго сладострастія гостей и хозяина.

Несчастный образъ жизни баядерокъ быстро

уничтожаетъ ихъ молодость и красоту. Въ 18, въ 20-ть лѣтъ, онѣ уже старухи. Тогда жрецы отпускаютъ ихъ, замѣняя новыми. Баядерки возвращаются къ своимъ роднымъ и вступаютъ въ супружество, такъ, что прежняя жизнь ихъ не бываетъ нисколько тому препятствіемъ.

Баядерки, которыхъ видѣлъ я въ Пондишерійскомъ пагодѣ, всѣ были стары и некрасивы. Многія изъ нихъ находились подлѣ фонтана во внѣшнемъ дворѣ, и занимались мытьемъ бѣлья для жрецовъ. Этотъ внѣшній дворъ составляетъ предѣлъ, за который непозволено входить непосвященнымъ въ таинства Индійской вѣры. Мой путеводитель остановилъ меня, когда хотѣлъ я идти далѣе, и ничего не могъ-бы я узнать изъ внутренняго расположенія другаго двора, если-бы всѣ Европейцы были, подобно мнѣ, робки и несмѣлы. Ла-Пласъ, перешагнувшій запрещенную границу, говоритъ слѣдующее: «Вторая, внутренняя ограда пагода заключаетъ въ себѣ обширный, квадратный дворъ. Каменная галлерея, примкнутая однимъ краемъ къ стѣнамъ, а съ другаго края утвержденная на столбахъ, составляетъ родъ портика. Подъ нимъ увидѣлъ я множество жертвенниковъ, уставленныхъ маленькими каменными истуканами, безобразными, грубо изваянными, въ странныхъ положеніяхъ. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза по срединѣ двора, былъ столбъ, около 30-ти футовъ вышиною, раскрашенный разными красками; на верху его утверждена перекладина, вертящаяся кругомъ, и на обоихъ концахъ ея висятъ большіе

красные шары. Позади столба, все посреди двора и прямо противъ входа, увидѣлъ я родъ небольшаго храма, построенный изъ грубыхъ камней, покрытыхъ изваяніями разныхъ животныхъ, въ нелѣпыхъ формахъ. Между четырьмя столбами, поддерживающими остроконечную кровлю, оканчивающуюся шаромъ, стояло изображеніе вола, натуральной величины, изъ одного цѣльнаго сѣраго камня и отличной отдѣлки; животное изображено было стоящимъ на ногахъ, на огромномъ подножіи, обративъ голову къ низкой и маленькой двери храма. Отважно рѣшился я войдти въ этотъ храмъ, и переступивъ черезъ порогъ дверей, очутился въ комнатѣ, стѣны которой покрыты были грубыми изображеніями безобразныхъ идоловъ. Передъ ними, въ желѣзныхъ лампадкахъ, горѣло масло, распространявшее непріятный запахъ; полъ покрытъ былъ листьями, безъ сомнѣнія, принесенными отъ молельщиковъ; остатки всѣхъ приношеній за прошедшіе дни еще не были убраны, и потому отъ нихъ распространялся заразительный запахъ. Далѣе находилась комната, безъ всякаго другаго отверстія, кромѣ дверей; я приблизился къ дверямъ, и разсмотрѣлъ внутри идола, безобразной фигуры, вымазаннаго краскою и жиромъ; множество лампадъ, горѣвшихъ передъ нимъ, увеличивали ужасную вонь, выходившую изъ этого гадкаго храма. Тутъ окружила меня толпа жрецовъ, чрезвычайно недовольныхъ тѣмъ, что я осмѣлился пройдти такъ далеко въ святилище. Надобно было уступить, и оставить храмъ, съ со-

жалѣніемъ, что я не могъ подробно разсмотрѣть другихъ предметовъ, въ немъ находившихся.»

Но Пондишерійскій пагодъ, представляющій даже и снаружи любопытныя подробности, отнюдь не можетъ сравниться съ чудесами Индійскихъ построеній сего рода, какія вспрѣчалъ я потомъ въ моемъ путешествіи. Самыя окрестности Пондишери представили уже мнѣ храмы любопытнѣе, богаче, и, безъ сомнѣнія, древнѣе по времени постройки; таковы пагоды *Вильнурскій* и *Трикиваретскій*.

Во время краткаго пребыванія моего въ Пондишери, ни одинъ духовный праздникъ не привлекъ моего вниманія никакими странными и замѣчательными обрядами. Г-нъ Лапласъ, прибывшій черезъ два мѣсяца послѣ меня, былъ меня счастливѣе, и имѣлъ случай видѣть торжественные обряды трехъ вѣрованій, живущихъ здѣсь въ добромъ согласіи и терпимости. Перескажу кратко разсказъ его.

«Мы видѣли три праздника (говоритъ онъ), и первый изъ нихъ былъ *день огня*, торжествуемый Индійцами; другой память какого-то великаго Магаммеданскаго святаго; третій *Божій день* (Fête-Dieu), празднуемый Католиками. Развлеченія необходимы въ здѣшней сторонѣ, и народъ ищетъ ихъ съ жадностью; терпимость религіозная здѣсь такъ велика, что какой-бы праздникъ ни отправляли, Индійскій, Магаммеданскій, Христіанскій, равно останавливаются всѣ занятія и работы. Странно даже видѣть жителей здѣшнихъ, почти

равно празднующихъ и торжество *креста*, и *новолуніе*, и *лингамъ* Брамінскій.

« *Праздникъ огня* показался мнѣ болѣе гуляньемъ, нежели религіознымъ обрядомъ. На песчаной равнинѣ, простирающейся на сѣверъ отъ города, послѣ полудня собралось множество Индійцевъ, такъ, что мы съ трудомъ могли пробираться среди нихъ въ нашихъ палапкинахъ. Всѣ эти физіогноміи, еще утромъ того дня столь смиренныя, столь угрюмыя, приняли теперь видъ веселости и довольства, изумившій меня. Тишина, всегда замѣчаемая въ альдѣ, замѣнилась смѣшаннымъ шумомъ, который сдѣлался даже несносенъ, когда присоединились къ нему пискливые и несогласные звуки инструментовъ Индійскихъ, и восклицанія толпы возвѣстили прибытіе процессіи, предводимой Брамінами, и составленной изъ набожныхъ людей, желавшихъ очистить грѣхи свои испытаніемъ огня. На ровномъ пространствѣ, расклали связки прутьевъ, занявшіе около 30-ти футовъ въ длину и 15-ти въ ширину. Еще до прибытія кающихся, связки эти были зажжены и сгорѣли, но уголья оставались еще раскалены, догарали, и хотя кающіеся начали ходить по горящему слою довольно скоро, но я увѣренъ, что не смотря на то, эти бѣдныя жертвы фанатизма, или сообщники обмана жрецовъ, не могли-бы касаться ногами огня, какъ дѣлали они это въ моемъ присутствіи, не обжигаясь, если-бы ноги ихъ не были напередъ намазаны чѣмъ нибудь, даже предполагая, что отъ всегдашней привычки ходить безъ обуви, ноги Ин-

дійцевъ вообще могутъ терпѣливѣе снести огонь, нежели непривычныя ноги Европейца. Кающихся явилось до сорока человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, испуганные видомъ горящихъ угольевъ, отказались отъ испытанія, и принуждены были подвергнуться за то посмѣянію толпы; другіе, ободренные восклицаніями и похвалами, выдержали испытаніе мужественно и встрѣчены привѣтствіями родныхъ и друзей. Во время самаго хожденія по огню и послѣ того, кающіеся не показывали никакого признака страданія, и ходили легко и проворно; явно, что легковѣрный народъ былъ жертвою хитраго обмана. Впрочемъ, никто и не изъявлялъ большаго удивленія и благочестія. Всѣ смотрѣли на огненное испытаніе, какъ на зрѣлище увеселительное, а не на религіозный чудесный обрядъ, предназначенный для поученія и утвержденія народа въ вѣрѣ его.

« Было девять часовъ вечера, когда отправились мы смотрѣть праздникъ великаго Музульманскаго святаго. Трудно выразить необыкновенное зрѣлище, представившееся здѣсь моимъ взорамъ. Небо являлось мрачно; безпрерывныя молніи показывали, что день былъ чрезвычайно жаркій. Паланкины наши остановились въ концѣ аллей, примыкающихся къ альдѣ, и съ перваго взгляда подумалъ я, что попался прямо въ адъ. Мы очутились среди толпы людей, несущихъ факелы и канфорки съ охлопками, напитанными кокосовымъ масломъ; синеватый цвѣтъ огня, при кривляньяхъ носильщиковъ, придавалъ имъ видъ настоящихъ демоновъ.—Съ боль-

шимъ трудомъ, подвергаясь опасности двадцать разъ задохнуться, мы достигли до часовни святаго. Это было небольшое, четыреугольное зданіе; единственное отверстіе въ немъ составляла маленькая и узкая дверь, которую послѣ праздника немедленно запираютъ на цѣлый годъ. Сквозь густой дымъ, производимый дюжиною запачканныхъ лампадъ, я различилъ родъ катафалка, поставленный на полу и покрытый дряннымъ ковромъ, вещность котораго, вѣроятно, составляла всю его цѣну. Священникъ подалъ намъ по кусочку зажженнаго, пахучаго дерева, конечно, чувствуя необходимость этого пособія обонянію, среди несносной вони. Каждый получалъ, кромѣ того, изъ рукъ его плетушку бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, которую надобно было надѣть себѣ на шею. Мы исполнили это, къ большему удовольствію благочестиваго марабу. Но долго не могли мы тутъ оставаться, и спѣшили видѣть подробности процессіи, приготовлявшейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ часовни. — Насъ заняла странная бесѣдка, устроенная изъ стеколъ и разноцвѣтной бумаги; внутренность ея составляла четыреугольникъ, четыре фута во всѣ стороны и три фута вышины; надъ нею возвышался куполъ вдвое выше, который безпрестанно вертѣлъ кругомъ человѣкъ, скрытый во внутренности. Множество странныхъ, блестящихъ и расположенныхъ симметрически украшеній покрывали эту бесѣдку, освѣщенную десятью рядами свѣчь, снизу до верху; верхъ ея также былъ освѣщенъ блестящимъ огнемъ. При ша-

комъ освѣщеніи, общность цѣлаго представляла зрѣлище замѣчательное и довольно пріятное. Бесѣдка эта утверждалась на преогромныхъ носилкахъ, около которыхъ стояло двадцать человѣкъ сильныхъ носильщиковъ.

«Позади *сандана колонъ* (Индійское названіе этого огромнаго освѣщеннаго фонаря) находилась тѣлега, запряженная двумя волами, и на ней былъ утвержденъ превеликій барабанъ, въ который безпрерывно били два человѣка. Во главѣ шествія присутствовалъ марабу, почтеннаго вида, одѣтый въ бѣлое платье, съ огромною чалмою на головѣ, также бѣлаго цвѣта; по сторонамъ его шли два носильщика хоругвей, испещренныхъ таинственными знаками; марабу произносилъ молитвы громкимъ голосомъ и съ важнымъ видомъ, которому не мѣшали ни вопли и кривлянія фокусника, вооруженнаго саблею, и производившаго ею ужасные размахи, ни шумъ, какой происходилъ отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, ударявшихъ въ бубны. Важность почтеннаго марабу подверглась однакожь сильному испытанію, когда процессія двинулась въ ходъ; тутъ начался настоящій демонскій содомъ: мычанье преогромныхъ, кривыхъ трубъ, пронзительный визгъ дудокъ, оглушающій грохотъ огромныхъ барабановъ, наконецъ рѣзкій, пронзительный ревъ роговъ, похожихъ на изображенные въ Лебрёневыхъ битвахъ Александра. По крайней мѣрѣ, наши уши не могли выдержать этого оглушающаго писка, и мы бѣжали опрометью, чуть не оглохшіе, чуть не задохнувшись отъ дыма и песно-

ною вони въ тѣснотѣ. Я едва могъ отдохнуть послѣ этого испытанія. Замѣчу однакожъ, что ничего не можетъ быть кротче веселости Индійца; среди смятенія и тѣсноты, дракъ никогда примѣровъ не бываетъ, и такъ какъ Паріи изгнаны изъ всѣхъ торжествъ и праздниковъ, то пьяный человѣкъ показался-бы диковинкою среди людей, съ религіознымъ суевѣріемъ воздерживающихся отъ употребленія всякихъ винъ и крѣпкихъ напитковъ.

«Между тѣмъ приблизился праздникъ *Дня Божьяго*, и цѣлый городъ приготовился къ торжеству и отдыху.... По причинѣ жара, процессія отложена была до шести часовъ вечера; я присутствовалъ при ней, со всѣми офицерами нашего корабля. Среди множества хоругвей и образовъ, шли маленькія дѣти, представлявшіе ангеловъ и святыхъ; не смотря на прелестныя личики ихъ, едва можно было удержаться отъ негодованія, видя странный и смѣшной маскерадъ, въ какой превратило здѣшнее духовенство обрядъ самый священный. Индійцы собрались толпами смотрѣть на шествіе; множество Европейскихъ женщинъ шли за образами, и, кажется, не слишкомъ набожно. Они не забывали, что у нихъ вообще живые, быстрые глаза и лица недурны; жаль только, что вообще всѣ онѣ блѣдны, и одѣты бываютъ вовсе безъ вкуса.

«При этомъ случаѣ, мнѣ удалось видѣть свиту, сопровождающую Губернатора при торжествахъ, и хотя нынѣшнее великолѣпіе есть только слабое

воспоминаніе о величіи, какое окружало начальниковъ Пондишери въ прежнія времена, когда владычество Франціи уважалось на всемъ Индійскомъ полуостровѣ, но все еще являлось оно значительно. Восемь Индійцевъ, въ бѣлыхъ плащьяхъ, красныхъ чалмахъ и шароварахъ, съ синими перевязями, украшенными серебрянымъ гербомъ Франціи, идутъ въ два ряда напереди процессіи. Это губернаторскіе піонеры, разсыльщики повелѣній начальника, и ихъ званіе весьма важно. Потомъ слѣдуютъ восемь Музульмановъ, одѣтыхъ также, съ усами, и, вмѣсто перевязей, съ длинными серебряными палками, у которыхъ на концѣ шарикъ. Слѣдуетъ паланкинъ Губернатора, провожаемый чиновниками колоніи, за которыми идетъ множество прислужниковъ.

« Среди народонаселенія вообще смирнаго, при нравахъ столь кроткихъ, вооруженная стража почти не нужна. Потому вся полиція въ городѣ и его окрестностяхъ безъ труда исполняется одною ротою сипаевъ Индійскихъ, составляющихъ весь здѣшній гарнизонъ.

«Когда вечеромъ Губернаторъ возвращался къ себѣ домой, гвардейцы его составили два ряда подлѣ дома, кланялись ему до земли, и положивъ правую руку на грудь, произносили какое-то Индійское привѣтствіе. Насмѣшники увѣряютъ, будто это привѣтствіе состоитъ, по примѣру обожанія всѣхъ царей и начальниковъ Азійскихъ народовъ, въ великолѣпныхъ похвалахъ Губернатору, какъ-то: названіи его *побѣдителемъ львовъ*, *из-*

требителемъ тигровъ, и другихъ столь-же скромныхъ шишулахъ; но, кажется, что все ограничивается, напротивъ того, желаніемъ начальнику спокойной ночи и добраго дня.»

Пондишери дѣлится на *бѣлый городъ* и *черный городъ*. Первый распространяется на берегу моря; другой, отдѣленный глубокимъ рвомъ, продолжается отъ него до городскаго вала. Народонаселеніе въ обѣихъ частяхъ, не считая предмѣстій, или альде, восходитъ даже и нынѣ до 40,000 человѣкъ, и ежегодно увеличивается. Улицы немощеныя и усыпаны пескомъ. Около полудня трудно ходить по городу, отъ сильнаго отраженія солнечныхъ лучей, утомляющаго зрѣніе. Домы въ бѣломъ городѣ обширны, щеголеваты, провѣваются чистымъ воздухомъ, и всѣ украшены снаружи колоннами, бѣло-вышпукатуренными, отъ чего кажутся блестящими и чистыми. Съ внутренней стороны стѣны также бываютъ вышпукатурены, бѣлы, опрятны и блестящи. Шпукатурка здѣшняя составляется изъ извести, яичнаго бѣлка и сахару; надобно Индійское терпѣніе накладывать и втирать ее въ надлежащей мѣрѣ. Оконченная, она дѣлаетъ стѣны бѣлыми, какъ алебастръ, гладкими, какъ зеркало. Въ черномъ городѣ домы раздѣлены на отдѣльныя части, по кастамъ, которыя отнюдь и нигдѣ не смѣшиваются.

Мебель въ Европейскихъ домахъ состоитъ, какъ и во всѣхъ колоніяхъ Индійскаго Океана, изъ Китайскихъ креселъ, канапе и постелей, сплетенныхъ изъ бамбука и ратана. У каждаго дома тер-

раса. Есть нѣсколько общественныхъ полезныхъ заведеній. Покрытые рынки, гдѣ всегда толпятся Индійцы, и магазины, куда запасается сарачинское пшено на неурожайные годы, показываютъ заботливость Европейскихъ властей о туземномъ народонаселеніи. Вообще, жизненные припасы обильны и недороги въ Пондишери, но сортовъ ихъ не много и качество низко. Мясо, котораго не ѣдятъ туземцы, оправдываетъ своимъ вкусомъ отвращеніе ихъ отъ сей пищи. Птица мѣлка и худощава, но плоды прекрасны и вкусны, и овощи превосходны.

Число Европейцевъ въ Пондишери ограничивалось-бы весьма немногимъ, если-бы подъ симъ именемъ разумѣть только тѣ семейства, которыя никогда не смѣшивались съ туземцами. Въ первыя времена колоніи, Пондишерійцы, сопровождаемые женами и дочерьми изъ Франціи, хвастались этимъ, какъ особеннымъ отличіемъ отъ всѣхъ другихъ мѣстъ Индіи. Общество отъ того было превосходное. Богатые Англичане, Голландцы, Португальцы нарочно пріѣзжали изъ окрестныхъ мѣстъ, раздѣлять удовольствія и забавы Пондишери. Общественныя отношенія поддерживались на особенныхъ условіяхъ, неизвѣстныхъ ни въ какой другой колоніи, и Европейскій вкусъ казался здѣсь врожденнымъ. Равно изгнаны были холодная прожорливость Британцевъ и флегматическая вольность Голландская. Французская веселость, свойство столь драгоцѣнное, и столь упорно выдерживающее всѣ климаты и всякое вліяніе сосѣдства, любовь

къ развлеченію, праздникамъ и шуму, слѣдующая за Французомъ черезъ моря, необходимость разговора, размѣнъ посѣщеній, все это, пересажденное въ Пондишери, дало здѣсь крѣпкіе корни на новой землѣ. Но въ слѣдствіе безпрерывныхъ бѣдствій колоніи, все погибло въ послѣдствіи; лучшіе домы уничтожились; самое преданіе о прежнемъ тонѣ здѣшняго общества потерялось. Остаются кой-какія отраженія въ достаточныхъ семействахъ, и въ смѣшанномъ обществѣ, происшедшемъ отъ соединенія Европейцевъ съ туземными женщинами. Изъ двадцати нынѣшнихъ домовъ въ Пондишери, девятнадцать происходятъ отъ смѣшанныхъ поколѣній. Молодыя дѣвушки чисто-Французскаго происхожденія считаются завидными невѣстами; безпрестанно сватаются за нихъ и увозятъ ихъ отсюда безпрерывно въ Мадрасъ тамошніе чиновники и богатые купцы. Остается то, что по злоупотребленію слова называется здѣсь *Португальскою* породою, но что собственно есть смѣшеніе Европейцевъ вообще съ туземцами. Этотъ народъ узнаете по его мѣдному цвѣту, странной физіогноміи и неизящнымъ формамъ. Почти всѣ здѣшнія мещанскія женщины толсты, едва не квадратны, и съ некрасивыми лицами; щегольствомъ считаютъ онѣ надѣвать на себя все, что только есть у нихъ галантерейнаго, всѣ серебряныя и золотыя привѣски. Обыкновенно бываютъ онѣ, или любовницами бѣлыхъ, или женами мулатровъ и Армянъ. Всего отвратительнѣе привычка ихъ намазывать волосы кокосовымъ масломъ, отъ чего происхо-

дитъ несносная вонь, когда мазанью прошло нѣсколько времени, и также употребленіе бетеля, обыкновенное между Индійцами обоихъ половъ. — *Бетель* есть растеніе, родъ перца, листочки котораго похожи формою на шелковичные, а плотностью на плющъ, гладки и темнозеленаго цвѣта. Запахъ отъ нихъ сильный и благовонный; вкусъ ихъ крѣпкій и вяжущій. Ихъ жуютъ, приготовляя особеннымъ образомъ, съ чистою известкою и зернами арека. Отъ этого выходитъ какая-то жвачка, которая сильно гонитъ слюну, и отъ того, въ томъ домѣ, гдѣ употребляютъ бетель, увидите повсюду плевальницы, даже на столахъ. Ѣдучесть бетеля портитъ и безобразитъ зубы, а арекъ, при чрезычайномъ обиліи краснильнаго сока, придаетъ деснамъ красный цвѣтъ. Ничего не можетъ быть отвратительнѣе рта послѣ продолжительнаго употребленія бетеля.

Я видѣлъ Пондишери черезъ шестнадцать лѣтъ постояннаго мира, но все это продолжительное время, въ торговыхъ отношеніяхъ, не могло уравнять Французской колоніи противъ ея окрестныхъ соперницъ. Хотя гавань Пондишерійская самая безопасная на берегу Коромандельскомъ, хотя здѣсь живетъ Генералъ-Губернаторъ всѣхъ Азійскихъ владѣній Франціи, за всѣмъ тѣмъ Пондишери не что иное, какъ весьма посредственное мѣсто мѣны небольшаго количества здѣшнихъ тканей на оборыши Европейскихъ грузовъ. Образовался было здѣсь еще недавно контрабандный торгъ солью; но Англійская Остъ-Индская Компанія, присвоив-

шая себѣ исключительное право на продажу соли въ Индіи, разжаловалась Англійскому правительству, и сильными нотами Сенъ-Джемскаго кабинета принуждены были воспретить сей родъ торговли Французскимъ колонистамъ. Столь строгое наблюденіе Англичанъ за каждымъ движеніемъ Французовъ въ Индіи есть слѣдствіе вѣрной системы, какую приняла въ семъ отношеніи Англія съ 1814 года. Одна идея руководствовала Англичанъ, при возвращеніи Франціи острова Бурбонскаго, гдѣ нѣтъ пріюта кораблямъ, и при отдачѣ колоній *Пондишери, Янауна, Карикала, Маге,* гдѣ нѣтъ торговли. Съ Кастлериха началась постоянная мысль, что не надобно оставлять Французамъ ни одной гавани, гдѣ могъ-бы пріютиться какой нибудь ихъ военный корабль, и ни одного значительнаго рынка, гдѣ могли-бы останавливаться купеческіе корабли. Условія мира 1814 года были исполненіемъ такого рѣшительнаго изгнанія Французовъ, прикрытымъ уступками, которыя оказались въ послѣдствіи болѣе раззорительны, нежели полезны для Франціи. И всякій разъ, когда случай или изыскательная промышленность откроютъ Французамъ хоть маленькое средство вознагражденія, непремѣнно должно ожидать отъ Остъ-Индской Компаніи, завистливой на всякое соперничество, упорной настойчивости въ требованіяхъ, дипломатическихъ напряженъ, хитростей, и даже насилія, если оно покажется необходимо для истребленія малѣйшаго противодѣйствія ея видамъ неограниченнаго владычества Азіятскою торгов-

лею. Индія есть деревня, взятая на оброкъ Компаніею Остъ-Индскою. Могущество этой Компаніи такъ велико, что если-бы самое правительство Англійское, руководимое болѣе возвышенными видами Политической Экономіи, захотѣло его уничтожить, то едва-ли достанетъ у него на это силъ.

Ткани, или *гпне*, вырабатываемыя въ Пондишери, извѣстныя всюду подъ симъ названіемъ, продаются обыкновенно тюками, по 20-ти штукъ. Другія здѣшнія ткани суть: набивные планки, органди, канифасы и *камбан* для отпуска въ Манилу. Въ числѣ ходячей монеты полагаются *пагоды* съ звѣздочкою, *рупіи*, *фаноны* и *каши*.

Недѣли достаточно было мнѣ собрать свѣдѣнія обо всемъ, что представляетъ замѣчательнаго бѣдная Французская колонія. Какъ ни хотѣлось моему дубаши задержать меня долѣе, я назначилъ 3-е Мая 1830 г. непремѣннымъ днемъ отъѣзда моего изъ Пондишери, и рѣшился отправиться сухимъ путемъ въ Мадрасъ. Дорожный паланкинъ, нѣсколько Телингасскихъ *бое*, или посыльщиковъ, паспортъ на трехъ языкахъ, чтобы избавиться отъ притѣсненій Карнатикскихъ піонеровъ, таковы были необходимыя заботы для моего путешествія. Все это доставалъ мнѣ мой дубаши, и какъ ни умѣренна была награда его, но онъ услуживалъ мнѣ до конца съ удивительною ревностью. Когда наступилъ часъ моего отъѣзда, вся моя домашняя челядь вы-

строилась въ рядъ при выходѣ изъ дома—дубаши впереди всѣхъ, и за тѣмъ мой піонеръ, мой поваръ, мой *мастаржи,* или поваренокъ, мой *наенатъ,* или прачешникъ, и въ окончаніи всѣхъ *танигарки,* или тоти, бѣдные Паріи, нанятые для поганыхъ занятій. Всему этому народу выдалъ я жалованье за мѣсяцъ, и все это жалованье составило—*шестдесятъ* франковъ.

Мои удалые бое пустились въ путь, напѣвая унылымъ, мѣрнымъ голосомъ, а я, роскошно развалившись, положа голову на мягкую подушку, могъ читать, курить, спать, какъ мнѣ было угодно. Обыкновенная мѣра суточнаго путешествія въ паланкинѣ полагается отъ 12-ти до 15 льё. Бое проходятъ почти двѣ льё въ часъ, и больше бѣгутъ нежели идутъ, смѣняясь на бѣгу, такъ, что паланкинъ ни сколько не останавливается. Дорога изъ Пондишери въ Мадрасъ слѣдуетъ недалеко отъ морскаго берега, при подошвѣ цѣпи *Гаттскихъ* горъ. Около Жинжи, въ 7-ми льё отъ Пондишери, видна цѣпь горъ *Трикиваретскихъ,* замѣчательныхъ по находимымъ въ нихъ окаменѣлостямъ. Весь этотъ берегъ, хорошо описанный Соннера, обитаемъ *Тамулами,* названіе перековерканное Европейцами въ имя *Малабара.* Это народъ черноцвѣтный, довольно рослый и складный, но слабый и трусливый. Нрава они веселаго, любятъ игры, музыку и танцы. Всегда трезвые, они питаются только сарачинскимъ пшеномъ, овощами, травами, фруктами. Гигіэническія правила *гимнософистовъ,*

преобразованы здѣсь Брамінами въ догматы вѣры. Употребленіе крѣпкихъ напитковъ строго воспрещается. Одежда жителей во внутреннихъ альде мало различается отъ одежды обитателей приморскихъ. Лоскутъ ткани, отъ груди до колѣнъ; другой, которымъ обвертываютъ спину, и кисейная чалма—вотъ самый обыкновенный нарядъ здѣшней стороны. Прежде Малабарцы одѣвались по-Монгольски, съ тою разницею, что Монголы запахиваютъ полу съ лѣвой, а Малабарцы съ правой стороны. Если Малабарецъ идетъ не босой, то въ сандаліяхъ или пантуфляхъ, съ кривыми носками. Уши ихъ обременены бываютъ золотыми кольцами. Женщины, вообще некрасивыя, закупываются въ лоскутъ ткани, въ среднихъ сословіяхъ, и въ Тибетскую шаль въ высшихъ званіяхъ. «Многія изъ здѣшнихъ женщинъ (говоритъ Соннера) надѣваютъ на каждую руку и на каждую ногу по 10-ти и 12 колецъ, золотыхъ, серебряныхъ, изъ слоновой кости, коралловыхъ; брячанье этихъ уборовъ при малѣйшемъ движеніи составляетъ величайшее ихъ наслажденіе; пальцы на рукахъ и на ногахъ унизываютъ онѣ обыкновенно большими кольцами, и подкрашиваютъ себя черною краскою около глазъ, думая, что это придаетъ болѣе выраженія взгляду; кисти рукъ и ступни ногъ красятъ онѣ красною краскою, сокомъ изъ листовъ растенія *минди*, называемаго Арабами *энне* (Law sonia). Въ нѣкоторыхъ кастахъ, женщины напираютъ лицо и все тѣло шафраномъ; серебряныя и золотыя ожерелья висятъ у многихъ до самаго живота; уши проны-

каются во многихъ мѣстахъ и увѣшиваются серьгами; страсть ко всякимъ привѣскамъ доходитъ до того, что ихъ продѣваютъ даже въ ноздри. Вдовы оставляютъ всякія украшенія, и одѣваются длиннымъ лоскутомъ бѣлой ткани, обвертывая его вокругъ тѣла, такъ, что одинъ конецъ идетъ съ права на лѣво, облекаетъ грудь, окутываетъ голову и падаетъ на правое плечо.»

Вотъ народонаселеніе, между которымъ путешествовалъ я теперь. Въ теченіе дня мои бое нерѣдко останавливались въ лучшихъ и чаще другихъ посѣщаемыхъ шаулпри. Подлѣ нихъ всегда находили мы лавки, изъ которыхъ продавали намъ сарачинское пшено и овощи. Кандапская шаулпри, въ полуторѣ мили отъ Пондишери, самая замѣчательная. Весь берегъ до самаго Мадраса усѣянъ, такъ сказать, Малабарцами, и жилища ихъ безпрерывно мелькаютъ въ рощахъ кокосовъ, пальмъ, тамариньеровъ и бамбука. Дорога безпрестанно пересѣкается источниками, текущими съ Гатскихъ горъ.

Вечеромъ прибыли мы въ *Садрасъ*, небольшую факторію, о которой такъ горевалъ Голландецъ Гафнеръ. Мадрасскія войска раззорили здѣсь крѣпость въ 1781 году. Теперь, Садрасъ большая альде; Малабарскіе торговцы здѣшніе умножили собою народонаселеніе Мадраса.—Недалеко отсюда мѣсто, называемое: *Семь пагодъ*; часть его затоплена моремъ; остатки видны подлѣ *Магабалипурама*. Нѣтъ сомнѣнія, что на мѣстѣ нынѣшней

опустѣлой альде, былъ нѣкогда обширный городъ, вдругъ уничтоженный наводненіемъ, или постепенно покрытый морскими волнами. Въ 1776 году можно еще было разсмотрѣть здѣсь кирпичный пагодъ, отъ котораго выставлялся изъ подъ-воды только шпиль, обитый позолоченною мѣдью. Донынѣ различаютъ также въ глубинѣ волнъ многія развалины храмовъ, и расположеніе ихъ не походитъ на Индійскіе, даже самые старинные храмы. Археологи, одни видятъ здѣсь слѣды чужеземной колоніи, другіе доказательство древнѣйшаго образованія Индіи, предшествовавшаго тому, отъ котораго остались существующіе отпечатки въ народѣ и на землѣ Индіи. Сколько можно различить, зодчество Семи пагодовъ составляло удивительную смѣсь пестроты и простоты. На скатахъ горы, возвышающейся надъ Магабалипурамомъ, видны другіе не менѣе замѣчательные памятники. Это суть пещеры, изсѣченныя въ гранитѣ, съ внутренними отдѣленіями, которыя покрыты миѳологическими изваяніями, подобно Эллорскимъ памятникамъ. Одежда мужчинъ и женщинъ, кольцы, серьги, привѣски, все въ этихъ изваяніяхъ, даже форма домашней утвари совершенно сходствуютъ съ употребляемыми нынѣ въ Малабарѣ. Далѣе встрѣчаются такіе-же храмы, съ изваяніями и статуями людей, слоновъ, воловъ; въ одномъ изъ нихъ видѣнъ огромный идолъ *Ганеза*. Хотя и относятся, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ глубочайшей древности, но превосходно сохранились всѣ сіи остатки.

Отъ Садраса до Мадраса считается 45-ть льё, которыя перешли мы въ пятнадцать часовъ, между красивыми альде *Трипатуръ*, *Тирполуръ* и *Тривантуръ*, среди великолѣпныхъ пагодовъ и богатыхъ шаултри.

ГЛАВА XV.

АНГЛІЙСКІЯ ВЛАДѢНІЯ.—МАДРАСЪ.

Съ приближеніемъ къ Мадрасу, раскрывалась передо мною равнина, въ которую съ одной стороны ограждался сильный прибой морскихъ волнъ, составлявшихъ въ одной изъ закраинъ берега Мадрасскую гавань, защищенную отъ вѣтровъ гораздо хуже Пондишерійской. И здѣсь, какъ тамъ, видны были шелинги, однѣ пристающія къ берегу, другія опрокидываемыя волнами. Вдали рисовались высокіе *верандасы,* или балконы домовъ, *алгамассы,* или террасы другихъ строеній, башня на пристани, шпиль храма, высокая мачта, съ развѣвающимся на ней Британскимъ флагомъ. По мѣрѣ приближенія, распознавалъ я мало по малу почти то-же самое народопаселеніе, какое видѣлъ въ Пондишери, усматривая простолюдиновъ Индійскихъ, съ ихъ мѣшками и кувшинами, съ ихъ дѣтьми на рукахъ; потомъ Парієвъ, или *маквасовъ*, которые здѣсь поочередно лодочники, рыбаки, лоцмана шелингъ и катамароновъ.

Мадрасъ начинается собственно съ города Св. Ѳомы, бывшаго поочередно Португальскимъ, Индійскимъ, Французскимъ, и наконецъ Англійскимъ. Въ немъ обитаютъ теперь почти все только смѣшанныя потомки Португальцевъ, называемыхъ *Topas*, и которыхъ можно-бы почесть Малабарцами, если-бы не носили они Европейскаго платья. Исповѣдуютъ они Католическую вѣру, но столько-же измѣненную, какъ ихъ Португальское происхожденіе, хотя и гордятся, что у нихъ живетъ Епископъ, присылаемый къ нимъ изъ Гоа. Важная эта духовная особа не всегда бываетъ изъ Европейцевъ, и Граншре говоритъ, что Сенъ-Томаскій Епископъ, видѣнный имъ въ 1789 году, былъ даже Негръ. Именно этотъ Негръ Епископъ ввелъ въ Католическую здѣшнюю церковь множество идолопоклонническихъ обрядовъ Индійскихъ. Такъ, напримѣръ, во время Святой недѣли, бываетъ здѣсь представленіе трагедіи, изображающей распятіе Іисуса Христа и снятіе Его со креста. Дѣйствіе происходитъ въ церкви. Люди, одѣтые по-Турецки, съ помощію длинныхъ лѣстницъ, распинаютъ на крестѣ статую, искусно сдѣланную, у которой всѣ члены на винтахъ, такъ что она двигается и совершенно изображаетъ собою живаго человѣка. Негры сопровождаютъ потомъ статую во гробъ, при звукахъ тѣхъ самыхъ инструментовъ, которые употребляютъ Индійцы въ своихъ пагодахъ. Можетъ быть, подобные обряды есть лучшее средство для обращенія Индійцевъ въ Христіанскую вѣру, и не потому-ли похо-

дится здѣсь такое множество христіанъ изъ касты Паріевъ, что Католическое здѣшнее духовенство не щадитъ никакихъ средствъ и уступки обрядовъ для распространенія Христіанской вѣры. Впрочемъ, съ Католическими миссіонерами сильно соперничаетъ Протестантская коллегія, посылающая также обращателей въ Христіанство по всей Индіи. Общество Протестантскихъ миссіонеровъ, имѣющее главное мѣстопребываніе въ Лондонѣ, собираетъ и обнародуетъ ежегодно отчеты объ успѣхахъ своихъ проповѣдниковъ. Въ послѣдствіи имѣлъ я случай видѣть въ Мадрасѣ почтеннаго О. Реніуса, совершившаго въ окрестныхъ Индійскихъ областяхъ продолжительное апостольское странствованіе. Это истинно ревностный проповѣдникъ истинной вѣры, убѣжденный въ важности своего дѣла и помышляющій только объ исполненіи его. Онъ рѣшительно обратилъ въ христіанство цѣлый народъ, заселяющій окрестности *Калластри,* на сѣверъ отъ Мадраса. Тамошніе идолопоклонники обожали особенно какого-то *Каннапена,* бывшаго нѣкогда знаменитымъ охотникомъ между Малабарцами, и причтеннаго къ богамъ за то, что ежедневно удѣлялъ онъ богу Сивѣ часть своей добычи на охотѣ. Примѣръ обоготворенія за такое дѣло, конечно, могъ ободрить обожателей Каннапена на подобныя пожертвованія, а жрецамъ было это очень не дурно.

Достигнувъ центра Мадраса, я не могъ и подумать о томъ, чтобы сравнивать его съ Пондишери. И какое сравненіе бѣдной Французской коло-

нін съ городомъ, заключающимъ въ себѣ до 500,000 жителей, мѣстомъ второго Президентства Индіи, богатымъ своею промышленностью и дѣятельностью мореплаванія! Въ Пондишери дали мнѣ адресъ одной изъ Мадрасскихъ гостинницъ, гдѣ могъ я найдти удобное, хотя и не роскошное гостепріимство. Гостинницу эту содержитъ вдова чиновника, бывшаго въ службѣ Компаніи по гражданской части. Тутъ нашелъ я общество чрезвычайно вѣжливое, важное и холодное въ обращеніи. Но меня осыпали однакожъ учтивостями и услугами, какъ будто въ вознагражденіе за то, по обычаю Англичанъ. Въ самый день пріѣзда, за ужиномъ, я познакомился съ молодымъ креоломъ изъ Калькутты, сыномъ богатаго тамошняго купца; онъ недавно возвратился изъ Европы, и вскорѣ долженъ былъ отправиться въ Бенгалъ. Откровенный и ласковый, исполненный дарованій и свѣдѣній, Г-нъ Вильмотъ очень обласкалъ меня. Утромъ на другой день, онъ самъ явился ко мнѣ, будучи весьма радъ, по словамъ его, что можетъ быть моимъ путеводителемъ между своими земляками. Мы отправились сначала на пристань, которая простирается въ длину на половину льё, и украшена богатымъ украшеніемъ домовъ и строеній. Тутъ зданія таможни и морскаго арсенала, огромной и величественной постройки. Вдали тихо качались на волнахъ залива тысячи кораблей, всякаго размѣра и всякой формы. Море было спокойно, и только длинная лента пѣны разбивалась близъ прибрежья. «Прекрасное зрѣлище!» сказалъ я моему новому прія-

телю.—Жаль, что оно не всегда таково бываетъ—отвѣчалъ онъ.—Нѣсколько лѣтъ тому, я былъ въ Мадрасѣ около половины Октября, во время перехода муссоновъ. Жаръ стоялъ удушающій; казалось, вся атмосфера горитъ. Ни малѣйшаго вѣтерка въ воздухѣ, хотя нѣсколько разорванныхъ облаковъ безпрестанно являлись на С. В., будто оторванные отъ тучь лоскутья. Но они изчезли потомъ, и съ воды поднялся туманъ, спановившійся часъ отъ часу гуще; впрочемъ, масса его никакъ не могла побѣдить палящихъ лучей солнца, тяготѣвшихъ на немъ сверху. Къ вечеру, туманъ и облака застлали весь горизонтъ. Солнце закрылось точно въ саванъ черно-краснаго цвѣта. Громады облаковъ увеличивались; въ нихъ слышно было глухое рычаніе, грозный предвѣстникъ бури. Тогда начались вѣтеръ и дождь; сперва жестокими порывами, потомъ съ постоянною свирѣпостью. Кокосовыя деревья, которыя видите вы столь высокія и прямыя, просто гнулись въ дугу, такъ, что верхушки ихъ касались земли. Прибрежный песокъ подняло волнами, и поражаемыя съ одной стороны моремъ, съ другой проливнымъ дождемъ, песчаныя горы образовали стѣну около берега. Молніи змѣились по всему небу, озаряя мракъ своимъ краснымъ огнемъ, а громы перекатывались въ столь разнообразныхъ отзывахъ, столь сильно, что отзывались въ ушахъ нестерпимымъ звономъ. Послѣдовавшій за тѣмъ приливъ выкинулъ на берега бездну кипящихъ волнъ, на нѣсколько сотъ мешровъ далѣе предѣловъ обыкновеннаго прилива. Смятеніе

природы являлось такъ велико, что—повѣрите-ли вы этому?—рыбы вздумали прогуляться изъ воды и посѣтить жилища человѣческія: я самъ поймалъ трехъ, или четырехъ рыбъ, изъ которыхъ двѣ были величиною почти фута по три, на террасѣ одного изъ Мадрасскихъ домовъ. Безъ сомнѣнія, ихъ подняло изъ моря ужасными волнами, и вѣтромъ забросило на городскіе домы. Но это еще не все: тысячи родовъ пресмыкающихся и насѣкомыхъ, живущихъ повсюду въ здѣшнемъ палящемъ климатѣ, оставили свои убѣжища, какъ будто испуганныя необыкновеннымъ смятеніемъ природы; вода, заполнявшая ихъ въ норахъ и гнѣздахъ, оглушающій шумъ, колебаніе деревъ и растеній, все это заставило броситься въ городскіе домы и укрываться у насъ въ комнатахъ безчисленное множество муравьевъ, ящерицъ, скорпіоновъ, раковъ, пауковъ, даже змѣй. Мы принуждены были на время уступить мѣсто новымъ хозяевамъ.—

Такой разсказъ не возбудитъ охоты жить въ Мадрасѣ во время С. В. муссоновъ, продолжающихся здѣсь съ Октября по Декабрь. Впрочемъ, въ это время и пристань здѣшняя никуда не годится; тысячи потерянныхъ въ ней якорей дѣлаютъ стоянье кораблей еще болѣе опаснымъ. Для увѣдомленія объ опасности тѣмъ плавателямъ, которые вздумали-бы тогда приблизиться къ пристани, выставляется въ это время, такъ называемый, *бурный флагъ;* пока развѣвается онъ, нѣтъ никакого сообщенія съ берегомъ, и только катимароны и *массули* отважно пускаются открытое море и къ берегу.

Съ пристани отправились мы въ крѣпость Св. Георгія, обширную и довольно хорошо укрѣпленную. Строенная въ разныя времена, она чрезвычайно неправильна, разумѣя здѣсь не самый полигонъ, но фасы его, изъ которыхъ почти ни одинъ не похожъ на другой. У нѣкоторыхъ бастіоновъ фланги отдѣльные, а сѣверные прикрыты казематами. Все укрѣпленіе оболочено кирпичемъ; покрытый путь защищенъ палисадомъ; площади въ крѣпости просторны. Съ сухаго пути выстроена просто одна стѣна, со рвомъ. Прежде, здѣшній *бѣлый городъ* весь заключался въ крѣпости; тутъ были строенія и магазины Компаніи, помѣщеніе губернатора и конторы Европейскихъ негоціянтовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ владычество Англичанъ упрочилось въ Индіи, обитателямъ показалось тѣсно въ укрѣпленныхъ стѣнахъ. Духота, происходящая отъ отраженія лучей и скопленія народа, и пыль, были уже несносны людямъ, которыхъ роскошь сдѣлала прихотливѣе. Конторы и платежныя кассы сохранили свои мѣста въ крѣпости, но за ея предѣлами здѣшніе креолы построили для себя обширныя и прохладныя зданія, куда удаляются они, окончивъ по утру дѣла, и гдѣ постоянно живутъ ихъ семейства. Губернаторъ занимаетъ нынѣ просторный дворецъ, отъ котораго идетъ колоннада до самыхъ приморскихъ воротъ. На сѣверъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ расположенъ *черный городъ*, обитаемый Индійцами, Армянскими и Португальскими купцами, и нѣсколькими семействами Европейцевъ.

Не смотря на обширное производство пиканей и

платковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Мадрасскихъ*, Англія все еще почитаетъ Мадрасъ болѣе военнымъ, нежели торговымъ мѣстомъ. Шестдесятъ полковъ, составляющихъ охранительный корпусъ, защищаютъ здѣшнее Президентство. Изъ числа ихъ, часть остается въ крѣпости Св. Георгія; другая живетъ въ казармахъ, недалеко отъ города, оберегая парки артиллеріи; остатокъ, простирающійся до 20,000 человѣкъ, помѣщенъ въ Бангалорѣ, Мизорскомъ городѣ, шестдесятъ льё внутрь земли, мѣстѣ гористомъ и здоровомъ, куда проложены удобныя дороги, и гдѣ въ сильные жары живутъ всѣ главнѣйшіе чиновники Мадрасскіе.

Эти *шестдесятъ полковъ* не должно почитать составленными изъ регулярныхъ Европейцевъ; большую часть ихъ составляютъ *Сипаи:* подъ симъ названіемъ разумѣютъ въ Индіи милицію, набранную изъ туземцевъ, и состоящую на жалованьѣ. Изъ 200,000 человѣкъ, полнаго числа Англійской Индійской арміи, едва-ли 25,000 суть Европейцы, и изъ нихъ безпрестанно умираетъ множество, отъ климата и роскошной жизни въ колоніяхъ; остальные все Сипаи. Тѣ, которые обучены оружію по-Англійски, имѣютъ казенный мундиръ и жалованья по $2\frac{1}{2}$ пагоды въ мѣсяцъ. Мундиръ у нихъ, какъ у Англичанъ вообще, красный. У кавалеристовъ желтые отвороты и бѣлая выпушка, безъ воротника; пуговицы бѣлыя, металлическія, съ нумерами полка и буквами: N C (native Cavalry). Вмѣсто киверовъ картонный калпакъ, обмотанный чалмою голубаго цвѣта. Оружіе состоитъ изъ кривой сабли,

карабина и пистолетовъ. Пѣхота одѣта въ красные мундиры съ бѣлыми бранденбургами, голубымъ поясомъ, и шароварами, висящими до колѣнъ; на пуговицахъ буквы: N I (native Infantry); оружіе сипаиновъ изъ ружья, и отдѣльно штыка. Въ конномъ полку считается по 500, а въ пѣхотномъ по 800 солдатъ, раздѣленныхъ на *восемь ротъ*, изъ коихъ одна *гренадиры* и одна *застрѣльщики*. Изъ туземцевъ выбираются въ капитаны, поручики, унтеръ-офицеры и капралы; конные офицеры почти всѣ Европейцы, или Мавры, искуснѣйшіе другихъ Индійцевъ въ верховой ѣздѣ; пѣхотные офицеры всѣ Индійцы, только высшихъ кастъ, и наиболѣе урожденцы области Раджапурской, изъ которой выбирается особливо много людей для военной службы.

Трудно повѣрить, какъ дорого спановится Компаніи содержаніе конныхъ полковъ въ Индіи. При каждой лошади, кромѣ сѣдока, полагается еще два человѣка: одинъ *конникъ* (le cavallaire), обязанный ходить за лошадью, варить и давать ей *кулонъ* (родъ чечевицы); другой *травникъ* (l'herbaire), который старается только о томъ, чтобы сыскать травы, собирая ее по былинкамъ. И всадникъ, и оба его товарища обыкновенно бываютъ люди женатые; вотъ уже шесть человѣкъ на одну лошадь, не считая дѣтей. Компанія обязана все это содержать, а по расходамъ на простаго конпаго солдата судятъ объ издержкахъ на офицера; каждому изъ нихъ надобны палатки, заводныя лошади, коляска, кухня, и проч.—*Десять тысячъ* ера-

жающихся Сипаевъ непремѣнно тащатъ за собою *пятдесятъ тысячъ* нестроеваго народа.

Мадрасскіе Сипаи славятся своею ловкостью и храбростью; Бенгальскіе ростомъ и силою. Другіе полки Индійцевъ суть *Ласкары*, люди привычные къ инженернымъ и артиллерійскимъ занятіямъ, а также употребляемые и на морѣ. Ласкары, съ именемъ которыхъ соединяется въ Индіи презрѣніе и униженіе, хорошіе матрозы для прибрежнаго плаванія. Трезвые, ловкіе, понятливые, они гораздо послушливѣе притомъ Аравійскихъ матрозовъ, употребляемыхъ въ Персидскомъ заливѣ.

Воинское устройство Англійскихъ владѣній въ Индіи, опирающееся почти совершенно на толпѣ туземцевъ, должно представлять большую опасность, и это безпрерывно подтверждается болѣе и болѣе. По мѣрѣ того, какъ Сипаи пріучаются къ воинскому порядку и пріобрѣтаютъ духъ взаимной общественности, утверждающей мужество, они болѣе и болѣе сочувствуютъ свою силу и необходимость для Англичанъ. Мадрасскіе полки доказали храбрость свою въ послѣдней войнѣ съ Бирманами, и оказывались не хуже лучшихъ полковъ, привезенныхъ изъ Европы. Должно-ли почесть невозможностью, если предположишь, что нѣкогда эти полтораста, или двѣсти тысячъ Индійцевъ, содержимыхъ на счетъ Британіи, возмутятся, для того, чтобы передать власть надъ обширною имперіею человѣку своего рода? Маленькій примѣръ былъ недавно поданъ Европейскими офицерами, содержимыми Компаніею съ столь велики-

ми издержками, для начальства надъ Сипаями; уменьшеніе жалованья произвело возстаніе, и Сипаи присоединились къ своимъ начальникамъ, не думая ни о какой собственной личности, но единственно изъ привычки повиноваться. Власть Мадрасскихъ начальниковъ была презрѣна, парки артиллерійскіе захвачены, и для укрощенія бунта принуждены были, не только обѣщать прощеніе бунтовщикамъ, но даже согласиться на нѣкоторыя изъ предписанныхъ ими условій. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ дѣлѣ, туземныя войска являлись страдательнымъ лицомъ: ссорились Англичане съ Англичанами; Сипаи только подкрѣпляли одну изъ споривших сторонъ. Но слѣдствія дѣла должны были вразумить ихъ касательно могущества ихъ и вліянія, и, можетъ быть, такое вразумленіе современемъ употребятъ они въ пользу своей національной самобытности.

Оставивъ крѣпость Св. Георгія, мы отправились къ лучшимъ и обширнѣйшимъ отдѣленіямъ Мадраса. Добрый Вильмотъ всюду сопровождалъ меня. Европейское отдѣленіе постепенно и величественно являлось передъ нами, съ своимъ длиннымъ протяженіемъ зданій и загородныхъ домовъ. Передъ каждымъ домомъ, спереди находился лужокъ, а сзади обширный садъ. По сторонамъ длинныхъ аллей, образуемыхъ великолѣпными деревьями, домы, построенные на оба края, выставляли свои Греческія колонпады, пестрые фасады, щегольскіе перистили и легкія галлереи. Павильоны, разбросанные направо и налѣво, дополняли совокупность

всѣхъ этихъ превосходныхъ построекъ. Можно понять, сколь обширное пространство занять долженъ городъ, населенный полу-милліономъ жителей, привыкшихъ жить въ величайшей степени просторно, любящихъ прохладу и тѣнь. Всякая прогулка для посѣщенія кого нибудь въ Мадрасѣ составляетъ довольно утомительное путешествіе, даже и въ паланкинѣ.

Внутренность здѣшнихъ домовъ соотвѣтствуетъ ихъ превосходной наружности. Европейскими и Китайскими мебелями убраны въ нихъ обширныя и великолѣпныя залы. Всюду видите зеркала, картины, часы, бронзу, утвари и занавѣсы богатые, и среди этой роскоши, множество Индійскихъ слугъ готовы къ исполненію желаній своего господина, всѣ отличенные его ливреею.

Такая роскошь есть слѣдствіе обширныхъ торговыхъ монополій Ость-Индской Компаніи. Высшіе чиновники, называемые здѣсь *гражданскими* (civiliens), въ отличіе отъ военныхъ, проживаютъ въ лѣнивой роскоши свои огромныя жалованья. Полными горстями разбрасываютъ они, какъ богачи, отъ нѣчего дѣлать и скуки, золото, которое сыплютъ имъ, за ихъ праздную администрацію. Но среди этого блеска, среди всѣхъ этихъ праздниковъ, богатыхъ *раутовъ* и роскошныхъ пиршествъ, царствуетъ здѣсь какая-то холодная унылость, принужденная важность, тяжелая обрядность. Для каждаго собранія гостей все придумано напередъ, и учреждено, какъ будто по заданной программѣ; всѣ услажденія сочтены предварительно; часъ пріѣ-

ѣзда и часъ опѣѣзда дѣло условленное и неизмѣнное. Всѣ напередъ знаютъ, что надобно будетъ танцовать, играть въ карты, и нисколько свободы, нисколько веселости неожиданной не вмѣшивается во всѣ эти размѣренныя забавы. Смотря на здѣшнія фигуры мужчинъ, погруженныя въ *жабо*, круглыя ихъ туловища, угрюмыя физіогноміи, суровые взгляды, скажете, что весь этотъ народъ собрался не веселиться, но, по данному обѣщанію, поскучать извѣстное время. Единственные праздники, гдѣ гости выходятъ изъ тяжелой мѣрки условнаго этикета, суть пѣ, которые даетъ иногда Генералъ-Губернаторъ въ обширной и прекрасной залѣ, построенной въ 1802 году Лордомъ Клейвомъ, въ память разбитія Типпо-Саиба. Она украшена внутри обширною галлереею, на столбахъ, въ 30-ть футовъ вышиною, обдѣланныхъ бѣлою штукатуркою, блестящею лучше всякаго мрамора. Кругомъ зданія простирается открытая галлерея, съ широкими окнами отъ одного мѣста до другаго. Ренуаръ де-Сенъ-Круа утверждаетъ, что планъ зданія взятъ съ образца, описаннаго Шуазель-Гуффье, подъ названіемъ *Аѳинскаго дома* (Maison d'Athènes).

Эта бальная зала примыкаетъ къ дому Губернатора, обширному, огромному, но болѣе величественному, нежели изящному. Храмъ Прошествіанскій отличается зодчествомъ строгимъ и правильнымъ. Изъ другихъ Европейскихъ заведеній въ Мадрасѣ можно замѣтить *Коллегіумъ*, *Обсерваторію*, *Азіятское Общество* и *Ботаническій садъ*.

Полукружіемъ расположенный, *черный городъ* отстоитъ отъ крѣпости на пушечный выстрѣлъ. Онъ занимаетъ три льё пространства. Здѣсь обитаютъ Малабарцы, между которыми есть весьма богатые купцы. О богатствѣ многихъ можно судить потому, что они содержатъ для услугъ своихъ цѣлые полки Сипаевъ, а гаремы ихъ составляются изъ нѣсколькихъ сотъ женщинъ. — Вообще здѣсь смѣшиваются люди всѣхъ касть, всѣхъ вѣрованій, Малабарцы многихъ исповѣданій, Мугамедане, Армяне, Католики, Лютеране, даже Китайцы. Можетъ быть, это единственная сторона, гдѣ можете встрѣтить въ одно время *Имама*, *Брамина*, *Пастора* и *Аббата*, которые и не думаютъ ссориться. Числа пагодовъ, мечетей, церквей и храмовъ, построенныхъ безъ порядка въ обширномъ протяженіи строеній, называемомъ *Мадрасомъ*, почти невозможно хорошо опредѣлить. Приблизительно полагаютъ ихъ до *тысяти*. Просторныя гульбища и величественныя аллеи пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ черный городъ.

Особенная часть отдѣлена здѣсь для жительства Музульмановъ. Въ нее входятъ Армянскимъ мостомъ, построеннымъ на рѣкѣ *Мейлапуръ*. Мостъ этотъ, съ его отводами, простирается на 375 метровъ въ длину, и поддерживается двадцатью девятью арками разной величины. Музульманская часть Мадраса именуется *Тирруплай-Хани*. Жители ея самое красивое поколѣніе изъ всѣхъ обитающихъ въ сей части Индіи, и почти всѣ принадлежатъ къ сектѣ Алія. Съ особеннымъ тщаніемъ

заботятся они о содержаніи кладбищъ, и нерѣдко наслѣдники раззоряются, чтобы воздвигнуть послѣ смерти приличный и достойный памятникъ старшему изъ семейства. Когда строеніе окончано, за щедрую плату призываются имамы, освятить гробницу, усыпать ее цвѣтами, обвѣсить коврами и накурить благовоніями въ честь покойника.

Не смотря на опыты Англичанина Пофема, и другихъ послѣ него, Мадрасъ донынѣ не имѣетъ земледѣльческой промышленности; обитатели города и окрестностей его живутъ отъ одной промышленности мануфактурной. Торговля набивными платками, прежде находившаяся всего болѣе въ Паліакатѣ, нынѣ сосредоточилась въ рукахъ Мадрасскихъ жителей, умѣвшихъ хитростями своими уничтожить заведенія сосѣдей. Въ старое время, когда ткачи Голландскіе превышали всѣхъ другихъ, Остъ-Индская Компанія продавала съ большимъ убыткомъ ткацкія произведенія, чтобы уничтожить только Голландскихъ соперниковъ, и потомъ на свободѣ воротить все, что записано было въ убытокъ на будущіе доходы. Такой Макіавельскій замыселъ удался превосходно. Нынѣ за Мадрасомъ рѣшительно остается монополія торговли платками, которые называются *Остъ-Индскими*, и отличаются своими огромными квадратами, столь яркихъ и прочныхъ цвѣтовъ. Здѣсь ткутъ также *фартуки* и *камбаи* краснаго цвѣта, весьма уважаемые.

Въ слѣдствіе болѣе промышленнаго, нежели зе-

мледѣльческаго направленія, жить въ Мадрасѣ довольно дорого. Здѣсь платятъ пагодами за то, что въ Пондишери стоитъ рупій. Сельскій домъ не льзя имѣть менѣе 200 пагодовъ въ мѣсяцъ. Все привозное изъ Европы въ большой цѣнѣ. Пребываніе богатыхъ чиновниковъ Компаніи, Губернатора, многочисленнаго гарнизона, и жалованьи, превосходящія всякую Европейскую соразмѣрность, все это способствуетъ поддержанію цѣнности товаровъ и вещей. Такъ какъ богатство расточается здѣсь не изъ источниковъ мѣстности, или мѣстной промышленности, слѣдовательно, корабли, приходящіе изъ Европы, не находятъ въ Мадрасѣ достаточной обратной нагрузки; потому имъ необходимо выигрывать на привозѣ все, чѣмъ могъ-бы вознаградить ихъ вывозъ отсюда. По этой причинѣ, на привозный грузъ (cargaison d'entrée) падаетъ весь недостатокъ вывознаго груза, или необходимость возвращаться съ пустыми кораблями. Новое доказательство, что торговля процвѣтаетъ только отъ двойнаго обмѣна, и изобиліе монеты само по себѣ безплодно, если его не подкрѣпляетъ приложеніе произведеній земли, или промышленности той стороны, куда производится большой привозъ извнѣ (*).

(*) Путешественникъ вообще считаетъ при описаніи Индіи монету *рупіями* и *пагодами*, но должно замѣтить, что сіи монеты весьма неодинаковы въ Индіи. Во Французскихъ тамошнихъ владѣніяхъ считаютъ золотыми

Въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжалъ я мои прогулки по Мадрасу, подъ руководствомъ Г-на Вильмота. Онъ рекомендовалъ меня въ лучшихъ здѣшнихъ домахъ, и я могъ вблизи и подробно разсмотрѣть здѣшнее великолѣпное и скучное общество. Препровожденіе времени въ роскошныхъ, но угрюмыхъ обѣдахъ, въ блистательныхъ, но однообразныхъ праздникахъ, скоро надоѣдаетъ до смерти. Я рѣшился ѣхать, потому, что пріѣхалъ въ Индію видѣть Индію, а не пересадку Европы въ Азію. Какъ ни уговаривалъ меня ласковый Вильмотъ остаться, по-

---

пагодами, стоящими $8\frac{1}{3}$ франковъ, и равными 3-мъ серебрянымъ *рупіямъ*, или 24 *фанамамъ*; каждый фанамъ 60 *кашей*. Въ Португальскихъ серебряными *пардосами*, изъ которыхъ pardo-xerafhin 16 *тенга*, 240 рейсовъ и 300 буджероокъ, стоитъ около 4 франковъ, а pardo commun, съ небольшимъ 3 франка; золотая монета *Сенъ-Томе* $8\frac{2}{3}$ франка. — Въ Англійскихъ владѣніяхъ въ Мадрасѣ золотой *пагодъ* съ звѣздочкой (pagode-star) $9\frac{1}{3}$ франка, или 42 фанама по 80 кашей, *пагодъ* съ луною по 10 и по $9\frac{1}{2}$ франковъ; *рупія* старая 9, новая $7\frac{1}{4}$ франковъ, а *почетная* (onore) около 10 франковъ, и есть рупіи въ $36\frac{2}{3}$ франка; рупія *серебряная* $2\frac{1}{3}$ франка. Въ Калькуттѣ, золотая *сикка* $42\frac{1}{3}$ франка, а рупія серебряная, и сикка-рупій $2\frac{1}{2}$, ходячая сикка-рупія $2\frac{1}{2}$ франка; 100,000 сикка-рупій называется *лакъ-рупій*, а сто лакъ-рупій *кроръ*. — Въ Бомбаѣ золотая *могура* 38 и 37 франковъ; серебряная *рупія* около $2\frac{1}{2}$ франковъ, *фанама* $\frac{1}{2}$ франка. Могура дѣлится на 3 паунча, изъ коихъ каждая 15 рупій, а рупія на 4 *квартера* по 100 *рисовъ*, или на 16 *аннасовъ*, по 50 *рисовъ*. Аннасы и рисы суть мнимая монета, какъ наши алтыны и шеляхи. — *Прим. Пер.*

дождашь отправленія въ Калькутту корабля, принадлежащаго отцу его, обѣщая свезти меня даромъ, я предпочелъ лучше отправиться на прибрежномъ Малабарскомъ суднѣ, которое безпрестанно совершаетъ переходы по опаснымъ для мореплаванія берегамъ Голкондскаго залива. Мы скоро условились съ хозяиномъ корабля, и 8-го Мая, утромъ, я вошелъ въ компанію моего пріятеля проститься. Какъ-же удивился я, увидя его въ дорожномъ платьѣ! «Ѣду съ вами,» сказалъ онъ, ласково встрѣчая меня — для чего разспаваться изъ нѣсколькихъ часовъ скучнаго ожиданія? Мои пожитки уже перевезены на вашу Малабарскую гоэлетту. Богъ съ нимъ корабль! когда-то еще онъ придетъ!» — Я пожалъ ему руку, и мы отправились вмѣстѣ на пристань.»

ГЛАВА XVI.

КОРИНГИ. — ЯНАУНЪ. — ЯГГЕРНАУТЪ.

Съ большимъ кораблемъ, намъ непремѣнно надобно было пуститься далеко въ открытое море, чтобы избѣжать мѣлководья около береговъ, гидрографическое описаніе которыхъ еще далеко несовершенно. Но нашъ небольшой корабль безпрерывно оставался въ виду береговъ, такъ, что мы могли различать всѣ верхи прибрежныхъ пагодовъ, единственныхъ высокихъ построеній Индійскихъ. Около Негапатнама мы отдалились однакожъ въ море, чтобы направиться опять къ берегу около мыса *Дивей* и устьевъ *Кришны*. Тутъ, черезъ два мѣсяца послѣ насъ, неожиданное бѣдствіе постигло *Любимицу*, превосходную Французскую корвету. Пять дней оставалась она на грязной мели, среди свирѣпства морскихъ волнъ. Только дѣятельность начальника, и ловкость и усердіе экипажа были причиною, что *Любимица* расплатилась неважнымъ поврежденіемъ за свою опасную оплошность.

Намъ довольно было для плаванья восьми футовъ воды, и потому нѣчего было бояться подобныхъ приключеній. Пришомъ нашъ Малабарскій мореплаватель, съ дѣтства привыкшій къ странствованію въ этой сторонѣ, смѣло могъ пускаться въ самыя опасныя мѣста прибрежья. Мы иногда подходили такъ близко къ отмѣлямъ, что всякой другой могъ-бы испугаться ихъ опаснаго сосѣдства. Благополучно пробрались мы мимо болотистыхъ береговъ *Кришны*, мыса *Дивей*, и бросили якорь въ заливѣ *Мазулипатнамскомъ*. Съ именемъ этой факторіи, долгое время принадлежавшей Французамъ, соединяется нѣсколько воспоминаній о счастливомъ времени владычества Французовъ въ Индіи. Нынѣ Мазулипатнамъ принадлежитъ Англичанамъ; Англійскій гарнизонъ занимаетъ крѣпость, выстроенную Французами. Въ цвѣтущую эпоху Голкондскаго государства, Мазулипатнамъ былъ складочнымъ мѣстомъ богатыхъ произведеній Голконды и лучшею гаванью торговою въ этой сторонѣ. Набивныя бумажныя ткани, и красные платки, столь знаменитые, обмѣнивались здѣсь на Европейскіе товары. Слава и торговля Мазулипатнама нынѣ въ большомъ упадкѣ, и хотя одинъ изъ новѣйшихъ географовъ считаетъ здѣсь до 75,000 жителей, но едва-ли есть и треть этого числа, безпрерывно убавляемая нездоровымъ климатомъ, происходящимъ отъ болотистой равнины, на которой находится городъ. Набабъ, по титулу правитель здѣшней области, живетъ въ Гайдеръ-Абадѣ, лье за 50-ть во внутренней землѣ.

Опредѣленное жалованье, ежегодно платимое Компаніею, вознаграждаетъ его за потерю власти, а корпусъ Компанейскихъ солдатъ удерживаетъ въ повиновеніи безпокойныхъ и неукротимыхъ жителей здѣшнихъ. Хотя Мазулипатамъ считается главнымъ городомъ Голкондской области, но Европейскихъ домовъ находится здѣсь весьма немного.

Отсюда до Янауна, небольшаго Французскаго заведенія, считается около 30-ти льё. Мы проплыли это разстояніе въ однѣ сутки. *Янаунъ* расположенъ на рѣкѣ *Годаверн*, немного повыше Индійскаго города *Корингви*, лежащаго при самомъ устьѣ. Англійскій портовой Капитанъ живетъ въ Корингви, для охраненія судовъ, которые останавливаются въ здѣшнемъ заливѣ. Прежде Корингви было мѣсто торговое и многолюдное, но оно погублено ужаснымъ явленіемъ природы въ 1789 году. Въ Декабрѣ, во время самыхъ высокихъ приливовъ, при свирѣпомъ вѣтрѣ отъ С. В., три безмѣрные вала хлынули на несчастный городъ; первый обрушился будто предшественникъ другихъ, болѣе губительныхъ, и удалился, оставивъ по берегу на три фута воды; но за нимъ спѣшилъ второй; еще огромнѣйшій третій слѣдовалъ за вторымъ, и совершенно затопилъ и уничтожилъ все встрѣтившееся ему. Двадцать тысячъ Индійцевъ утонуло въ разливѣ моря; городъ изчезъ въ волнахъ; корабли, стоявшіе на якорѣ, разбросало даже до полуострова, образуемаго рѣкою Годаверн. Когда потомъ волны слились, на мѣстѣ города осталось

такъ много грязи и песку, что ими совершенно покрыты были всѣ строенія. Жители, спасшіеся отъ ужаснаго каиаклизма, не думали разрывать этого новаго Геркулана; они построили нѣсколько хижинъ далѣе по рѣкѣ, и имъ образовали новый городъ Корингви. Въ слѣдствіе наводненія, въ устьяхъ Годавери образовался огромный наносъ, и факторіи Европейскія принуждены были оставить здѣшній полуостровъ; множество кораблей Англійскихъ, Испанскихъ, Французскихъ, Португальскихъ, посѣщавшихъ нѣкогда знаменитую верфь Корингвискую, принуждены были приставать съ того времени въ другихъ мѣстахъ для починокъ и поправокъ. Такимъ образомъ, всѣ выгоды приморскаго положенія, при впаденіи въ море судоходной рѣки, были потеряны. Дерево *текъ* по прежнему доставляется сюда изъ внутреннихъ областей, но его нѣкуда дѣвать. Только дешевизна работы, чрезмѣрно понизившейся въ цѣнѣ, привлекаетъ еще иногда сюда немногіе корабли, потерпѣвшіе поврежденіе.

Впрочемъ, находясь среди болотъ полуострова, Корингви всегда былъ, на цѣлую половину года, самымъ нездоровымъ мѣстомъ для житья. Въ это лихорадочное время, Европейцы, жившіе здѣсь, удалялись въ Япаунъ, постоянно наслаждающійся климатомъ здоровымъ и температурою ровною. Поля, окружающія Япаунъ, засѣяны сарачинскимъ пшеномъ и засажены индиго и сахарнымъ тростникомъ. Во времена Соннера, маленькое это заведеніе славилось своими суровыми нравами, извѣ-

сшными подъ названіемъ *Конжонскихъ*. Теперь промышленность ими уничтожилась. Дерево *текъ*, сплавляемое по Годавери, есть почти единственный предметъ торговли; торговые домы, большею частію, оставили Янаунъ, и мѣсто тамошняго Губернатора, содержимаго до сихъ поръ Франціею, есть собственно родъ пивалиднаго содержанія чиновнику, которому нѣчего дѣлать. Особеннаго рода торговля оживила нѣсколько въ послѣднее время опустѣлый городокъ: всѣ работники Индійскіе, которыми рѣшились замѣнять Негровъ на островѣ Бурбонѣ, нанимались въ здѣшней сторонѣ, и заработки ихъ, исправно пересылаемыя въ Индію, достаточны были для придачи окрестнымъ альде нѣкотораго благосостоянія и довольства. Дѣло оказалось такъ хорошо и выгодно, что возбудило зависть Англичанъ, и недавно въ совѣтахъ Ость-Индской Компаніи было разсуждаемо о томъ: не должно-ли воспрешить вовсе, или, по крайней мѣрѣ, ограничить наборъ работниковъ, производимый Французами въ Индіи?

Мы сошли на берегъ въ Коринги, съ намѣреніемъ посѣтить Янаунъ. Вильмотъ нанялъ барку, и мы располагались отправиться на другой день, какъ вдругъ я сдѣлался боленъ; жестокій припадокъ лихорадки протерзалъ меня всю ночь. Ни одного Европейскаго лекаря не нашлось здѣсь, и мнѣ привели самаго знаменитаго лекаря Индійскаго. Это былъ старикъ, съ умною, выразительною физіогноміею. Онъ подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня внимательно, провелъ руками по всему

моему шёлу, и потомъ прописалъ питье изъ пипперменша, котораго выпилъ я нёсколько стакановъ. Это лекарство облегчило мое дыханіе, и черезъ нёсколько часовъ мнѣ было лучше. Малабарскіе лекаря утверждаютъ, что есть только три рода болѣзней: отъ *холода*, отъ *жара*, отъ *вѣтра*. Для первыхъ прописываютъ они пипперменшъ, и *кали*, или древесное молоко безъ листьевъ; для вторыхъ слѣдуютъ совершенно гомеопатическому способу леченія, противо-возбужденіями, даже въ самыхъ опасныхъ переломахъ; третьи лечатъ рожечнымъ кровопусканіемъ, и треніемъ шёла.—Глазныя болѣзни весьма обыкновенны по Коромандельскому берегу, и ихъ исцѣляютъ здѣсь весьма удачно; лимонный сокъ играетъ первую роль въ ихъ леченьи. Практика аккушерская подвержена здѣсь, какъ равно и во всей Индіи, нѣкоторымъ суевѣрнымъ обрядамъ, весьма вреднымъ. Священныя правила Индійцевъ воспрещаютъ родильницамъ питье и пищу до пятаго дня послѣ родинъ. Врачи Индійскіе увѣрены, что прохладительныя и питательныя питья производятъ раздраженіе и разслабленіе, и потому запрещаютъ пищу и питье, не смотря на знойность климата. Если-бы несчастная родильница умоляла дать ей хоть каплю воды, или глоточекъ питья со пшеномъ, повивальныя бабки, подруги, родственницы, мать, госпожа — всѣ оспорятся неумолимы, и она можетъ умереть, но пить ей не дадутъ. Это кажется главная причина необыкновенной смертности между Индійскими родильницами; изъ семи непремѣнно умираетъ одна.

При пособіи моего Малабарскаго Эскулана, на другой-же день могъ я возвратиться на нашу гоэлетту, и въ нѣсколько дней плаванія, силы мои и здоровье совершенно возвратились. Мы плыли около низкаго, песчанаго и пустыннаго берега *Четырехъ Сиркаровъ*, слѣдующаго за *Орисскимъ*; оба они занимаютъ около 90 льё отъ С. В. къ Ю. З.— Мая 15-го бросили мы якорь противъ прибрежья, рисовавшагося тонкою лентою по небосклону; за нимъ, вдали, видна была какая-то смѣшанная громада возвышенныхъ, величественныхъ зданій. Когда любовался я этимъ зрѣлищемъ, Вильмотъ подошелъ ко мнѣ. « Мы поѣдемъ на берегъ — сказалъ онъ. » Не льзя проплыть мимо Яггернауша, не видавши его чудесныхъ пагодовъ. Это мѣсто священное для всѣхъ изувѣровъ Индіи, Мекка Браминовъ, удивленіе Европейцевъ. Нашъ Малабарецъ даетъ намъ цѣлый день сроку. » — Разумѣется, я спѣшилъ согласиться. — Мы сошли въ небольшую лодку, быстро полетѣвшую къ берегу. Но чтобы пристать къ нему, наши Индійскіе матрозы должны были соскочить въ воду, и тянуть лодку по песку. Одинъ изъ нихъ остался сторожемъ близъ лодки; другіе служили намъ путеводителями въ Яггернаутъ, или *Джаггернатъ-пури* (послѣднее слово, *пури*, означаетъ *городъ*). Мы достигли его черезъ часъ ходьбы. Самъ по себѣ, Яггернаутъ вовсе незначителенъ, хотя народонаселеніе его полагаютъ въ 40,000 душъ. Но во времена здѣшнихъ праздниковъ, Яггернаутскій пагодъ привлекаетъ такое множество посѣтителей, что всѣ окрестно-

сти бываютъ покрыты толпами народа. Мы приблизились къ пагоду по аллеѣ деревъ, въ промежуткахъ которыхъ могли разсматривать большую часть обширныхъ строеній его.

Яггернаутъ принадлежитъ къ Каттакской области, находясь на Орисскомъ берегу. Пагодъ его посвященъ Индійскому идолу *Ягатната* (богъ міра), по просторѣчію называемому *Яггернаутъ*. Вся окрестность, на 8, или 10 льё, почитается священною, но самое святое мѣсто, или таинственное святилище, загорожено стѣною, составляющею почти квадратъ; съ двухъ сторонъ стѣны его простираются на 612, а съ двухъ другихъ на 584 фута. Въ этой оградѣ находится до пятидесяти храмовъ; самый замѣчательный изъ нихъ составляетъ родъ каменной башни, въ 172 фута вышиною, округленной, или выпуклой къ верху со всѣхъ сторонъ; надъ этою выпуклостью видѣнъ странный верхъ, который можно уподобить, по фигурѣ, чашѣ съ крышкою. Два боковыя зданія, не столь высокія, имѣютъ форму пирамидъ, образуемыхъ крышами, сдѣланными въ видѣ ступеней. Идолы *Яггернаута*, отца его *Болорама*, и сестры его *Шабудры* занимаютъ главную башню. Въ одномъ изъ пирамидальныхъ зданій, имѣющемъ во внутренности каждое по 37 футовъ во всѣ стороны, и примкнутомъ къ башнѣ, совершается поклоненіе идолу во время *праздника купанья*. Передъ храмомъ находится зданіе гораздо ниже; кровля его утверждена на столбахъ, которые къ верху оканчиваются фигурами естественныхъ и вымышленныхъ звѣрей.

Это зданіе есть, какъ будто родъ предсѣнія; за нимъ слѣдуетъ другое такое-же зданіе, куда ежедневно приносятъ пищу для пилигримовъ.

Храмъ Яггернаутскій, воздвигнутый *Раджею Анунгъ-Дэарнъ-Део,* былъ конченъ въ 1298 году. Крыши его украшены изображеніями чудовищныхъ фигуръ, страннаго вида, и каменными статуями, въ самыхъ неблагопристойныхъ положеніяхъ; онѣ видны также въ барельефахъ по стѣнамъ пагода. Съ каждой стороны стѣнъ внутренняго святилища находятся широкія двери, но главный входъ съ востока. Во внутренности этой ограды другая ограда, на возвышеніи, противъ первой на 15 футовъ. Подлѣ внѣшней стѣны замѣчательна базальтовая колонна изящной отдѣлки, съ подножіемъ богато изваяннымъ. Столпъ этотъ изъ цѣльнаго камня, шестнадцати-сторонный, и на вершинѣ его, возвышающейся на 35 футовъ, видѣнъ идолъ *Гунуманъ*, Индійское божество съ головою обезьяны. Прекрасный столпъ этотъ находился прежде передъ главными вратами Солнцева храма въ *Канеруккѣ,* или Черномъ пагодѣ, но перевезенъ въ Яггернаутъ, когда Канеруккскій храмъ разрушился.

Подлѣ сѣверо-восточнаго угла внѣшней стѣны построена огромная арка, изъ pot-stone, гдѣ Индійцы, во время праздника *Дольятгра,* качаютъ своихъ серебряныхъ и золотыхъ идоловъ. Качели, прицѣпленныя мѣдными цѣпями къ верху арки, находятся на возвышенномъ подножіи, и благочестивые молельщики могутъ издали видѣть, какъ ве-

селяшъ великіе предметы ихъ обожанія, прыщутъ на нихъ розовою водою и пудряшъ ихъ краснымъ порошкомъ.

Идолъ Яггернаутъ, на поклоненіе которому стекаются Индійцы изъ самыхъ отдаленныхъ областей, не замѣчателенъ, ни отдѣлкою, ни величіемъ. Кажется, никогда грубѣйшая статуя не выходила изъ рукъ художника. Изображеніе деревянное, отдѣлано только до грудей, безъ пальцевъ, и вмѣсто рукъ торчатъ у него отрѣзки; но жрецы цѣпляютъ къ нимъ, когда надобно, золотыя руки. Для изъясненія такого уродства, выдумали любопытную сказку. «Много лѣтъ тому,» говорятъ они, «великій государь отнесся къ знаменитому ваятелю, заказывая ему сдѣлать истуканъ Яггернаута. Ваятель согласился, но съ условіемъ, чтобы государь взялъ терпѣніе, и не старался видѣть работы его, пока онъ ее не кончитъ. Къ несчастію, государь не сдержалъ своего слова, захотѣлъ увидѣть новое божество, прежде его окончанія, и по волѣ боговъ работа осталась неконченною. Послѣ нарушенія обѣщанія, ваятель уже не смѣлъ прикоснуться къ ней.»

Прислужниковъ въ Яггернаутскомъ храмѣ находится до 4000 семействъ; въ этомъ числѣ полагаются и повара, опредѣленные для приготовленія священныхъ ѣствъ. Одинъ Англійскій путешественникъ досталъ роспись ежедневнаго потребленія припасовъ въ храмѣ. Для идола и служителей его потребно каждый день: 220 фунтовъ сарачинскаго пшена, 97 ф. *кулы* (родъ овощей), 24 ф. мунга

(родъ кушьи), 188 ф. масла коровьяго, 80 ф. сахару, 32 ф. разныхъ правъ, 10 ф. кислаго молока, $2\frac{1}{2}$ ф. пряностей, 2 ф. сандальнаго дерева, два толага камфары, 20 ф. соли, на 4 рупіи дровъ, и болѣе 22 ф. масла для ночнаго жженія. Священное ѣство предлагается идолу прижды въ день. Пока продолжается столъ его, двери храма заперты для непосвященныхъ, и никто не входитъ внутрь пагода, кромѣ избранныхъ жрецовъ, а внѣ храма пляшутъ во все это время баядерки, принадлежащія пагоду. Весь обрядъ продолжается часъ; двери отпираются потомъ по звону колокола, и священное ѣство убирается. Часть ѣствъ, назначенную для обитателей храма, не носятъ въ большую башню; ее раздаютъ въ пирамидальныхъ башняхъ, полагая, что идолъ издали видитъ и освящаетъ ее.

Цѣнность принасовъ, потребныхъ для храма, достигаетъ суммъ безмѣрныхъ, когда въ торжественные дни стекаются сюда Индійскіе поклонники идола. Стараясь отвратить могущій быть недостатокъ, жрецы здѣшніе утвердили закономъ, что послѣ освященія ѣства Яггернаутомъ, уже ничто не можетъ быть погано, такъ, что пища не сквернится даже отъ прикосновенія Музульманина и Христіянина. Такое преимущество ѣствамъ, приготовленнымъ въ храмѣ, противъ другихъ, приготовленныхъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, производитъ въ пользу храмовыхъ общее стремленіе покупать ихъ, и даетъ огромные барыши. Пока продолжается праздникъ *Рутъ-Яттра*, во время котораго до 200,000 пилигримовъ кочуютъ

окрестъ храма, 400 поваровъ пагода находятся въ безпрерывной работѣ. Множество храмовыхъ горшечниковъ задолго приготовляютъ безчисленное множество посуды для ѣствъ, и дѣятельность кухни здѣшней прекращается тогда только, когда идола повезутъ на его колесницѣ, для посѣщенія мѣста, гдѣ онъ былъ первоначально изваянъ.

Всѣхъ праздниковъ отправляется въ Яггернаутѣ *двѣнадцать*, но *Рутъ-Яттра* есть самый главный. Онъ бываетъ въ Іюнѣ, или въ Іюлѣ. Число пилигримовъ измѣняется, смотря по состоянію погоды, но всегда, въ самое ненастное время, составляетъ толпу не менѣе 100,000 хотя ненастье въ здѣшней сторонѣ, при періодическихъ дождяхъ, дѣлаетъ климатъ самымъ убійственнымъ, и пилигримовъ, принужденныхъ кочевать на открытомъ полѣ, погибаетъ величайшее множество. Потому многіе Индійцы совершаютъ путешествіе сюда въ сухое время, по случаю праздника *Шундмонъ-Яттра*. Изъ храма выносятъ тогда множество идоловъ для купанья въ особенномъ прудѣ, куда вливаютъ благоуханную сандальную воду; прудъ этотъ принадлежитъ къ одному изъ окрестныхъ храмовъ. Купанье состоитъ въ плаваніи идоловъ по водѣ, на особеннаго рода плотахъ. *Раджа Хурдаскій*, наслѣдственный великій жрецъ здѣшній, предводительствуетъ процессіею.

Наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ праздниковъ остается на отвѣтственности Брамиповъ; они соблюдаютъ тишину и устройство, вооружась длинными дубинами и палками, и не щадятъ

ударовъ бѣднымъ пилигримамъ. За то и пилигримы нерѣдко управляются съ ними въ свою очередь, отнимаютъ у жрецовъ дубины и палки, и съ избыткомъ вознаграждаютъ имъ полученные побои. Впрочемъ, Индійцы вообще не уважаютъ здѣшнихъ жрецовъ; нѣтъ порока, котораго-бы не приписывали имъ, и обмана, въ какомъ-бы ихъ не обвиняли. Главная причина этой ненависти заключается въ дорогомъ поборѣ, налагаемомъ здѣшними жрецами на поклонниковъ. Каждый праздникъ Яггернаутскій жестоко опустошаетъ кошельки приходящихъ податью, простирающеюся отъ пяти до десяти рупій. Даже, если благочестивый поклонникъ рѣшится жить здѣсь цѣлый годъ, и присутствовать на всѣхъ праздникахъ, сбавка бываетъ весьма небольшая.

Идолъ Яггернаутскій возобновляется каждый разъ, когда два новолунія сходятся въ мѣсяцѣ Ассанѣ, что случается почти черезъ семнадцать лѣтъ. Тогда выбираютъ въ лѣсу дерево, на которомъ никогда не сидѣлъ воронъ, или другая птица, пожирающая падалину. Жрецы узнаютъ такое дерево по извѣстнымъ примѣтамъ. Когда дерево срубятъ и пень его очистятъ, то отдается оно жрецамъ, и они довершаютъ отдѣлку истукана въ величайшей тайнѣ. Духъ божества извлекается изъ стараго идола и передается новому человѣкомъ, который не переживаетъ столь великаго и чуднаго дара; къ концу года онъ непремѣнно долженъ умереть.

Послѣ праздника Шундмонъ-Ятиира слѣдуетъ про-

цессія *Шундъ-Яттра,* состоящая въ томъ, что идола выносятъ изъ башни на площадку, возвышенную надъ внутреннею оградою. Цѣлый день остается онъ тутъ на виду, послѣ чего снова скрывается, и жрецы объявляютъ Яггернауша больнымъ. Къ концу Іюня является онъ снова, на великомъ *Рутъ-Яттрѣ.* Три *рути,* или деревянныя колесницы, приготовляютъ къ этому празднику. Самая главная о 16-ти колесахъ, изъ коихъ каждое 6-ти вершковъ въ поперечникѣ. Мѣсто, гдѣ ставится на колесницѣ идолъ, бываетъ квадратное, двадцати одного фута во всѣ стороны, а высота всей колесницы составляетъ 35 футовъ. Сдѣланная изъ деревянной, раскрашенной и убранной клѣтки, колесница эта накрывается куполомъ, покрытымъ кусками Англійскаго, краснаго и синяго сукна. Впереди, на мѣстѣ возницы, видна фигура, похожая на корабельную подставку, у которой руки кажутся управляющими множествомъ деревянныхъ лошадей, повѣшенныхъ передъ колесницею.

Когда, въ первый день праздника, храмъ Яггернаутскій отворится для толпы поклонниковъ, народъ бросается въ него съ такою ревностью, что въ страшной давкѣ этой ежегодно полагаютъ до двѣнадцати задавленныхъ мужчинъ и женщинъ. Но объ нихъ никто не заботится; трупы ихъ вытаскиваютъ изъ храма желѣзными крючьями, и праздникъ идетъ своимъ порядкомъ. Всеобщее восклицаніе толпы возвѣщаетъ появленіе божества. Идолъ является, несомый на рукахъ жрецовъ до нисшихъ ступеней лѣстницы, гдѣ передаютъ этого

чурбана на торжественную колесницу. На двухъ другихъ колесницахъ ставятъ идоловъ Болорама и Шабудры. Съ захожденіемъ солнца является *Великій жрецъ*, Раджа Хурдаскій, котораго приносятъ изъ его владѣній въ богатомъ палапкинѣ; за нимъ слѣдуетъ красивый слонъ, великолѣпно убранный. Свита Раджи ѣдетъ попомъ, на множествѣ слоновъ; за нею тянутся Англійскіе чиновники; шествіе заключаютъ толпы народа, которымъ конца не видно. И это все, взятое въ совокупности — сонми громадныхъ животныхъ, съ башнями на спинахъ, чудовищныя колесницы идоловъ, Брамины, тысячами вышедшіе изъ пагода, безсчетное множество народа, благоговѣющаго передъ идолами и вопіющаго въ неистовомъ восторгѣ, смѣшеніе голосовъ и звона колокольнаго, древняя религія, являющаяся въ этомъ страшномъ зрѣлищѣ, столь подвижномъ, смѣшанномъ, шумномъ, картина въ тысячахъ различныхъ сценъ, и этотъ уродливый храмъ Яггернаутскій — все это вмѣстѣ и порознь представляетъ самую дикую фантасмагорію, какую только можно вообразить самому уродливому воображенію.

По прибытіи своемъ, великій жрецъ сходитъ на землю подлѣ колесницы Болорама. Онъ бываетъ одѣтъ при такомъ случаѣ въ бѣлое кисейное платье; ноги у него босыя. Помогая ему идти, сильный жрецъ поддерживаетъ его подъ руки, а другіе разгоняютъ толпу безпощадными ударами палокъ. Воцаряется глубокое молчаніе. Жрецъ восходитъ на колесницу Болорама, и громко раздаются

звуки Индійскихъ трубъ, мѣшаясь съ внезапнымъ ревомъ толпы. Достигнувъ верха колесницы, Раджа кланяется идолу, поливаетъ сандальною водою площадку, чиститъ ее, и спускается съ гирляндою цвѣтовъ, которую жрецы снимаютъ съ идола и надѣваютъ на шею Раджи. Онъ приступаетъ потомъ къ совершенію такого-же обряда на колесницѣ Яггернауша и на колесницѣ Шубудры. Каждый разъ, этотъ обрядъ производитъ неистовыя изъявленія восторга въ толпѣ, при дикомъ звукѣ серебряныхъ трубъ, въ которыя изъ всѣхъ силъ трубятъ жрецы. Наконецъ совершается послѣдній обрядъ: Раджа прижимаетъ плечо къ колесницѣ, какъ будто-бы хотѣлъ двинуть ее; безъ этого никто не смѣетъ тронуть колесницу съ мѣста.

Тогда все приходитъ въ движеніе. Расположенныя правильными рядами, нѣсколько тысячь человѣкъ являются съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, и прочищаютъ себѣ дорогу сквозь толпу; они пляшутъ, скачутъ и поютъ, пока не достигнутъ до колесницъ. Тутъ прикасаются они вѣтвями къ колесницамъ, отпимаютъ подмостки, хватаются за длинныя веревки, и обращаясь лицомъ къ идоламъ, везутъ колесницы. Болорамъ ѣдетъ впереди; за нимъ слѣдуетъ огромный Яггернаутъ, такъ, что колеса трещатъ подъ его тягостью; шествіе заключаетъ Шубудра. — Восторгъ толпы увеличивается, когда колесницы двинутся въ ходъ. Поклонники бросаются къ огромнымъ колесамъ, умоляютъ позволить имъ подержаться за веревки, цѣпляются за оси, подлезаютъ подъ колесницы, ищутъ

всякаго способа, которымъ и они могли-бы участвовать въ движеніи громадныхъ сѣдалищъ идольскихъ. По мѣрѣ того, какъ слѣдуютъ колесницы среди толпы, поклонники бросаютъ къ идоламъ золотыя, серебряныя монеты и какаовые бобы. Жрецы берутъ пагоды и рупіи себѣ, а бобы бросаютъ обратно въ народъ, какъ освященные дары бога. Во все время шествія, молодые Брамины, прыгая въ толпѣ, хлещутъ вѣтвями, и везущихъ колесницы и приближающихся къ нимъ. Знатные Индійцы довольствуются тѣмъ, чтобы коснуться только веревокъ, въ знакъ участія ихъ въ праздникѣ; женщины цѣлуютъ колесницы и колеса, и подымаютъ выше головъ своихъ дѣтей, чтобы идолы видѣли и благословили ихъ. Въ старину многіе изувѣры бросались подъ колеса, съ тѣмъ, чтобы тяжестью колесницъ раздавило ихъ; такая смерть считалась блаженною. Нынѣ этого нѣтъ, но среди безпорядочнаго движенія толпы, лопнувшая веревка, неосторожный шагъ, паденіе нерѣдко стоятъ жизни многимъ поклонникамъ и Браминамъ. Когда колесницы двинулись съ мѣста, онѣ не могутъ уже быть остановлены, и давятъ что ни попало и кто-бы ни попался подъ колеса.

Не только это бываетъ причиною, что нѣсколько поклонниковъ Яггернаутскихъ всегда платятъ жизнью за свое благочестивое путешествіе — болѣзни и недостатки губятъ ихъ ежегодно величайшее множество. Дороги, ведущія въ Яггернаутъ, послѣ каждаго праздника бываютъ усѣяны трупами, и чакалы окрестныхъ мѣстъ раз-

дѣляютъ съ Браминами плоды суевѣрнаго поклоненія Яггернаутскому уроду.

Таково бываетъ обожаніе Яггернаутскаго истукана, сколь знаменитое въ Индіи. Прибывши мѣсяцемъ позднѣе, мы могли-бы видѣть одинъ изъ главныхъ здѣшнихъ праздниковъ. Теперь слѣдовало намъ удовольствоваться нѣкоторыми предварительно совершаемыми обрядами, а въ подробностяхъ настоящаго праздника положиться на разсказы одного Англійскаго офицера, который видѣлъ и наблюдалъ его нѣсколько разъ. — На пути нашемъ, въ самомъ Яггернаутѣ и окрестностяхъ его, видѣли мы множество изувѣровъ Индійскихъ, совершающихъ моленія, въ положеніяхъ самыхъ тяжкихъ и странныхъ. Здѣсь, на тигровыхъ кожахъ, сидѣли два полунагіе факира; у одного руки были сложены на груди, а ноги до колѣнъ прижаты къ землѣ и выгнуты впередъ; у другаго колѣна подняты къ верху, ноги скрещены и привязаны къ пѣлу. Тамъ одинъ изъ этихъ безумцевъ споялъ на головѣ, ногами къ верху, а другой подогнувъ ногу угломъ на колѣно и держась на другой ногѣ.— Вильмотъ не могъ удержать порыва сострадания, при видѣ несчастныхъ мучениковъ суевѣрія; онъ говорилъ съ ними на Бенгальскомъ языкѣ, но они казались глухими и безчувственными. Смотря неподвижными глазами, перебирая четки свои, они не удостоивали вниманіемъ ничего, что совершалось окрестъ ихъ, и въ созерцательномъ изступленіи своемъ казались статуями. — Мы опыска-

ли нашихъ проводниковъ, кешани совершившихъ въ Яггернаутскомъ храмѣ свои моленія. Поспѣшно отправились мы къ приморью, и лодка, сдвинутая съ берега, скоро перевезла насъ на гоэлетту.

ГЛАВА XVII.

КАЛЬКУТТА.

Черезъ два дня, когда прошли мы Балассорскимъ проливомъ, измѣненіе въ цвѣтѣ воды показало намъ близость устья *Гугли*, одного изъ рукавовъ Ганга, на берегахъ котораго расположена *Калькутта*. Синяя бездна Океана явилась теперь темно-зеленою и мутною. Здѣсь обыкновенно находятся лоцманскія лодки, предназначенныя для препровожденія кораблей въ Калькутту, среди мѣлей и теченій рѣки. Адмиралтейское управленіе Калькутты составило для сего особую эскадру изъ двѣнадцати лодокъ; каждая поднимаетъ до 150 тоннъ груза и управляется лоцманомъ, двумя помощниками его, четырьмя матрозами и четырьмя волонтерами. Плата за лоцманство такой лодки, отъ моря до Калькутты, для Англичанъ сто рупій, за корабль, поднимающій девять футовъ воды, но возвышается до 600 рупій за корабль 23 футовъ погрузки. Иностранные корабли платятъ вдвое. Для истребованія лоцмана, стрѣляютъ изъ пушки, и выставляютъ вымпелъ на верхушкѣ брамъ-стеньги.

Лоцманъ немедленно является. Если корабль небольшой, помощникъ его остается на кораблѣ; если великъ, лоцманъ правитъ самъ, и его гоэлетта идетъ передъ кораблемъ, для показанія фарватера. Плаваніе по Гугли, опасное и ежегодно измѣняющееся, требуетъ большихъ предосторожностей. Высота и быстрота приливовъ, перемѣнчивость песчаныхъ отмѣлей, дѣйствіе вѣтровъ, почти всегда неблагопріятныхъ, по теченію и противъ теченія, составляютъ такія затрудненія, которыя можетъ побѣдить только безпрерывная опытность.

Передъ самыми устьями Гугли простираются, такъ называемыя, Sand-Heads (песчаныя головы), родъ подводной *дельты* (*), на пятдесятъ миль въ поперечникѣ, возвышающіяся ежегодно отъ постепеннаго наноса, слѣдствія рѣчныхъ разлитій. Наша смѣлая гоэлетта безбоязненно прошла между ними, и обплывая вдоль острова *Сангора*, низкаго и болотистаго, въ тотъ-же день достигла *Хаджели*. На этомъ мѣстѣ множество судовъ, яхтъ, *больясовъ*, *паншваевъ*, большихъ и малыхъ кораблей, всякой формы и всякаго размѣра, мелькали по рѣкѣ

(*) *Дельтою*, Греческимъ названіемъ, именуютъ землю, лежащую между двумя крайними рукавами какой нибудь рѣки, обыкновенно составляющую треугольникъ, въ видѣ Греческой буквы *Δ*. Это имя сдѣлалось собственнымъ для земель, находящихся въ устьяхъ Нила, въ Египтѣ. *Прим. Пер.*

во всѣ стороны. Всѣ эти суда представляли мало различія отъ Пондишерійскихъ и Мадраскихъ шелипгъ, а туземцы были совершенно одинаковой съ тамошними физіогноміи: гладкіе волосы, странно обстриженные, шумливый разговоръ, оживленныя пѣлодвиженія, и—совершенная нагота первобытныхъ гражданъ земли. Къ намъ отвсюду бросились барки съ съѣстными припасами, и осаждали насъ до пѣхъ поръ, пока мы не купили хоть немного изъ ихъ груза.

Въ Хаджери, на правой сторонѣ рѣки, находится окончаніе наносовъ, ограничивающихъ собою южный уголъ Сундрійскаго лѣса, знаменитаго красивыми породами тигровъ. Съ наступившимъ вечеромъ, мы услышали рыканье ихъ, и такъ явственно, какъ будто-бы они были подлѣ насъ. На другой день, въ самомъ дѣлѣ, мы увидѣли сосѣдей нашихъ очень близко. Послѣ полусуточнаго благополучнаго плаванія остановились мы недалеко отъ праваго берега рѣки, ожидая возвращенія прилива; двое изъ нашего экипажа осмѣлились выйдти на берегъ, чтобы нарвать плодовъ. Едва ступили они на землю — огромный тигръ, съ небольшаго быка величиною, чудесное животное, страшное и вмѣстѣ красивое, съ желто-черными пятнами по кожѣ, кинулся на дерзкихъ. Схватить одного изъ бѣдныхъ Индійцевъ и помчать его въ неизбѣжныхъ зубахъ своихъ было дѣйствіемъ одного мгновенія. Нимало не испугавшись, товарищъ погибшаго спокойно подошелъ къ дереву, нарвалъ себѣ *манговъ*, и тихо воротился на корабль. « Подать

тигру заплачена, и теперь никому изъ насъ уже нѣчего опасаться,» говорилъ онъ. Этотъ предразсудокъ такъ вкоренился между Индійцами, что они лучше рѣшаются платить въ натурѣ подать человѣческимъ мясомъ свирѣпости тигровъ, не думая бить и истреблять ихъ. Такимъ образомъ, отъ деревни *Кульпи* до острововъ *Клейвскихъ* тигры стадами бѣгаютъ по берегу рѣки. Когда рѣшились очистить и обработать Клейвскіе острова, только одни тигры были тамъ обитателями. Надобно было при работѣ подумать о средствахъ защиты. Что-же выходило? Пять сотъ человѣкъ Индійцевъ, употребленныхъ въ работу, хотѣли лучше платить подать тиграмъ мясомъ человѣческимъ, нежели подумать о защитѣ. При появленіи тигра, всѣ работники опромешью бросались бѣжать, но когда тигръ уносилъ одного изъ нихъ, они думали, что остальные совершенно безопасны, что тигръ не тронетъ уже никого изъ нихъ, и спокойно обращались къ занятіямъ. Безъ помощи Европейцевъ, хорошо вооруженныхъ, тигры могли бы спокойно остаться на островахъ. Очищеніе острововъ кончилось переселеніемъ тигровъ въ лѣса материковаго берега. Здѣсь ихъ водится еще величайшее множество, и они весьма опасны. Отвага ихъ простирается до того, что не рѣдко бросаются они вплавь черезъ рѣку, чтобы нападать на шлюпки мимоплывущія. Огромная квадратная голова, видимая надъ водою, два страшные кровавые глаза, прикрытые лѣсомъ щетинистыхъ волосовъ, жарко пылающая, безмѣрная пасть, языкъ цвѣта

винныхъ дрожжей, могутъ ужаснуть въ такомъ случаѣ самаго безстрашнаго смѣльчака. Одно спасеніе въ ловкости ударовъ топорами, отъ которыхъ могутъ отвалиться огромныя лапы, которыми тигръ ухватится за края шлюпки, достигнувъ цѣли своего плаванія.

Немного повыше Кульпи, приближаясь къ *Алмазному острову*, мы увидѣли носимый по волнамъ трупъ. Это былъ Индійскій покойникъ, погребенный по обычаю здѣшней земли. Когда Индіецъ находится при послѣднемъ издыханіи, его переносятъ на берегъ рѣки; тутъ кладутъ его на траву, и набиваютъ ему грязью рѣки носъ и ротъ, едва только онъ испуститъ послѣднее дыханіе. Потомъ бросаютъ трупъ въ рѣку, гдѣ можетъ онъ прогуливаться, какъ ему угодно, пока сожретъ его аллигаторъ, или волнами прибьетъ его къ берегу, гдѣ покойникъ угоститъ тѣломъ своимъ хищныхъ птицъ и чакаловъ. Зрѣлище плавающаго трупа самое обыкновенное дѣло на рѣкахъ Бенгальскихъ, и этотъ образъ погребенія обращается въ пользу плотоядныхъ звѣрей и птицъ, питающихся трупами; тѣмъ и другимъ здѣсь нѣтъ счета.

Заливъ *Алмазный* составляетъ родъ пристани для отдыха корабельщикамъ Компаніи, гдѣ находятъ они припасы и лекарства. Здѣсь устроены по берегу цѣпи, на которыхъ корабль можетъ держаться лучше всякаго якоря; теченіе, доходящее иногда до 10-ти узловъ, дѣлаетъ необходимою подобную предосторожность. — За этимъ мѣстомъ является *Фульта*, старинное Голландское

заселеніе; потомъ *Малпуръ*, принадлежавшій Французамъ, и наконецъ, въ нѣсколькихъ льё далѣе, открывается богатая, великолѣпная *Калькутта*, столица Англо-Индійскаго государства, обширный, величественный городъ, издалека выставляющій шпицы своихъ зданій, пропяженія бѣлыхъ домовъ и раму богатѣйшихъ садовъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ изгибовъ рѣки показалась передъ нами *крѣпость Вилліамова*, а за ея эспланадою первый рядъ жилищъ, которыя можно назвать цѣпью дворцовъ, ибо многіе изъ нихъ имѣютъ въ перспективахъ по двадцати четыре колонны. Всѣ эти зданія, въ изогнутой линіи, болѣе льё въ длину, представляютъ зрѣлище самое величественное и прекрасное.

Изъ всѣхъ заселеній Европейскихъ по берегамъ Гугли, только Калькутта занимаетъ лѣвую сторону, и выборъ этотъ былъ, кажется, не слишкомъ удаченъ. Возвышеніе земли надъ рѣкою такъ мало, что эспланада, раздѣляющая крѣпость отъ города, иногда заливается водою. Самый портъ не совсѣмъ надеженъ. Волненіе здѣсь бываетъ такъ сильно, что срываетъ иногда корабли съ якорей. Въ нѣкоторыя времена прилива, сбой рѣчныхъ волнъ производитъ буруны, чрезвычайно огромные и опасные. Буруны эти сильно даютъ себя чувствовать на Калькуттской пристани, особливо въ полнолуніе и новолуніе. Тогда нерѣдко слѣдуютъ опасныя приключенія, сталкиваются и повреждаются суда. Для уничтоженія столь пагубной мѣстной невыгоды, благоразумная предосторожность Англичанъ не-

давно устроила пристань, близъ которой большіе корабли, въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, остаются безопасны отъ волненій.

Крѣпость *Вилліамова*, цитадель Калькутты, составляетъ восьмиугольникъ, съ пятью правильными углами; три остальные неправильны, слѣдуя мѣстному положенію, для лучшей защиты рѣки. Крѣпость эта находится на югъ отъ города и на западъ отъ предмѣстья *Чоуринги* (Chowringi). Внѣшность ея кажется не важна, но стоитъ только перейдти подъемный мостъ, чтобы увидѣть обширность и превосходную общность укрѣпленія. Гарнизонъ составляется наиболѣе изъ Европейцевъ, хотя каждый новый привозъ солдатъ изъ Европы платитъ тяжелую дань нездоровому климату Англо-Индійской столицы. Желчныя лихорадки и разстройство въ печени, сопровождаемыя жестокими поносами, убиваютъ множество вновь пріѣзжихъ. Неумѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ увеличиваетъ еще болѣе основныя причины необыкновенной смертности.

Вмѣстѣ съ Вильмотомъ, мы вышли на берегъ близъ крѣпости, 20 Мая 1830 года. Тутъ, на эспланадѣ, находились сотни паланкиновъ, какъ въ Европейскихъ столицахъ экипажи, рядами, съ готовыми носильщиками, ожидая охотниковъ нанять ихъ, за положенную единожды цѣну, по одной рупіи въ день. У каждаго паланкина считается четыре носильщика, и кромѣ того одинъ носитель зонтика. Подлѣ этихъ Индійскихъ экипажей толпилось множество Индійцевъ, которые всѣ

опроменью бросились къ намъ: это былъ уже знакомый мнѣ народъ — *сиркары*, какъ называютъ ихъ въ Калькуттѣ, то-же, что *дубаши*-Пондишерійскіе. Но нѣсколько словъ Вильмота заставили ихъ отступиться отъ меня. Любезный этотъ человѣкъ непремѣнно требовалъ, чтобы я остановился въ его родительскомъ домѣ. Онъ почти насильно усадилъ меня въ паланкинъ. «*Въ домъ Вильмота!*» закричалъ онъ носильщикамъ; они запѣли и пустились въ путь.

Мы остановились подлѣ входа въ какой-то дворецъ, издалека отличавшійся своею обширною колоннадою, и верхнею галлереею, украшенною статуями. Это былъ домъ Вильмота, находящійся въ части города, называемой *Чоуринги*. Вокругъ распространялись *верандасы*, поддерживаемые колоннами Іоническаго ордена. Бенгалецъ, бѣжавшій впереди насъ, возвѣстилъ о прибытіи добраго гостя. Весь домъ встревожился, все высыпало на встрѣчу: впереди всѣхъ явился *сиркаръ*, въ платьѣ изъ бѣлой кисеи; потомъ *піонеры*, съ своими серебряными палками; потомъ *канзаманъ* (мепрдотель), *абдаръ* (крайчій), *шерабдаръ* (столовый дворецкій), *хитмургаръ* (разсыльщикъ), *сирдаръ* (комнатный слуга), носильщики, иная челядь, всего, право, человѣкъ шестдесятъ. Когда Вильмотъ выпрыгнулъ изъ паланкина, всякій спѣшилъ прикоснуться хоть къ полѣ платья его; другіе прыгали, плясали, изъявляли радость свою крикомъ. Но Вильмотъ мало занимался ласками домашнихъ, и спѣшилъ въ ту залу, гдѣ нетерпѣ-

ливо ждали его отецъ и сестры; матери его уже давно не было на свѣтѣ. Среди прогательнаго свиданія, я былъ на время забытъ, и не думалъ сердиться за это забвеніе. Но добрый Вильмотъ скоро вспомнилъ обо мнѣ, представилъ меня отцу и сестрамъ. Отецъ моего друга былъ старикъ, еще крѣпкій и здоровый, съ сѣрыми, проницательными глазами, открытымъ, красивымъ челомъ, и густыми бровями, падавшими на его рѣсницы. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и послѣ этого дѣло съ нимъ было кончено. Я полюбовался на сестеръ Вильмота: Миссъ *Бекъ* и Миссъ *Нель* (Ревекка и Элеонора), дѣвушки, одна 20-ти, другая 17-ти лѣтъ, были совершенная противоположность желтымъ и темнымъ лицамъ, какими уже надоѣла мнѣ Индія — бѣлыя, краснощекія, полныя, оживленная Англійская свѣжесть и красота. — Я былъ въ восторгѣ: мнѣ, кочующему странніку, вдругъ какъ съ неба свалиться среди Азіятской роскоши, среди изысканности жизни Британцевъ въ Индіи, среди великолѣпія Набабовъ; жить подъ одной кровлею съ парочкой Европейскихъ ангеловъ, далеко залетѣвшихъ на чужбину; какъ будто райскій оазисъ, найдти въ пустынѣ путешествія простую, открытую пріязнь, заботливость о всѣхъ удобствахъ, ласковость, дружбу — О! все это очаровало меня! Вечеромъ я былъ уже полный семьянинъ, а не гость. Мнѣ отвели особое отдѣленіе комнатъ, съ многочисленною прислугою. У широкихъ оконъ моихъ, провѣвавшихъ свѣжій воздухъ, расширялись навѣсами прелестныя рогожки кускус-

совыя (Andropogon muricatus), которыя смачиваются водою, распространяя шѣмъ прохладу, свѣжесть и благовонный запахъ. Кромѣ того, отъ занавѣсъ спускались въ каждомъ окнѣ *пумки*, огромнѣйшіе вѣера, изъ тонкой ткани на легкихъ пяльцахъ; приводя ихъ въ движеніе, опредѣленный для этого Индіецъ былъ моимъ геніемъ-хранителемъ, не допускавшимъ меня чувствовать знойность Индійскаго неба.

На другой день, я оставилъ Вильмоша среди его семейства, и отправился осматривать столицу Индіи, съ домашнимъ сиркаромъ, отлично смышленымъ Индійцемъ, который равно хорошо зналъ языки Бенгальскій, Англійскій и Французскій. Съ приближеніемъ къ эспланадѣ крѣпости, первый предметъ, поразившій меня, было стадо птицъ, огромной величины, прогуливавшихся по пригоркамъ и сидѣвшихъ по гласису крѣпости. Это особый родъ цаплей (ardea argala), которыхъ называютъ здѣсь *Хуржила* (костоѣды), и *Адьютанты*, по важности ихъ походки. Вышина ихъ достигаетъ иногда до 5-ти футовъ. Треугольный, острый клювъ ихъ, 18 дюймовъ въ длину, чрезвычайно крѣпокъ. Маленькіе глаза ихъ ярко-голубаго цвѣта; вмѣсто перьевъ, на шеѣ и на головѣ у нихъ рѣдкіе черные волосы; на груди, брюхѣ, въ хвостѣ и на концѣ крыльевъ перья сѣрыя; все остальное темно-синяго цвѣта, а бѣлыя, длинныя ноги ихъ страннаго устройства. Но главное отличіе адьютанта отъ всѣхъ птицъ составляетъ цилиндрическій мѣшокъ, висящій въ концѣ шеи, когда о-

стальная часть его походитъ на зобъ, находящійся между плечами. Этотъ мѣшокъ надувается и сжимается по желанію птицы; въ первомъ случаѣ увеличивается онъ до 18-ти дюймовъ ширины и 4-хъ поперечника. Еще не узнали естествоиспытатели, на что̀ адъютантамъ это странное украшеніе. Думаютъ, что это запасный анбаръ, гдѣ кости, составляющія главную пищу птицы, умягчаются и хранятся. Но дальнѣйшіе опыты противорѣчатъ такому общему повѣрью. Адъютанты ходятъ по улицамъ и площадямъ Калькутты торжественною, важною процессіею. Не только не боятся они народа, но не уступаютъ никому мѣста, и безпрестанно сталкиваются съ людьми и лошадьми. Любимое мѣстопребываніе ихъ въ Вилліамовой крѣпости, гдѣ отъ кухни гарнизона идетъ имъ богатая и ежедневная подачка костей. Каждый день, въ извѣстное время стада ихъ являются передъ казармами и дерутся за кости, которыя бросаютъ имъ солдаты. Иногда шалуны придумываютъ противъ нихъ разныя позволенныя и непозволенныя шутки. Однажды какой-то негодяй набилъ порохомъ кость, приставилъ зажженный фитиль и бросилъ кость въ стадо жадныхъ адъютантовъ; одинъ изъ этихъ бѣдняковъ проглотилъ подачку и былъ разорванъ взрывомъ. Изобрѣтателя безчеловѣчной шутки наказали по-Англійски — его высѣкли розгами. — Когда бываютъ сыты, то неподвижно сидятъ адъютанты на гласисѣ Вилліамовой крѣпости, съ тѣмъ видомъ глупой безпечности, который такъ свойственъ птицамъ, это-

го рода. По цѣлому полудню остаются онѣ тутъ, однѣ стоя на двухъ ногахъ, другія на одной, нѣкоторыя растянувшись на брюхѣ, или на боку.

Калькутта расположена на землѣ напосной, произведенной почти современными наводненіями. Съ тѣхъ поръ, какъ Индійская Компанія сосредоточила здѣсь главный пунктъ политическаго и торговаго управленія, городъ возросъ, едва не въ баснословномъ развитіи. Тамъ, гдѣ нысячи живыхъ еще людей запомнятъ только бѣдную Индійскую деревню, построенную изъ бамбука, распространяется нынѣ обширное народонаселеніе 600,000 душъ. Памятники туземнаго зодчества возвысились здѣсь подлѣ Европейскихъ зданій. *Черный городъ*, или Индійское отдѣленіе, находится къ западной оконечности. Тутъ изъ замѣчательныхъ построекъ видны только пагоды и мечети, довольно плохаго устройства, среди кривыхъ и грязныхъ улицъ. Изъ другихъ зданій можно упомянуть только объ обширномъ, развалившемся базарѣ, поставленномъ на предѣлѣ Чоуринги, и о жилищахъ богатыхъ *бабу*, или благородныхъ Индійцевъ, своею обширностью и распорядкомъ, своими плоскими кровлями и узкими окошками напоминающихъ зодчество старинныхъ Европейскихъ монастырей. Черный городъ здѣшній занимаетъ пространство безмѣрное, и населенъ Бенгальцами, Маратами, Малабарцами, Бирманами, Китайцами, Арабами, Персіянами, Малайцами, Жидами, вообще пришельцами изъ всей Азіи. По многоразличію языковъ, это настоящая Вавилонская башня.

Напротивъ того, *Чоурингн* — это Европа, щегольская Европа, Лондонъ, съ его Гейдъ-Паркомъ, Парижъ, съ его Элизейскими полями. Вечеромъ, когда зайдешъ солнце, и воды Ганга освѣжатъ улицы, вы увидите скачущія, пересѣкающія другъ другу путь, останавливающіяся у домовъ *ландо, тильбури, боген*, наполненныя модными дамами, угрюмыми офицерами Компаніи, Армянами, въ остроконечныхъ колпакахъ, бабу, въ ихъ плоскихъ чалмахъ, и всякой старается одинъ передъ другимъ показать, хотъ немного, Европейской роскоши. Разумѣется, что такое подражаніе Европѣ не бываетъ безъ разительныхъ и забавныхъ ошибокъ и туземныхъ измѣненій. Вмѣсто превосходныхъ Англійскихъ лошадей, въ здѣшніе экипажи впрягаютъ иногда негодныхъ лошадей Индійскихъ; самые кучера, Индійцы, съ ихъ кисейнымъ платьемъ и босыми, черными ногами, не могутъ выдержать сравненія съ кучерами и грумами Лондонскими.

За крѣпостною эспланадою находится только *Танкъ-скверъ*, и еще нѣсколько улицъ обитаемыхъ Европейцами. Въ частяхъ *Дуруттолла* и *Коссипполла* народонаселеніе смѣшанное. — Изъ зданій въ Чоурингн должно упомянуть о Городскомъ судѣ, домѣ Правительства, Судебныхъ мѣстахъ, двухъ церквахъ Англиканскихъ, Пресвитеріянской, и нѣкоторыхъ храмахъ другихъ исповѣданій. Публичныя заведенія суть: Санскритскій Коллегіумъ, домъ Правительства, Епископскій Коллегіумъ (Bishop's college), *Медрессе*, или Мугаммеданскій

Коллегіумъ, Калькутская Гимназія, Армянская Академія, купеческая школа, училище малолѣтныхъ Индіянокъ, Азіятское общество, Медико-Френологическое общество (*), Театръ, Ботаническій садъ, множество типографій. По исчисленію Гамильтона, въ 1826 г. издавали въ Калькуттѣ *одиннадцать* Журналовъ; изъ числа ихъ четыре на Бенгальскомъ и два на Персидскомъ языкахъ. Изъ всѣхъ исчисленныхъ мною зданій самое важное, безъ сомнѣнія, домъ Правительства; онъ состоитъ изъ двухъ полукруглыхъ галлерей, соединенныхъ по срединѣ обширными сѣнями. Впрочемъ, внѣшній фасадъ, обремененный тройною колоннадою, слишкомъ тяжелъ. Епископскій Коллегіумъ также замѣчательное зданіе, съ двумя отдѣленіями, примыкающими къ обширной часовнѣ. Протестантскій соборъ не изященъ; его шпицъ тяжелъ, части безпорядочны; но все вмѣстѣ стоитъ однакожь вниманія.

На В. отъ Калькутты находится обширный прудъ соленой воды, составляющій границу *Соундербунда*. На пространствѣ между этимъ озеромъ и городомъ разбросаны тысячи Индійскихъ хижинъ,

---

(*) *Френологія, или краніоскопія*, черепословіе, наука узнавать свойства людей по выпуклостямъ черепа; основатель ея былъ Докторъ Галль. Англичане удивительно пристрастились къ этой наукѣ, и должно сознаться, что открытія ихъ въ ней весьма замѣчательны и важны. *Прим. Пер.*

пересѣкаемыхъ садами. Это мѣсто нездоровое, куда никогда не вступаютъ Европейцы, а далѣе за нимъ къ югу, течетъ *Нулла-Толли* (протокъ Толли), небольшой рукавъ Гугли, который Индійцы почитаютъ настоящимъ Гангомъ. Потому, всѣ свои набожные обряды исправляютъ они на этомъ рукавѣ, а не въ обширномъ отдѣленіи рѣки, оскверняемомъ кораблями Европейцевъ. Каждое утро, незадолго до восхожденія солнца, увидите здѣсь тысячи Индійцевъ. Послѣ обычныхъ умовеній, они трутъ себѣ щеки и лобъ бѣлою, желтою, красною землею, громко восклицая: *Рамъ, Рамъ!*— Нѣсколько браминовъ, сидя на берегу, перебираютъ зерна своихъ четокъ, и бормочутъ молитвы, перевертывая пальмовые и банановые листочки своихъ священныхъ книжекъ.

На западномъ берегу Гугли отдѣляется важное предмѣстье *Гоура*, обитаемое строителями кораблей. Большая дорога около Калькутты и Чоуринги называется *Круглою дорогою;* она слѣдуетъ почти по линіи означенной валами, насыпанными во время войны противъ Маратовъ. Здѣсь предѣлъ завѣдыванію Калькутскаго начальства. Всѣ преступленія, совершаемыя по сю сторону вала, подлежатъ *Суддеръ-Адаулуту*, или высшему судилищу; все, что сдѣлается по ту сторону, относится къ управленію уѣздному. Въ случаѣ аппеляціи, дѣло переносятъ въ *Суддеръ-Девани*, или народный судъ въ Чоуринги, гдѣ полагается послѣднее рѣшеніе, по Алкорану, или по законамъ Мену.

Ботаническій садъ въ Калькуттѣ, въ тридцать

лѣтъ существованія имѣющій каталогъ почти четырехъ тысячь растеній, произрастающихъ въ немъ, расположенъ на правомъ берегу Гугли, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города; окружность его почти двѣ льё. Основанный Докторомъ Роксбургомъ, садъ этотъ пострадалъ нѣсколько послѣ отъѣзда сего опытнаго ботаника въ Европу; но Докторъ Валлихъ, Датчанинъ родомъ, человѣкъ ревностный къ наукѣ, скоро успѣлъ продолжить улучшенія, начатыя предшественникомъ. Его трудами садъ превратился въ маленькій эдемъ, гдѣ растенія всего земнаго шара возрастаютъ и оказываются въ полной роскоши своего произрастенія. Къ драгоцѣннымъ собраніямъ растеній Бенгала, Силлета, Гаррова, Непаульскихъ горъ, присоединены всѣ породы Капа, Бразиліи, Австраліи, Океаніи. Величайшее богатство состоитъ въ пальмахъ, и обширныя сообщенія Индіи дали средство собрать здѣсь множество родовъ этого обширнаго семейства деревьевъ. Прелестная роща изъ *Sagus Rumphii* есть истинная драгоцѣнность въ этомъ родѣ; вотъ дерево, которое можно почесть первобытнымъ типомъ колонны и арки Готической; все, что видимъ въ прихотяхъ Готическаго зодчества, найдемъ мы на этомъ странномъ деревѣ. Оно разсажено здѣсь правильными аллеями, пересѣкающимися въ прямыхъ углахъ; высота ствола такъ равна, дуги вѣтвей такъ правильны, что съ трудомъ вѣришь неприкосновенности къ нимъ рукъ человѣческихъ. Если присовокупить къ этому густоту, непроницаемость листьевъ, и совершенную наго-

ту прозябеній окрестъ деревьевъ, то легко понять, что купа изъ Sagus Rumphii можетъ явить художнику и поэту все величіе Готическаго собора.

Къ сокровищамъ сада принадлежатъ еще нѣсколько Borassus flabelliformis, или *пальмиръ*. Изъ этого и кокосоваго дерева добываютъ жидкость, называемую *тодди*, родъ водки, иначе извѣстной подъ именемъ *арака Парієвъ*. Для этого срѣзываютъ цвѣточную дудку, привязываютъ на мѣсто ея бутылку, или тыковину, для собранія вытекающаго сока. Далѣе видите здѣсь прелестныя ліаны Южной Америки и платаны (бананы) Малайскаго архипелага, вышины и вида удивительныхъ. Не смотря на благопріятность климата и почвы, нѣкоторыя изъ растеній не удаются; таковы, на примѣръ, Новокаледонская сосна и Сенегальская Адансонія. Кромѣ Калькутскаго сада, докторъ Валлихъ управляетъ еще садомъ Типпигурскимъ, подлѣ Барракпура, но тамошнее заведеніе предназначено наиболѣе для растеній полезныхъ, которыя стараются возрастить въ Бенгалѣ.

Барракпуръ, въ 16-ти миляхъ отъ Калькутты, на С., военный постъ, и любимое мѣстопребываніе Генералъ-Губернатора, гдѣ построилъ онъ прелестный увеселительный домъ. Касаясь береговъ Гугли, Барракпуръ находится противъ Датской колоніи *Серампуръ*, которая видна изъ за-него, за обширною скатертью воды, съ ея бѣлыми домами, Датскимъ флагомъ и маленькимъ шпицемъ. Во все время пребыванія моего въ Калькуттѣ, Лордъ

Бентинкъ, Генералъ-Губернаторъ Англо-Индійской имперіи, жилъ въ Барракпурѣ. Жилище его здѣсь просторно и удобно, окружено *бунгалоувами*, или павильонами, опредѣленными для посѣтителей и для адьютантовъ Лорда. Въ паркѣ, простирающемся на триста *акровъ* (*), соединены очаровательныя громады деревьевъ и богатые луга, съ неизобразимою роскошью произрастанія. Тутъ содержатъ многихъ рѣдкихъ животныхъ — *гіала*, урожденца Тибета и Непауля, родъ буйвола, только огромнѣе и съ ужасными рогами, зебровъ, рысей, Бенгальскихъ и Серампурскихъ медвѣдей, тигровъ, леопардовъ, дикобразовъ и кангуру. Въ окрестностяхъ водятся опасныя змѣи, Cobra di Capello, укрываясь въ развалинахъ жилищъ, сухихъ мѣстахъ и запустѣлыхъ пагодахъ. Водяныя змѣи болѣе рѣдки. Огромные аллигаторы безпрестанно выползаютъ изъ рѣки и лежатъ на солнцѣ, по берегу; ихъ считаютъ двѣ породы, одну похожую на Нильскаго крокодила, съ длиннымъ рыломъ, и не нападающихъ ни на кого, если на нихъ не нападаютъ; другую менѣе ростомъ, съ круглымъ рыломъ, стремительно бросающихся на животныхъ и на каждаго неосторожно купающагося человѣка. Увѣряютъ, будто эти аллигаторы схватываютъ иногда Индійцевъ даже съ берега, когда они при-

---

(*) *Акръ*, поземельная Англійская мѣра, имѣющая 40 рудъ въ длину и 4 руды въ ширину, или 160 кв. рудъ, что составитъ до 890 кв. саженъ. *Прим. Пер.*

ходящъ черпать воду изъ рѣки. Если вѣрить разсказу моего сиркара, аллигаторъ схватилъ когда-то молодую дѣвушку, лѣтъ пятнадцати; она билась и кричала минутъ десять на поверхности воды, влекомая чудовищемъ; спѣшили броситься въ лодку, плыть за похитителемъ, но жестокимъ усиліемъ аллигаторъ погрузился въ рѣку съ своею жертвою, и оставилъ преслѣдователей въ ужасѣ и изумленіи.

Кромѣ бивуаковъ Барракпурскихъ, гдѣ построены для солдатъ здоровыя, прохладныя жилища, близъ Калькутты есть еще военное заселеніе въ Думъ-Думѣ; тамъ находится главный артиллерійскій паркъ всей Англо-Индійской имперіи. Казармы тамошнія суть низенькія строенія, съ верандасами, по здѣшнему обычаю. Генералъ живетъ тамъ въ красивомъ домѣ, пріютившемъ на скатѣ утесистой горы и окруженномъ прелестнымъ садомъ. Лордъ Клейвъ, обыкновенно проживавшій въ этомъ мѣстѣ, украсилъ его превосходно.

Мнѣ хотѣлось, въ прогулкахъ моихъ по окрестностямъ, замѣтить все, что хоть сколько нибудь напоминаетъ изчезнувшее Французское могущество въ этой части Индіи, и потому, въ *буггеро*, или Гангеской лодкѣ, отправился я въ *Шандернагоръ*. Г-нъ Кордье, тотъ самый, что съ 32-мя сипаями поддержалъ здѣсь честь Французскаго флага противъ Англичанъ, управлялъ въ бытность мою этою бѣдною и ничтожною колоніею. Все говорило тогда въ Шандернагорѣ о молодомъ, отважномъ естествоиспытателѣ Французскомъ, столь

рано похищеннымъ потомъ смертью среди обширныхъ прудовъ его : вы поймете , что я разумѣю здѣсь *Виктора Жакемона,* за пять мѣсяцевъ до меня прибывшаго въ Индію , и успѣвшаго потомъ совершить столь обширныя и любопытныя путешествія по внутренней Азіи. Бѣдный Жакемонъ ! Сколько надеждъ съ нимъ потеряно ! Тридцати лѣтъ отъ рожденія , онъ готовъ былъ обогатить науки и Географію разнообразными открытіями. Онъ обозрѣлъ Бенаресъ , Дели, вершины Гиммалаевъ , источники Джумма и Ганга , пробрался до Лагора , посѣтилъ баснословную Кашемирскую долину. Послѣ трехъ лѣтъ путешествія, какое обиліе предметовъ естествознанія и замѣчаній всякаго рода готовилъ онъ намъ ! Онъ умеръ въ концѣ 1832 года въ Бомбаѣ , когда заносилъ уже ногу на корабль , долженствовавшій возвратить его Франціи, умеръ отъ разстройства въ печени, когда морской воздухъ и отдыхъ на кораблѣ могли возстановить его здоровье, разстроенное трудами путешествій и пребываніемъ въ тлетворныхъ климатахъ посѣщенныхъ имъ земель. Болѣе, нежели о старыхъ ученыхъ, надобно сѣтовать о молодыхъ сподвижникахъ знаній , умирающихъ не высказавъ намъ вполнѣ идеи своей жизни. Особенно грустна бываетъ потеря труженика въ цвѣтѣ лѣтъ , любящаго знанія добродушно и просто , безъ оглядки на прошедшее , безъ системъ , безъ ненависти , безъ зависти , иногда преданнаго вдохновенію , и всегда чуждаго ученыхъ партій и утомительныхъ дробей упрямой систематики. Да, надобно жалѣть

о такой потерѣ, потому, что такіе люди рѣдки, и по рожденію своему, и по трудности обстоятельствъ, которыя надобно побѣдить имъ для своего предназначенія. Въ Шандернагорѣ все говорило мнѣ о Викторѣ Жакемонѣ; въ этой бѣдной колоніи, гдѣ нѣсколько Французовъ упорно борются съ несудоходнымъ мѣстомъ рѣки, и съ монополіями Англичанъ, и съ невыгодами торговли, безпрерывно упадающей, болѣе наслушался я о путешествующемъ соотечественникѣ, нежели въ Калькуттѣ, городѣ многолюдства и шума. Впрочемъ, Жакемонъ былъ замѣченъ и въ Калькуттѣ. Индійскій Генералъ-Губернаторъ отличилъ ласковымъ пріемомъ молодаго странника, принялъ его съ особенною ласкою; Спръ Карлъ Грей, Г-да Рейанъ и Пирсонъ спорили о томъ, кто болѣе окажетъ ему пріязни; живость Француза, восторгъ, внушаемый предметомъ занятій, и теплая преданность наукѣ расшевелили Британскую холодность, которая хотя не понимаетъ этого, но готова дѣлиться, видя все это въ другомъ. Тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе было впечатлѣніе Жакемона на Шандернагоръ, гдѣ нашелъ онъ общество ласковыхъ земляковъ. Радушный Кордье не могъ говорить о Жакемонѣ не растрогавшись; онъ сопровождалъ его въ путешествіи на Гиммалаи, заботился объ немъ, какъ будто объ родномъ.

Г-нъ Кордье откровенно говорилъ мнѣ о неизбѣжной гибели, ожидающей колонію, ввѣренную его управленію, и признавался, что онъ ничего не можетъ отвратить и почти ничего не можетъ сдѣ-

лапъ полезнаго для отечества. Нѣсколько опустѣлыхъ улицъ, нѣсколько низкихъ, почти необитаемыхъ домовъ, пустой портъ, безмолвная пристань—вотъ что представляетъ теперь Шандернагоръ! Датское заведеніе въ Серампурѣ также упало, но, по крайней мѣрѣ, видъ его не столь печаленъ. Находясь близъ Калькутты, въ сторонѣ довольно здоровой, оно привлекаетъ Европейцевъ, которые бѣгутъ сюда отъ дорогой жизни въ Калькуттѣ. Серампуръ городокъ красивый и опрятный. Полковникъ Крефтингъ, долго здѣсь управлявшій, завелъ большой порядокъ и устройство, при помощи придцати сипайскихъ піонеровъ, которыхъ могъ содержать. Въ 1823 году, Гангескіе разбойники осмѣлились напасть на Серампуръ; сѣдоволосый Полковникъ пошелъ съ двумя дюжинами плохихъ солдатъ своихъ на разбойниковъ, напалъ на нихъ, сражался самъ, захватилъ нѣсколькихъ въ полонъ и повѣсилъ ихъ для примѣра. Съ тѣхъ поръ, никто не смѣетъ тронуть Серампура. Но если Датская колонія не имѣетъ причины бояться разбоя туземцевъ, за то сѣмяна разрушенія посѣяны для нея явно и на виду: я говорю о завистливомъ и могущемъ владычествѣ Англичанъ. Значительность торговая уменьшается здѣсь годъ отъ году, и, вѣроятно, Данія вскорѣ принуждена будетъ сама просить Англичанъ взять у нея Серампуръ, и уже кстати почислить его въ свои Индійскія владѣнія.

Въ поѣздкахъ и обозрѣніяхъ моихъ, нѣсколько разъ покушался я проникнуть во внутренность

Индійскихъ обиталищъ, но при каждомъ покушеніи такого рода, сиркаръ мой останавливалъ меня со всѣми признаками страха, а по виду хозяевъ я могъ понять, что немного было выгоды упорствовать. Суевѣрное убѣжденіе Индійцевъ говоритъ имъ, что вступленіе Европейца въ ихъ жилище есть оскверненіе, ничѣмъ неизгладимое. Потому, во внутреннее отдѣленіе своего дома Индіецъ пропуститъ Европейца развѣ только черезъ трупъ свой. Мугаммедане не столь суевѣрны; кромѣ женской половины, весь домъ Мугаммеданина открытъ посѣтителямъ. Поколѣнія Мугаммеданскія отличаются красотою между всѣми туземцами Индіи. Правильность чертъ, менѣе смуглый цвѣтъ кожи, стройность и сила членовъ, какое-то благородство поступи, все это отличаетъ ихъ столько-же, сколько и щеголеватая простота одѣянія.

Въ Шандернагорѣ, Серампурѣ, Барракпурѣ, видѣлъ я пагоды, зодчество которыхъ далеко оставляетъ за собою жалкое зодчество пагодовъ Калькутскихъ. Здѣсь находилъ я отчасти великолѣпіе Яггернаутскихъ храмовъ, какъ будто преддверіе къ религіозному великолѣпію Бенареса, святаго города Индійскаго. Въ первый разъ видѣлъ я здѣсь слоновъ, съ *гудами* на хребтахъ ихъ. Гуды ничто иное, какъ покрытыя сѣдалища, или павильоны, укрѣпляемые на спинахъ слоновъ, для удобства путешественниковъ; изъ числа ихъ, употребляемые Европейцами походятъ на кузовъ кабріолета; гуды Индійскихъ бабу не столь высоки, но пестрѣе украшеніями. Слонъ, съ такимъ сѣдломъ, съ золо-

шыми кистями и великолѣпнымъ уборомъ—Азіятская картина, слишкомъ извѣстная въ Европѣ, и всего болѣе выражающая Азію. Индійскіе слоны вообще менѣе слоновъ средней Африки, но видъ ихъ однакожъ величественъ; будучи животнымъ ручнымъ и домашнимъ, это животное все еще сохраняетъ нѣсколько своей природной, дикой горделивости. Уже столько было говорено о чудесной понятливости слоновъ, что кажется безполезно повторять множество истинныхъ и вымышленныхъ анекдотовъ о предметѣ всеобщаго удивленія. Видя слона, животное чудовищное, могучее, видя, какъ повинуется онъ едва замѣтному движенію *магута,* или *корнака,* на немъ сидящаго, не льзя не сознать въ немъ инстинкта послушливости, соединеннаго съ тонкою понятливостью. Когда слонъ идетъ, везя на себѣ путешественниковъ, или властителей, кромѣ магута, имъ управляющаго, человѣкъ съ зонтикомъ сидитъ у него на холкѣ, а подлѣ слона идетъ еще путеводитель, безпрестанно разговаривая съ нимъ и указывая ему дорогу. «Берегись—вотъ калея—держись крѣпче; тутъ скользко—сюда—здѣсь»—подобный разговоръ продолжается во все время пути. Магутъ, напротивъ, не говоритъ ни слова; если надобно перемѣнить направленіе, онъ даетъ знать объ этомъ слону, придавливая правую, или лѣвую ногу свою къ шеѣ животнаго. Для ускоренія хода, онъ колетъ его иголкою; для остановки, бьетъ его по носу. Власть корнаковъ надъ слонами, которыхъ они выучили, доказана тысячами примѣ-

ровъ. Епископъ Габеръ разсказываетъ, что незадолго до прибытія его въ Бенгалъ, около 1822 года, осудили на смерть одного магута. Злобясь на какую-то женщину, онъ сдѣлалъ непримѣтный знакъ слону, и по этому знаку, звѣрь схватилъ несчастную своимъ хоботомъ и раздавилъ ее ногами.—Для избѣжанія-ли подобныхъ случаевъ, или потому, что лошади пугаются слоновъ, запрещено вводить ихъ въ Калькутту и на пять миль въ округу города. Какъ домашнее животное, слонъ употребляется въ Индіи на всѣ потребности, исправляемыя въ Европѣ лошадьми. Въ парадахъ, въ путешествіяхъ, въ битвахъ услуживая человѣку, слоны суть также вѣрные союзники его въ сраженіяхъ съ дикими звѣрями. Для этого собираютъ нѣсколько слоновъ, на которыхъ садятся магуты и охотники, вооруженные ружьями, пиками, луками и стрѣлами. Когда звѣрь увидитъ себя обхваченнымъ стаею слоновъ съ охотниками, онъ начинаетъ битву, но неравная битва эта не бываетъ продолжительна; слоны пронзаютъ звѣря своими клыками и давятъ его, повергая подъ свои тяжкія ноги.

Такъ употреблялъ я на обозрѣнія и поѣздки первые дни моего пребыванія въ Калькуттѣ. Спѣша все видѣть, я успѣвалъ удѣлять только малый остатокъ времени на бесѣду съ моими добрыми хозяевами. Впрочемъ, право, было опасно засиживаться съ ними долго; миссъ Нелль, младшая изъ дочерей старика Вильмота, любимая сестра моего друга, была такъ хороша, что я чуть не влюбился

въ нее по уши. Куда хорошо было-бы мнѣ, когда у меня на рукахъ *всеобщее путешествіе*, заклятая страсть объѣхать цѣлый міръ, мнѣ, бѣдному странпику, влюбиться въ дочь одного изъ Англійскихъ Остъ-Индскихъ богачей! Я былъ даже радъ, что миссъ Вильмотъ не замѣчала сильнаго впечатлѣнія на мое нѣжное сердце. Она и сестра ся были воспитаны въ правилахъ самаго строгаго благонравія, напитаны правилами Пуританской скромности, и для того, чтобы влюбиться въ кого нибудь, имъ надобно было напередъ позволеніе строгаго отца ихъ. Обѣ дѣвицы казались чрезвычайно ласковы, милы со мною, и сколько разъ жалѣлъ я, что я не богачъ, не Англичанинъ, не протестантъ Англійскій! Въ слѣдствіе всего этого, въ обращеніи моемъ соблюдалъ я возможную осторожность, не старался даже слишкомъ увлекаться обществомъ и любезностью миссъ Вильмотъ, хотя иногда онѣ сами подвергали мою философію тяжелому испытанію. Вообразите, напримѣръ, что миссъ Бекъ вошла въ мое отдѣленіе, когда я сидѣлъ спокойно за моею *гукою*, или аромапическою Персидскою трубкою. «Я пришла за вами, любезный гость» — сказала она мнѣ — пойдемте со мною въ здѣшнее училище молодыхъ Индійскихъ дѣвочекъ; сегодня тамъ экзаменъ; вы увидите любопытное зрѣлище, и узнаете почтенную учредительницу его, мистриссъ Вильсонъ.» Можно-ли было отказаться! Мы отправились вмѣстѣ, сопровождаемые толпою служителей. — Училище это заведено Г-жею Вильсонъ, женою одного Ан-

глійскаго миссіонера, лѣтъ десять тому. Прежде примѣра не бывало, чтобы дочь или жена Индійскаго туземца учились читать, писать, заниматься женскими рукодѣліями. Г-жа Вильсонъ умѣла сдѣлать эпоху въ Индійскомъ воспитаніи. Отъ шести, или семи, взятыхъ ею первоначально дѣвочекъ, число воспитанницъ возросло теперь до восьми сотъ. Никто изъ Индійцевъ, Браминовъ и Музульманъ, не отказывается отъ желанія, чтобы дочь его училась, съ однимъ только условіемъ, что ученье не разрушитъ строгаго раздѣленія на вѣры и касты. Это условіе строго соблюдается и потому все идетъ чрезвычайно успѣшно. Самые жрецы Брамінскіе, кажется, согласны съ нововведеніемъ, дотолѣ неслыханнымъ; мы видѣли множество ихъ, присутствовавшихъ при экзаменѣ. Леди Бентинксъ, супруга Генералъ-Губернатора, леди Грей, мистриссъ Райанъ, и множество почетныхъ дамъ находились тутъ-же. Экзаменъ шелъ превосходно и зрѣлище было, дѣйствительно, самое занимательное. Надобно было видѣть этихъ малюточекъ, съ ихъ мѣдноцвѣтными лицами, съ ихъ умными, выразительными глазами, полунагихъ, съ заплетенными волосами на головахъ, съ раскрашенными бѣлою и красною краскою лбами, съ покрывалами, наброшенными на головы, когда онѣ выступали въ средину залы собранія, повторяли уроки, отвѣчали на вопросы. Стараясь одѣть ихъ для праздника щеголеватѣе, родственники обременили наряды ихъ кольцами, браслетами, привѣсками. Миссъ Бекъ была такъ любезна со мною во

все время экзамена, что я возвратился домой влюбленный въ нее, не менѣе какъ и въ миссъ Нелль.

Черезъ нѣсколько дней, мой добрый Вильмотъ показалъ мнѣ зрѣлище не менѣе любопытное: *дюрбаръ*, или торжественный выходъ Генералъ-Губернатора. Дюрбаромъ называется общая аудіенція, которую, въ назначенныя времена, даетъ Лордъ Бентинкъ богатымъ бабу Калькутскимъ и *вакилямъ*, или посланникамъ Индійскихъ государей. По приходѣ нашемъ, мы увидѣли толпу богатыхъ и знатныхъ Индійцевъ, стоявшую въ два ряда въ обширной галлереѣ. Нѣсколько ученыхъ Индійцевъ, путешественниковъ Восточныхъ, Раджей, Набабовъ ожидали тутъ-же появленія властителя Индіи. Увѣренъ, что самому Лорду Бентинку, старому солдату, столь отличившемуся въ Испанской войнѣ, радикалу по своимъ мнѣніямъ, философу по жизни, странно разыгрывать въ Калькутскомъ дворцѣ своемъ комедію Азіятскую, но этого требуетъ политика. Въ глазахъ жителей Востока власть доказывается великолѣпіемъ и формами, и Англичане не могли-бы повелѣвать Индіею соблюдая простоту быта нашихъ Европейскихъ властителей. Потому болѣе блеска, болѣе великолѣпія и роскоши увидите при Дворѣ Калькутскомъ, нежели при Дворѣ самаго короля Георга. Едва вступилъ Лордъ Бентинкъ въ залу, какъ по его повелѣнію на одного Раджу надѣли, въ знакъ милости, богато вышитый *халатъ;* другимъ раздавалъ онъ алмазные знаки, жемчужныя ожерелья; всѣмъ присутствующимъ лили на платки

аттаръ или розовую воду. Вакили Уда, Нагпура и Непауля, Персидскіе ханы, Аравійскіе эмиры, Раджи и Набабы мелькали передъ моими глазами, среди множества Англійскихъ офицеровъ, и эти одѣянія изъ бѣлой кисеи, эти халаты, унизанные золотомъ и драгоцѣнными каменьями, эти Британскіе мундиры, облитые драгоцѣнными металлами, лѣсъ плюмажей и перьевъ на шляпахъ—все это составляло позорище столь разнообразное, что трудно было-бы описать его вполнѣ.

Единожды бросившись въ праздники, я уже не останавливался болѣе, былъ на великолѣпныхъ раутахъ, на вечерахъ, въ театрѣ, потомъ на пуземномъ пиршествѣ, или *наче*, который давалъ какой-то богатый Индіецъ. Когда явились мы передъ его освѣщеннымъ, окруженнымъ толпою любопытныхъ, великолѣпнымъ домомъ, насъ повели въ обширную залу, во внутренности которой простирались двѣ большія галлереи, одна надъ другою. Въ верхней, за непроницаемыми рѣшетками, сидѣли жены нашего бабу, невидимо наслаждаясь великолѣпіемъ праздника; въ нижней расположились гости. Штукатурныя, бѣлыя колонны поддерживали галлереи, и обширная, вся сплошь освѣщенная зала представляла видъ прекрасный. При нашемъ приходѣ, собраніе занято было пѣніемъ *Ники*, Каналани Индійской, превосходной пѣвицы пуземныхъ пѣсенъ, въ сопровожденіи оркестра, который былъ, правду сказать, довольно нестроенъ. Послѣ пѣнія начался *наче*. Такъ называется Индійскій танецъ, нисколько непохо-

жій на пляски баядерокъ, *деведасси*, *кансени*, и другихъ прислужницъ въ пагодахъ. Танцовщицы наче называются *румъ-дженн*; онѣ становятся попрое, и вмѣсто сладострастныхъ кривляній баядерокъ всѣ движенія ихъ отличаются скромностью и прелестью. Одежда танцовщицъ соотвѣтствуетъ характеру пляски; вмѣсто легкой оболочки, сквозь которую видны полунагія формы, румъ-джени одѣты въ широкія платья, шитыя золотомъ и серебромъ; нижнія платья у нихъ чрезвычайно широки; они надуваются, какъ пузырь, когда танцовщицы начинаютъ вертѣться; широкія шаровары идутъ до ступней; множество гремушекъ на ногахъ служитъ къ означенію мѣры. Иногда танцовщицы наче дѣлаютъ только переходы и круги, но всего чаще танецъ переходитъ въ пантомиму, чрезвычайно вѣрную и выразительную.

Индійскій оркестръ состоитъ изъ множества инструментовъ; разные роды барабана занимаютъ между ними первое мѣсто; главный изъ барабановъ *гаукъ*—величины ужасной, и производитъ такой громъ, что если гдѣ хотятъ употребить его, то надобно предварительно просить позволенія Правительства. *Урни* есть грубая гитара, изъ перепиленнаго на-двое кокосоваго орѣха; по ней царапаютъ бамбуковою палкою; инструментъ производитъ два звука, одинъ похожій на мяуканье кошки, другой на рыканіе дикаго звѣря. *Колъ* барабанъ кающихся; *джургъ-гаджа* двойной барабанъ, изъ двухъ неравныхъ отдѣленій; *саран-*

вп походитъ на віолончель, и звуки его не пріятны; *нагассарамъ* родъ гобоя, съ маленькою дудочкою на концѣ, вообще употребляемый при пляскахъ баядерокъ; *пани-каване* родъ флейты, употребляемой при печальныхъ обрядахъ; *джонго*, родъ барабана, въ который бьютъ двумя палочками; *комбу* кривой рожекъ, употребляемый въ пагодахъ; *сонгъ* раковина, на которой играютъ брамины; *тоурти*, дудочка, принадлежность всѣхъ пагодовъ и мѣра для танцевъ баядерокъ. Кромѣ того есть еще: *нагуръ*, или цымбалы, *пеннакъ*, *саринда*, *сурмонгола*, *долъ*, *ситаръ* (духовой инструментъ изъ тыквы), *гоейра* (бубенъ), *табла*, *нагаботтъ* (престрашный барабанъ, возимый на слонѣ, передъ Индійскими государями); особенный родъ трубъ, похожихъ на Европейскій серпанъ; цымбалы Маратскіе, употребляемые при военномъ маршѣ и возимые на верблюдѣ; Маратская труба, инструментъ военный, и проч. и проч.—Соединенныя вмѣстѣ, всѣ эти Азіятскія музыкальныя орудія составили-бы оглушающій оркестръ, но этого никогда не дѣлаютъ. Самый великолѣпный наче довольствуется семью, восьмью музыкантами: и того довольно, если уже не слишкомъ много для ушей Европейца.

Хотя Калькутскіе бабу всегда готовы угощать своихъ туземцевъ и Англійскихъ посѣтителей, но есть одно время въ году, когда наче бываютъ у нихъ въ особенномъ употребленіи и даются безпрерывно. Это происходитъ въ Октябрѣ, на праздникѣ *Дурга-Пуджа*, Индійской масляницѣ, кото-

рую отправляютъ 9, 10 и 11-го Октября. Днемъ во все это время происходятъ духовныя процессіи Индійцевъ, а по вечерамъ домы богатѣйшихъ бабу открыты для всякаго посѣтителя, только былъ-бы онъ одѣтъ порядочно. Въ залахъ выставляется тогда изображеніе Индійскаго божества, сдѣланное изъ дерева, богато одѣтое, и представляющее его лежащимъ. Каждаго посѣтителя подводятъ къ этому истукану и опрыскиваютъ розовою водою. Въ такіе праздничные дни, иной бабу издерживаетъ до 100,000 рупій, сколько изъ набожности, столько-же изъ тщеславія.

Другой праздникъ, не уступающій Дургѣ, называется *Чуррюкъ-Пуджа*, и отправляется въ честь богини *Кали*. Онъ бываетъ 10-го Апрѣля. Наканунѣ, вечеромъ собираются толпы на берегу рѣки, и набожные люди, всходя на особенныя подмостки изъ бамбука, бросаются въ рѣку, гдѣ разстилаютъ тогда тюфяки, чтобы паденіе прыгуновъ не было слишкомъ сильно. До свѣта 10-го Апрѣля, музыканты Индійскіе ходятъ по улицамъ и приглашаютъ всѣхъ правовѣрныхъ сбираться на *мейданъ*. Тамъ сходится тысяча тысячъ Индійцевъ; со всѣхъ сторонъ вѣютъ разноцвѣтные значки; во всѣхъ сторонахъ устроиваются мѣста для религіозныхъ плясокъ. Но вся эта, одѣтая въ бѣлыя платья куча народа, весь этотъ визгъ инструментовъ, давка, движеніе—только предвѣстія духовнаго хода. Главное лицо составляютъ тутъ опять набожные люди, уже вымазанные красною краскою, по тѣлу и по платью, какъ будто они

только что вылѣзли изъ красильныхъ чановъ. Вѣники, пояса и ожерелья дополняютъ нелѣпый нарядъ ихъ. Впереди и за ними слѣдуетъ множество трофеевъ и богини подвижныхъ шеашровъ, везомыхъ на лошадяхъ, или на волахъ; на иныхъ шеашрахъ видите символы и изображенія миѳологическія; на другихъ подражанія солдатамъ и кораблямъ Европейскимъ. Тутъ являются покаянники, съ кусками горячаго желѣза, которыми прижигаютъ они себѣ пѣло, или съ маленькими кинжалами, которыми они колютъ себя до крови; нагіе до пояса, вымазанные красною краскою, обвѣшанные цвѣтами, съ длинными, напитанными масломъ волосами, бѣдняки скачутъ и стараются показать себя веселыми и довольными. Но улыбка и веселье ихъ слишкомъ принужденны, и страданіе оказывается невольными движеніями лица. Строжайшій порядокъ наблюдается во все время шествія, не смотря на многочисленность толпы.

Вечеромъ, вся куча народа и процессія приходятъ въ *Бойтаконна*, часть Калькутты, обитаемую Индійцами, гдѣ устроиваются *вертящіяся деревья*: это орудія пытки, предназначенныя для очищенія грѣховъ; каждое состоитъ изъ машины, вышиною футовъ въ двѣнадцать, крѣпко утвержденной въ землю, на которой сверху вертится перекладина, перекачиваясь въ то-же время на всѣ стороны. На одномъ концѣ перекладины веревка съ желѣзными крючьями для кающихся; на другомъ также веревка, посредствомъ которой жрецы мучатъ его. Рѣшеніе на такое покаяніе должно быть

совершенно по доброй волѣ. Когда добровольный страдалецъ явится на Бойтаконнаской площади, весь въ цвѣтахъ, сопровождаемый брамінами, собраніе привѣтствуетъ радостными криками его благочестивую рѣшительность. Жертва останавливается у подножія мачты, равнодушно глядитъ на приготовленія, и наконецъ самъ приказываетъ начать очищеніе его отъ грѣховъ. Тогда брамины вонзаютъ ему повыше ребръ два большіе крюка, которые впиваются въ продольные мускулы, поддерживаясь около груди широкою перевязью. Послѣ этого нѣсколько человѣкъ гнутъ къ землѣ другой конецъ перекладины и поднимаютъ бѣдняка футовъ на десять отъ земли. На такой высотѣ начинаютъ вертѣть перекладину кругомъ, и страдалецъ съ восторгомъ бросаетъ въ народъ цвѣты и орѣхи. Бываетъ, что когда брамины полагаютъ уже покаяніе достаточнымъ и хотятъ прекратить мученіе кающагося, безумный изувѣръ умоляетъ ихъ продолжить сладостное страданіе еще нѣсколько времени.

Всѣ эти обряды, и частныя подробности, собранныя мною въ Яггернаутѣ, Калькуттѣ и другихъ мѣстахъ, возбудили во мнѣ особенное любопытство узнать въ общности религію Индійцевъ, столь обильно исполненную обрядами и праздниками, столь безчеловѣчную, варварскую, исключительную, презирающую до ненависти всѣ другія исповѣданія, и столь безгранично владѣющую народами Индійскими. Съ самаго пріѣзда, я располагался плыть изъ Калькутты въ Бенаресъ, этотъ

Римъ Индійскій, какъ называетъ его Епископъ Габеръ, бывшій тамъ и подробно описавшій его. Но когда надобно было приступить къ путешествію, мнѣ разсказали о всѣхъ трудностяхъ пути, и объявили, что менѣе шестидесяти дней невозможно опредѣлить на путь до Индійскаго святаго города — признаюсь, горячность моего любопытства простыла. Тѣмъ сильнѣе старался я сыскать средства примирить продолжительность времени, не дозволявшую мнѣ пуститься въ столь дальный путь, съ моимъ желаніемъ видѣть и узнать все замѣчательное. Я обратился къ Вильмоту. « Ничего нѣтъ легче, » отвѣчалъ онъ. «Пойдемте къ знаменитому Рамасвани-Пундиту, единственному брамину изъ всего ихъ рода, который постыдитъ даже Европейца своею глубокою ученостью, благоразумною терпимостью, просвѣщеніемъ, возвышающимъ его надъ всѣми предразсудками. Едва-ли кто нибудь лучше его знаетъ всѣ таинства Индійской религіи и такъ хорошо проницаетъ всю ея сущность. Онъ станетъ говорить съ вами охотно, просто, и на какомъ угодно языкѣ: Бенгальскомъ, Индостанскомъ, Санскритскомъ, Палійскомъ, Португальскомъ, Англійскомъ, Французскомъ, потому, что онъ знаетъ всѣ эти языки.»—Вы не шутите, Вильмотъ? « Нѣтъ! увѣряю васъ честью. »—Ради Бога, ведите-же меня скорѣе къ вашему Рамасвани-Пундиту.—Мы отправились къ этому мудрецу, и всѣ десять остальныхъ дней, пока я жилъ въ Калькуттѣ, по четыре часа каждое утро проводилъ я у моего Индійскаго ѳеолога и философа.

ГЛАВА XVIII.

КАЛЬКУТТА. — РЕЛИГІЯ ИНДІЙСКАЯ.

Индія, въ томъ состояніи, до котораго достигла она въ настоящее время, при владычествѣ Англичанъ, есть такая земля изъ всего свѣта, гдѣ существуетъ самое величайшее разнообразіе вѣрованій. Іудейство, Музульманство, во всѣхъ его оттѣнкахъ, Нанекизмъ, Магизмъ, Католицизмъ, Восточная церковь, Армянская церковь, Люперанская церковь, Англиканская, Пресвитеріанская церкви, религія Конфуція, религія Синто—всѣ мирно водворились здѣсь, и обитаютъ безопасно, рядомъ съ двумя туземными вѣрованіями — *Буддизмомъ* и *Браминизмомъ*.

Описывая Цейланъ, я говорилъ о Буддійской вѣрѣ; *Браминизмъ* гораздо обширнѣе и сложнѣе Буддизма. Разсматривая его съ возможно-достижимой для Европейца точки зрѣнія, множество ученыхъ утвердили, что Браминизмъ былъ древнѣйшею религіею Индійцевъ, въ которой Будда

сдѣлалъ только особенную реформу. Такое мнѣніе было оспориваемо другими новѣйшими изслѣдователями. Буддизмъ найденъ во всей его первобытной простотѣ между нѣкоторыми обитателями Тибетскихъ горъ, и повелъ къ заключенію напротивъ, что онъ былъ истинною, первоначальною религіею Индіи, въ которой Брамінизмъ составилъ уже позднѣйшее перерожденіе. Допуская подобный выводъ, надобно предполагать, что нравственная и духовная сторона Индійской догматистики относится ко временамъ отдаленнѣйшей древности, а система жестокихъ, нелѣпыхъ обрядовъ и безотчетной покорности жрецамъ суть дѣла новѣйшія, установленныя своекорыстіемъ и упорствомъ Индійскаго духовенства.

Но не въ одномъ этомъ является раздѣленіе мнѣній ученыхъ, въ слѣдствіе новѣйшихъ изслѣдованій объ Индійской религіи. Ѳеогонія Индійская, темная и сбивчивая, имѣла множество разныхъ изъяснителей и истолкователей. Понятно, что въ странѣ, гдѣ каждая каста пользуется ограниченнымъ правомъ религіознаго изслѣдованія, и только о томъ именно, что̀ къ ней относится, поясненія, данныя туземцами Европейцамъ, долженствуютъ разнишься, смотря по мѣсту и отношеніямъ туземца, отъ котораго ихъ получаютъ. Такъ говорятъ Индійцы, что Брама третьяго отдѣла, даже предполагая въ немъ добрую волю проявить всѣ окончательныя истины, не могъ сдѣлать этого, ибо подобное откровеніе предоставлено было исключительно Брамѣ Пундиту. Такъ, по причинѣ еще болѣе существенной, любопытный путешест-

вещникъ, относясь къ вопросами къ кастамъ, не преимущественнымъ въ Индійской іерархіи, можешъ узнать только простолюдимскія повѣрья и обряды, а не догматы, мѣлочныя подробности, а не сущность религіозной Индійской системы. Потому, изъ всѣхъ изслѣдователей Европейскихъ мало находилось такихъ, которые не ошибались-бы, и видѣли въ обожаніи Брамы что нибудь другое, кромѣ безобразнаго идолослуженія и многобожія. Но здѣсь ошибка въ основаніи.

Индійская религія признаетъ прежде всего Высочайшее Существо, вѣчное, безконечное, всемогущее, сотворившее все, что только существуетъ: это *Пара-Брама*, сопутствуемый премя существами, низшими его по ихъ совершенству. Сіи три небесныя существа суть *Брама*, *Вишну* и *Шива*; они изображаютъ собою *Тримурти*, то есть, будучи раздѣлены, составляютъ притомъ одно, и говоря собственно, суть только три различныя принадлежности божества: созданіе, храненіе, разрушеніе. Послѣ нихъ Пара-Брама сотворилъ *Майссассура*, и толпу небесныхъ духовъ, предписавъ имъ обожаніе самого себя. Черезъ нѣсколько времени потомъ, возмущеніе Майссассура, въ которомъ участвовала часть духовъ небесныхъ, потребовало наказанія и очищенія. Тогда, по желанію трехъ низшихъ божествъ, Пара-Брама сотворилъ *видимый міръ*, состоящій изъ пятнадцати шаровъ очищенія, среди коихъ наша земля занимаетъ средину. Семь низшихъ назначены къ наказанію; семь верхнихъ къ очищенію наказанныхъ ду-

ховъ. Для помѣщенія возмутившихся и упадшихъ съ высоты духовъ, Вѣчный создалъ 89-ть формъ смертныхъ тѣлъ, изъ которыхъ самыя благороднѣйшія суть *корова* и *человѣкъ*. Когда подъ сею послѣднею формою духъ заслужитъ благость Вѣчнаго, онъ возвращается въ небо, пролетая разомъ всѣ пятнадцать шаровъ; если, напротивъ, онъ увеличилъ вину первоначальную грѣхами въ видѣ человѣка, онъ погружается въ бездны *Ондерага*, или крайняго шара, и тамъ начинаетъ свое чистилище.

Помогая грѣшнымъ братьямъ на добро, вѣрные духи получили отъ Пара-Брама позволеніе сходиться и жить съ ними въ жилищѣ ихъ наказаній. Потому, они присутствуютъ на землѣ, подъ всѣми формами, во всѣхъ стихіяхъ, и Индійцы обожаютъ ихъ подъ именемъ *Дева*, или *Деутта* (добрые духи), какъ посланныхъ отъ Вѣчнаго покровительствовать имъ противъ внушеній *Деитти* (злыхъ духовъ), тайныхъ посланниковъ Майссассура, проклятаго начальника духовъ возмутившихся. Этихъ добрыхъ и злыхъ духовъ видятъ Индійцы повсюду, въ звѣздахъ, воздухѣ, морѣ, лѣсахъ, рѣкахъ. Деуттны находятся въ безпрерывной войнѣ съ Деиттти; первые, въ числѣ 300,000,000-въ, преданы Вишну; вторые, преданные Шивѣ, простираются числомъ до 800,000,000.

Ни одинъ народъ не возводитъ такъ далеко въ древность своего лѣточисленія. По преданіямъ Индійцевъ, очищеніе падшихъ духовъ должно продолжиться *четыре* возраста (Югъ); мы находимся теперь въ четвертомъ. Первый, *сатіа*, или Зо-

лотой вѣкъ, заключалъ 3,200,000 лѣтъ. Это былъ вѣкъ невинности и благоденствія, по разсказу Ведъ, ибо тогда царствовали *Брамины*. Человѣкъ жилъ тогда по 100,000 лѣтъ. Возрастъ *трета*, или Серебряный, продолжался 2,400,000 лѣтъ. Вторая каста, *Кшаттріи*, обладала тогда, и составляла царство, гдѣ пороковъ была четвертая часть, а три остальныя четверти состояли изъ добродѣтелей. Въ третьемъ возрастѣ, *дуапара*, или Мѣдномъ, третья каста, *Вишкіи*, начала повелѣвать, и число пороковъ уравнялось съ добромъ, а жизнь человѣческая сократилась до 1000 лѣтъ. Этотъ періодъ длился 1,600,000 лѣтъ. Теперь мы въ четвертомъ возрастѣ, вѣкѣ Желѣзномъ (*кали-югъ*), надъ которымъ властвуетъ *Судра*, четвертая каста. Пропорція пороковъ къ добру относится, какъ три четверти къ одной, и жизнь человѣческая отнюдь не продолжается болѣе 100 лѣтъ. Желѣзный вѣкъ этотъ продолжится 100,000 лѣтъ, изъ которыхъ прошекло еще только 5000.—Легко можно видѣть отношеніе и сходство между этою Индійскою космогоніею и миѳами Греческаго и Римскаго идолослуженія. Всѣ эти возрасты, золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный, разительно сходятся съ Европейскою Миѳологіею Древнихъ.

Индійцы называютъ *божественнымъ возрастомъ* соединеніе всѣхъ четырехъ возрастовъ. Тысяча божественныхъ вѣковъ составляетъ одинъ день Брамы, и въ теченіе его это божество облекаетъ четырнадцать *мену* (святыхъ духовъ) владычествомъ надъ землею. Мы теперь въ пятьдесятъ-

первомъ годѣ Брамы, и въ слѣдствіе этого къ безконечному числу восходитъ возрастъ міра, о которомъ самые брамины не могутъ согласиться. Но всѣ различія счетовъ ихъ ни сколько не приближаются къ тому малому счету, который принимаютъ всѣ остальные народы. Всякій вычетъ ихъ восходитъ къ милліонамъ. Когда Европейцы начинаютъ говорить о нашей шести-тысячной хронологіи, брамины смѣются и спрашиваютъ шутя: «Такъ видно міръ нашъ еще дитя? А мы было думали, что онъ ужъ давно почтенный старичекъ!»

Первый Ману, говорятъ Индійцы, написалъ законы и постановленія, которыми донынѣ управляются Индійскія племена. Пять, слѣдовавшихъ за нимъ, сдѣлали весьма немногое; но при седьмомъ Ману былъ потопъ, отъ котораго спасся только одинъ этотъ властитель, съ семью *Риши* (полубогами) и ихъ женами. Этотъ *седьмой* Ману населилъ потомъ міръ, и оставилъ потомство, которое дѣлилось на дѣтей Солнца и дѣтей Мѣсяца. Слѣдуя *Пуранамъ*, или святымъ книгамъ, описывающимъ сотвореніе, одинъ Ману управлялъ въ теченіе всего Золотаго вѣка. Въ вѣкѣ Серебряномъ было 55-ть такихъ властителей Солнечнаго, и 45-ть Мѣсячнаго происхожденія. Въ Мѣдномъ вѣкѣ было первыхъ 29, а вторыхъ 24. Наконецъ, 30-ть поколѣній, смѣшанно, изъ обоихъ родовъ вмѣстѣ, слѣдовали въ первой тысячѣ настоящаго вѣка. Съ этой эпохи могла уже установиться хронологія менѣе неопредѣленная, болѣе правильная, и продолжается донынѣ.

Все это, какъ мы видимъ, не представляетъ формъ точныхъ и математическихъ. Множество споровъ существуетъ у самыхъ Индійцевъ о неизмѣримомъ количествѣ лѣтъ міробытія, и обо всѣхъ этихъ Восточныхъ преувеличеніяхъ, часто не имѣющихъ никакой видимой цѣли. Многіе изъ браминовъ сомнѣваются въ счетѣ и въ раздѣленіи, усматривая, что по вычету ихъ съ рожденія Брамы прошло теперь не менѣе 131,400,007,205,000 лѣтъ.

Брама, одно изъ отдѣленій Индійскаго главнаго божества, какъ я сказалъ, почитается *духомъ творчества.* У него было пять головъ, прежде нежели *Вайреверть,* сынъ Шивы, ссѣкъ ему одну голову. При рожденіи каждаго человѣка, Брама печатлѣетъ на его мозгѣ все, что должно случиться съ новорожденнымъ. Брама раздѣлилъ Индійцевъ на четыре касты. По случаю спора, возникшаго между Брама и Вишну, слѣдовалъ судъ, въ который вмѣшался самъ Вѣчный, а Шива осудилъ Брама никогда не имѣть на землѣ храмовъ.

Сыновья Брама, *Мену* составили религіозное уложеніе Индійцевъ. Изъ четырехъ ртовъ Брама вышли четыре *Веды,* которые однакожъ соединилъ философъ и поэтъ *Віаза,* не ранѣе 3200 лѣтъ до нашего времени. Брама почитается у Индійцевъ сосущественнымъ *солнцу.* Подъ сими двумя видами, онъ дѣлается похожимъ на Юпитера, отца Миносова, подобно Зевесу называясь *отцомъ боговъ и человѣковъ,* изображаемый съ четырьмя головами и четырьмя руками. Жена Брама, *Сарассуади,* считается богинею ученія и знаній.

Шива есть такое божество, служеніе которому соединяетъ, кажется, наибольшее число послѣдователей между Индійцами. Въ качествѣ разрушителя и обновителя, по видимому, Шива изображаетъ символъ дѣйствій природы, разрушающей для преобразованія. Его призываютъ подъ безчисленными именами; главнѣйшія изъ нихъ суть: *Рудра, Исваа* и *Магадева;* съ первымъ онъ являетъ жестокость, съ вторымъ онъ владыка всего, съ третьимъ величіе. Шива есть любимое божество простонародія, вѣрующаго, что всѣ другіе боги подчинены ему. *Саніассы,* особая секта Индійцевъ, обожаютъ его отдѣльно, подъ именемъ *Доргати.* Рѣдко изображаютъ Шиву съ многими головами. За то число рукъ у него бываетъ отъ 4-хъ до 32-хъ. Въ каждой рукѣ изображается что нибудь разрушительное: ножъ, топоръ, мечъ, дубина, и проч., а вокругъ шеи его видно ожерелье изъ человѣческихъ череповъ.

Парвати, жена Шивы, знаменита въ Индійскихъ легендахъ. Ей приносили нѣкогда въ жертву живыя существа, начиная съ человѣка до черепахи. Мстительными своими принадлежностями, она соотвѣтствуетъ Греческой Прозерпинѣ, Таврической Діанѣ, тройной Гекатѣ. Въ другомъ отношеніи, Парвати дѣлается *Дурга,* или *дѣятельное добро,* и въ этомъ качествѣ приписываютъ ей побѣду надъ возмутителемъ небеснымъ Майсассуромъ. Она принимаетъ также имена *Падмалы* и *Камалы,* раждаясь изъ лотоса, и подъ сими именами совершенно соотвѣтствуетъ Афродитѣ

Грековъ. Подобно этой богинѣ является она изъ пѣны океана, на цвѣткѣ, брошенномъ волнами моря къ ногамъ жениха ея Шива. Божеское потомство Парвати почти неисчислимо. Она мать *Маммадина*, Индійскаго Купидона, и *Картисея*, Марса Индійцевъ, или бога небеснаго оружія, который изображается ѣдущимъ на павлинѣ, и съ четырьмя головами, окруженными сіяніемъ; она родила также *Ганеза*, бога мудрости. Трудно опредѣлить предѣлы всѣхъ ея принадлежностей, ибо она повсюду признается и обожается. Съ Сарассуди покровительствуетъ она знаніямъ, присутствуетъ при ископаніи металловъ, направляетъ звуки музыкальныхъ орудій. По всему этому, какъ жена Шива, и сама по себѣ, Парвати чрезвычайно уважена во всей Индіи. Сынъ ея Ганеза, какъ богъ мудрости, раздѣляетъ всеобщность обожанія; кромѣ бога-обезьяны, *Ганумана*, только онъ одинъ, подобно Ларамъ Греческимъ, принимается въ семейственныя божницы. Въ началѣ каждой Индійской книги найдете воззваніе: «*Хвала Ганеза!*» Бога этого изображаютъ съ слоновою головою. Иногда славятъ его еще подъ именемъ *Полеара*. — Другіе дѣти Шива суть *Супраманьеръ* и *Вайреверъ*; у послѣдняго ожерелье изъ головъ, нанизанныхъ вмѣстѣ, четыре руки три глаза, и два преогромные зуба, въ видѣ полумѣсяца.

Послѣдній изъ числа главныхъ пройсшественныхъ боговъ Индійскихъ *Вишну*. Онъ открываетъ себя человѣку только благодетельнымъ вліяніемъ; изображается съ четырьмя, иногда болѣе руками.

Видъ его пріятенъ и величественъ ; голова украшена тройною плетушкою волосовъ, изображающею, какъ говорятъ, три великія рѣки, *Гангъ, Жумма* и *Сарасуати*. Иногда представляютъ Вишну лежащимъ на змѣѣ *Адиссезгенѣ*, посящемъ его по млечному морю—обыкновенное сѣдалище его въ *Вайкондомѣ*, или мѣстѣ блаженства. Вишну приписываютъ Индійскіе миѳографы цѣлый рядъ *аватаровъ*, или перерожденій, которыя, кажется, изображаютъ аллегоріи, относящіяся къ Индійской Исторіи. Въ первоначальномъ, Вишну превращается въ рыбу, для спасенія отъ всеобщаго потопа, по мнѣнію однихъ, какого-то царя, по мнѣнію другихъ, священной книги завѣта. Во второмъ превращается онъ въ черепаху, для поддержанія горы, готовой упасть въ море. Въ третьемъ въ вепря, форму, подъ которою распоролъ онъ брюхо гиганту *Палададу*. Потомъ превращался Вишну, попеременно, въ человѣка-льва, въ брамина-карлу и просящаго смертнаго, подъ именемъ *Рама, Балапатрена, Парассурама;* наконецъ въ пастуха, сдѣлавшагося славнымъ подъ именемъ *Кишна*. Десятое перерожденіе Вишну будетъ въ концѣ кали-юга въ 90,000 году.

Но подлѣ трехъ главныхъ боговъ, превращающихся до безконечности, существуетъ еще въ Индійской религіи пять боговъ и богинь, каждый и каждая съ своимъ назначеніемъ и своими принадлежностями. Таковы суть : *Тегандра* (мѣсяцъ), *Яма* (богъ смерти), *Кувера* (богъ богатства), *Лаксеми* (богиня счастія), *Агни* (богъ огня), *Висвакар-*

манъ (богъ ремесленниковъ), *Паванъ* (богъ вѣтровъ и музыки, отецъ Ганумана, бога изображаемаго въ видѣ обезьяны), *Индра* (богъ метеоровъ, величайшій послѣ трехъ главныхъ), *Мариатта* (обожаемая только простолюдинами), и наконецъ *Лингамъ* (не столько богъ, сколько символическое изображеніе плодотворенія, соотвѣтствующее Римскому *phallus*).

Вотъ въ краткомъ очеркѣ Индійское многобожіе. Что касается до догматовъ къ нему относящихся, можно выразить основную идею ихъ *вѣрою во всеобщее перехожденіе*. Нѣкоторыя частицы духа и вещества, но и другое негибнущее, находятся, по мнѣнію Индійцевъ, въ постоянномъ движеніи перехода; наказаніе злыхъ духовъ есть ниспаденіе ихъ въ вещественную оболочку. Такимъ образомъ, изъ тѣла человѣческаго исходятъ они въ тѣла животныхъ, слѣдуя постепенности тварей болѣе или менѣе благородныхъ, такъ, что подвергаются опасности переселенія даже въ каменья. Индійцы отнюдь не допускаютъ наказанія безконечнаго, и говорятъ, что какъ-бы ни велико было преступленіе, оно очищается казнью.

Вѣра въ перехожденіе изъясняетъ Индійцамъ противоположности нашего состоянія и неравенство нашихъ жребіевъ. Награда у нихъ состоитъ не въ *лучшемъ мірѣ*, но въ *мірѣ переходовъ*. Если человѣкъ самаго ничтожнаго состоянія провождаетъ жизнь достойную награды и благочестивую, онъ вознаграждается потомъ переходомъ въ бытіе богатое, почтенное, со всѣми наслажденіями роско-

ши и благодеяніи. Видимъ, что въ Индійскую систему перехожденій вмѣшивается отчасти предопредѣленіе и фатализмъ. Свобода воли не можетъ изгладить ни одного слова изъ того, что̀ написалъ Брама въ головѣ человѣка, но предполагается, что извѣстныя покаянія и извѣстные обряды могутъ дополнить собою добрыя и уменьшить злыя дѣла.

Вѣра въ перехожденіе, конечно, была основною причиною отвращенія Индійцевъ отъ всякой животной пищи, доведеннаго до степени смѣшнаго между нѣкоторыми кастами. У основателей религіи, этотъ законъ, безъ сомнѣнія, въ началѣ имѣлъ какую нибудь цѣль гигіэническую, или хотѣли имъ, можетъ быть, сохранить роды животныхъ, полезные человѣку. Но съ древнихъ временъ до нашего столько измѣненій произошло въ мірѣ, что воздержаніе отъ животной пищи является нынѣ нелѣпою странностью и предразсудкомъ. Кромѣ общаго воздержанія отъ всякихъ мясъ, между Индійскими сектами соблюдается еще особенное почтеніе къ нѣкоторымъ животнымъ, какъ-то: коровѣ, быку, коршуну, лебедю, гусю, обезьянѣ, рыбѣ, слону, змѣямъ; и множеству другихъ животныхъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ своихъ особенныхъ почитателей, сверхъ уваженія вообще всѣхъ Индійцевъ къ животнымъ всѣхъ родовъ.

Браминизмъ имѣлъ расколы. Главнѣйшій изъ нихъ *Буддизмъ*. Кромѣ Цейлана, гдѣ онъ первенствуетъ, множество послѣдователей его находится въ Тибетѣ и въ царствахъ Сіамскомъ и Пегуанскомъ.

Надобно было брамипамъ употребить сильную настойчивость, чтобы изпребить его на Деккапскомъ полуостровѣ, гдѣ осталпсь однакожъ глубокіе корни его. Жрецовъ Будды именуютъ *талапуанами*, или *раганами*, на Индійскомъ материкѣ. Они уподобляюшся жизнью Католическимъ монахамъ, и подобно имъ, живутъ въ обшпелякъ иноческихъ. — Кромѣ Буддистовъ, Индія считаетъ много сектъ *правой руки* и *лѣвой руки*, полагающихъ нечистою одну изъ рукъ, и спорящихъ о томъ, которая именно нечиста. Съ незапамятныхъ временъ, одни стояшъ за правую, другіе за лѣвую руку. Религія Сепковъ, или *Нанекизмъ* (отъ имени основателя ея Нанека), есть стараніе соединить вмѣстѣ вѣру Индійцевъ и Монголовъ, Веды и Коранъ. Секта *баніановъ*, по іерархическому порядку, принадлежитъ кастѣ *ванссіа*, и состоитъ изъ торговцевъ, мѣнялъ, барышниковъ, торгашей и ростовщиковъ. Единственная отличительная черта этой секты есть мѣлочное увеличеніе благоговѣнія къ животнымъ. Баніапы имѣютъ даже въ Сурапѣ больницу для хворыхъ, изувѣченныхъ, дряхлыхъ и бродящихъ животныхъ; каждое находитъ тамъ пріютъ, кромѣ плотоядныхъ звѣрей, и милосердіе доводится до того, что отъ времени до времени Баніаны нанимаютъ бѣдняковъ, дорого плапя имъ за то, чтобы они предавали тѣло свое на съѣденіе нечистымъ насѣкомымъ, обитающимъ въ особенномъ отдѣленіи больницы. Ничего не можетъ быть забавнѣе, какъ видѣть баніановъ, озабоченныхъ стараніемъ не

умертвить что нибудь живущее. Иной носитъ на рту своемъ повязку изъ легкой ткани, спрашась проглотить нечаянно какую нибудь муху; другой имѣетъ при себѣ вѣничекъ, и сметаетъ предварительно то мѣсто, гдѣ хочетъ сѣсть, боясь погубить какого нибудь муравья; иные ходятъ безпрестанно смотря въ землю, изъ опасенія раздавить ногою какое нибудь насѣкомое на землѣ; есть и такіе, которые безпрестанно держатъ въ рукѣ сахаръ, муку, медъ, и кормятъ ими всякое животное, попавшееся на дорогѣ. Нерѣдко видаютъ банiановъ, спасающихъ за деньги жизнь быка, или коровы, которыхъ располагались убить Европейскіе солдаты, либо матрозы.

Смотря вообще на эту смѣсь вѣрованій и обрядовъ, установляющихъ собою религію Индійскую, многіе ученые полагали Индію колыбелью всѣхъ религій въ мірѣ (разумѣется, исключая нашу святую религію Христіанскую, непричастную земному). Дѣйствительно, изслѣдывая всякія религіи, едва-ли найдете хотя одну, которая чѣмъ нибудь не была-бы причастна къ Индійской: Халдейская относится сюда своими гигіэническими предосторожностями; Магаммеданская своимъ фатализмомъ и омовеніями; Миѳологія Древнихъ своими четырьмя вѣками, и множествомъ сходствъ и соглашеній, въ преданіяхъ космогоническихъ и въ общемъ направленіи многобожія; вѣра Египтянъ обожаніемъ животныхъ, и наконецъ, Пиѳагорово ученіе обширною системою перехожденія и перерожденія душъ, что вмѣшано кромѣ того во мно-

гія другія религіи. Соображая все это, не вѣрнѣе-ли предположить, что все другое явилось изъ Брамининзма, нежели думать, чтобы эта религія, столь неподвижная по своей сущности, была составомъ изъ заимствованій, постепенно выбираемыхъ изъ другихъ религій? Для доказательства, историческое подтвержденіе можетъ быть заимствовано въ настойчивой недоступности Индійцевъ ко всѣмъ нововведеніямъ. Та-же система кастъ и вѣрованій, какую Діодоръ, Арріанъ, Страбонъ, и прежде ихъ Мегасѳенъ и Клитархъ описывали во времена Александра и Птоломея, существуетъ и нынѣ, съ своими неуклонными раздѣленіями и древними обрядами. Баядерки, факиры, *суттн* (сожженія вдовъ), всѣ отличія народныя, всѣ суевѣрныя жестокости, противъ которыхъ тщетно сражается власть Англичанъ, пережили вѣка и завоеванія. Египетъ погибъ совершенно, съ своею религіею и нравами: Индія цѣла, съ нравами и религіею самыхъ древнѣйшихъ временъ. Она никогда не противилась другимъ; она сгибалась передъ силою; потомъ расправлялась, какъ просяника, и хитрость, гибкость, могущество привычки замѣняли ей силу. Храмы Ѳивъ и Мемфиса пали въ развалины; древніе пагоды Бенареса уцѣлѣли подъ тяжестью временъ и событій.

Главное религіозное уложеніе Индійцевъ состоитъ преимущественно въ Ведахъ, которыхъ считается четыре: *Рисъ-веда*, *Жаджуръ-веда*, *Сама-веда* и *Атарвана-веда*. Четыре книги эти, заключающія въ себѣ всю мудрость человѣческую, вышли

изъ устъ Брама при началѣ міра. Дѣти Брама, риши, или полубоги, распространили ихъ по землѣ. Только брамины имѣютъ право читать Веды, и переводить часть содержанія кшатріямъ; всѣмъ другимъ кастамъ запрещено чтеніе Ведъ, подъ строжайшимъ наказаніемъ. Кромѣ Ведъ, Индійцы имѣютъ еще множество другихъ книгъ: *Упаведа*, изъясненія Ведъ, *Веданга*, *Састра*, и наконецъ *Пурана*, или священныя поэмы, числомъ восмнадцать.

Раздѣленіе Индійцевъ на *четыре* главныя касты, относится, какъ я сказалъ, къ отдаленнѣйшей древности. Священныя книги ихъ увѣряютъ, что самъ Брама присутствовалъ при этомъ неизмѣняемомъ дѣленіи. Онъ вылялъ *Браминовъ* изъ собственной своей головы, или изъ рта, по мнѣнію нѣкоторыхъ; *Кшаттріевъ* изъ своихъ рукъ; *Ваисіевъ* изъ своего брюха; *Судровъ* изъ своихъ ногъ. Кромѣ сихъ главныхъ отдѣленій, существуетъ еще множество другихъ, такъ, что число Индійскихъ кастъ простирается почти до сотни. Европейцу трудно слѣдовать точнымъ образомъ по различнымъ ступенямъ такой длинной лѣстницы. Все, что можетъ онъ видѣть, есть величайшее отвращеніе со стороны Индійцевъ оставлять то или другое частное званіе, которое каждому изъ нихъ досталось по рожденію. *Кули*, или дрягиль, носящій что нибудь на головѣ, не согласится переложить ноши своей на плеча; продавецъ зерна не захочетъ продавать масла; кравчій не тронется за кружку воды, а поваръ ни за что не станетъ щипать живности— все это различныя заня-

нія различныхъ людей. Другіе родятся поршными, цырюльниками, корнаками, посильщиками зонтиковъ, горшечниками, серебряниками, рыбаками, и вѣчно остаются ими. Волею, или неволею, надобно слѣдовать предопредѣленному призванію; всякое другое занятіе воспрещено Индійцу, если только кто нибудь изъ нихъ не согласится сдѣлаться *Паріа*, или *Пуліа*, то есть, исключить себя, отчуждить отъ всѣхъ кастъ, ибо Паріи не составляютъ касты, какъ многіе объ нихъ думаютъ: этимъ именемъ означается изверженіе изъ всѣхъ другихъ кастъ; это суть люди, по охотѣ, или за преступленія, заслужившіе исключеніе изъ общаго всѣмъ закона. Брамминъ, Ксаттріа, Ваисеіа, а равно и Судра, могутъ сдѣлаться Паріа. Между всѣми различными кастами, всякій взаимный союзъ, всякое смѣшеніе крови запрещено закономъ, въ одно время гражданскимъ и религіознымъ. Спятіе званія и отчужденіе изъ касты преслѣдуютъ каждое нарушеніе сего рода. Тому-же подвергаются множествомъ разныхъ погрѣшностей, каковы: забвеніе какого нибудь религіознаго обряда, употребленіе запрещенныхъ кушаньевъ, и даже сближеніе съ кѣмъ нибудь изъ отверженныхъ тою или другою кастою. Рѣшеніе невозвратимо, и ничѣмъ не искупается.

Въ слѣдствіе такого ужаснаго закона отчужденій и нравственной пытки, Индійская религія обходится безъ помощи орудія, которое употребляли и злоупотребляли многія другія религіи, для нападенія и для защищенія: я разумѣю не-

терпимость. Раздѣливъ народонаселеніе, такъ, чтобы отступничество было не только постыдно, но даже погибельно, заклеймивъ на челѣ и означивъ позоромъ участь всякаго, кто осмѣлится выйдти изъ своей общественной загородки, Индійцы растворили двери всѣхъ общественныхъ отдѣленій, не загородили предѣловъ общества никакими стѣнами, мало заботятся о нашествіяхъ чужеземцевъ, ибо каждый пришелецъ, будучи напередъ поставленъ внѣ сферы Индійской дѣятельности, чуждъ ей совершенно, *Паріа* для нея, во всѣхъ отношеніяхъ. При такой силѣ неподвижности, Индійская религія безопасно принимаетъ терпимость, и была терпѣливою во всѣ времена. Эти-же причины сдѣлали ее равномѣрно врагомъ всякаго старанія обращать въ свой законъ, ибо она не можетъ допустить новообращеннаго ни къ какой своей кастѣ, ни къ какому даже занятію, не нарушивъ основныхъ преимуществъ рожденія. Человѣкъ родится Браминомъ, Ксаттріа, Ваиссіа, и ничто въ мірѣ не можетъ сдѣлать его Браминомъ, Ксаттріа, или Ваиссіа. Слѣдствіемъ этой системы является то, что ни одинъ Европеецъ не можетъ быть допущенъ въ таинства Браминизма, такъ-же какъ ни одинъ неотверженный Индіецъ не можетъ сдѣлать Христіаниномъ, или Музульманиномъ. Владычество Монголовъ было безсильно отвратить сію неизбѣжность, и проповѣдь всѣхъ Католическихъ и Лютеранскихъ ревнителей едва находитъ нѣсколькихъ послѣдователей между Паріями, людьми отчужденными и презрѣнными въ глазахъ Индійцевъ.

Брамины, подраздѣляющіеся до безконечности, могутъ быть узнаваемы по знаку, который проводятъ они себѣ на лбу; голова и грудь у нихъ всегда открыты, волосы и борода выбриты, и только маленькій клочекъ волосовъ оставляется на верхушкѣ головы. Впрочемъ, если брамінъ не совершаетъ жертвоприношенія, то можетъ надѣть чалму и длинное платье. Женщины брамінскія имѣютъ отличительные признаки въ одеждѣ, именно, широкое покрывало и родъ узкой кофты, или канезу. Образованнѣйшіе изъ браминовъ, зная немного Астрономію, составляютъ календари. Имъ извѣстно дѣленіе солнечныхъ часовъ, по которому вычисляютъ они полуденную линію и ставятъ на востокъ свои пагоды. Къ числу браминовъ относятся *пандидапапаны*, находящіеся въ службѣ государя той земли, гдѣ они живутъ, и потому бываютъ они даже кассирами у негоціянтовъ Мадраса и Калькутты. *Татуадипапаны* суть обожатели Шивы, обязанные просить милостыню и безпрестанно читать извѣстныя молитвы. *Папанъ-Ваишенавены*, жрецы Вишну, назначены къ служенію въ пагодахъ. Въ жреческомъ чиноначаліи опредѣляется четыре степени: двѣ первыя получаются съ дѣтскихъ лѣтъ, но двѣ другія пріобрѣтаются продолжительнымъ искусомъ. Чинъ *Ванапрастра* получаютъ только въ сорокъ лѣтъ, а для достиженія до чина *Санніасси* надобно двадцать два года провести въ уединеніи и духовномъ созерцаніи.

Впрочемъ, извѣстно какую наклонность вообще имѣютъ Индійцы къ религіознымъ, неестественц-

нымъ очищеніямъ, или искусамъ. Нигдѣ нѣтъ такого величайшаго множества кающихся и добровольныхъ страдальцевъ. Здѣсь встрѣтите вы факировъ, жогги, фадиновъ, пандароновъ, послѣдователей Шива, бродящихъ молельщиковъ, собирателей милостыни. *Пучари* суть монахи секты Маріаппы, божества Паріевъ. Кромѣ того нѣтъ тунеядцевъ, у которыхъ все заключается въ томъ, чтобы просить подаянія и жить милосердіемъ ближнихъ. Факиры суть Музульманы; жогги принадлежатъ къ Индійской религіи, и тѣ и другіе занимаютъ первую степень въ числѣ этихъ нищенствующихъ ордъ запачканныхъ бездѣльниковъ. Отвратительные на видъ, невѣдающіе стыда, нагіе, они прыгаютъ, какъ обезьяны, кривляются, дурачатся всячески, для того, чтобы тронуть благочестивыхъ людей. Случалось, что собираясь цѣлыми тысячами, они принимали грозный видъ требователей милостыни, вмѣсто униженнаго состоянія нищихъ. Народное легковѣріе уважаетъ чрезвычайно факировъ и жогговъ. Простолюдины вѣрятъ, что они проводятъ по нѣскольку лѣтъ безъ пищи и питья, приписываютъ имъ сверхъ-естественныя силы, и женщины особенно не смѣютъ ни въ чемъ—рѣшительно, ни въ чемъ—отказать бродящимъ негодяямъ. Число этихъ бродягъ въ Индіи, по мнѣнію одного Англійскаго статистика, должно положить, по крайней мѣрѣ, въ 80,000 человѣкъ.

Жогги, почти всѣ, выбираются изъ двухъ первыхъ кастъ. Покаянники низшихъ кастъ принима-

ютъ имя *фадиновъ*. Не имѣя права, по своему рожденію, думать о почестяхъ и уваженіи, предоставленныхъ браминамъ, они стараются прославить себя излишествомъ налагаемыхъ ими на себя покаяній. Этимъ пріобрѣтаютъ они наконецъ славное имя *ришн*, или полубоговъ, но страданія, потребныя къ достиженію такого пипула, превосходятъ всякое вѣроятіе. Иные для этого лѣтъ по сороку живутъ въ желѣзной клѣткѣ. Другіе отягчаютъ себя невыносимыми веригами. Иной изувѣръ упорно держитъ сжатыми свои кулаки, такъ, что ногти врастаютъ у него въ ладони; другой прицѣпляется къ дереву и виситъ на немъ, пока руки, лишенныя всякаго движенія, помертвѣютъ, изсохнутъ, и кровообращеніе въ нихъ прекратится. Есть такіе, что даютъ обѣтъ стоять безпрерывно, либо лежать на кроватяхъ, утыканной острыми гвоздями, смотрѣть неподвижно на солнце, пока не лишатся зрѣнія. Иногда видите изувѣра, зарытаго въ землю, такъ, что наружи остаются у него только ноги, а другіе зарываютъ себя въ землю, оставляя наружи только голову, такъ, что для защиты отъ хищныхъ птицъ остается только движеніе рѣсницъ. Многіе отрубаютъ себѣ руки, ноги, отрѣзываютъ языкъ. Одинъ изъ такихъ безумцевъ вымѣрялъ разстояніе отъ Яггернаута до Бенареса тѣломъ своимъ, ложась безпрерывно вдоль пути и отмѣчая счетъ своихъ благочестивыхъ возлежаній. Сумасшествіе не останавливается даже и здѣсь. Тифенталеръ разсказываетъ, что въ Газипурѣ видѣлъ онъ родъ

шопора, повѣшеннаго въ одномъ пагодѣ, и этимъ орудіемъ нѣкоторые изступленные покаянники отрѣзывали себѣ головы, въ честь и славу Бога. Впрочемъ, должно замѣтить, что ревность фадиновъ въ новѣйшее время уменьшилась, и покаянія ихъ уже не такъ строги и не такъ тяжки. Только при большомъ стеченіи народа, въ велпкіе праздники, они предаются изумительнымъ испязаніямъ: фанатизмъ также имѣетъ свое честолюбіе. Одно изъ такихъ испязаній есть праздникъ огня, когда кающіеся ходятъ босыми ногами по горящимъ угольямъ. Другое называется *джампъ:* съ высокой подмостки, въ два, въ три этажа, покаянники бросаются на ковры и тюфяки, соломенные и бумажные, утыканные кинжалами, саблями, ножами и другими острыми орудіями; брамины, держащіе эти ковры и тюфяки, стараются уменьшить опасность паденія, ибо дѣло не въ томъ, чтобы раны были смертельны, но чтобы только пролито было сколько можно болѣе крови. На праздникѣ *кали,* одномъ изъ славнѣйшихъ въ Калькуттѣ и его окрестностяхъ, можно купаться въ кровяныхъ потокахъ, по разсказамъ самовидцевъ. Когда джампъ кончится, жрецы идутъ въ пагодъ, при оглушающемъ ревѣ музыки, и кающіеся представляютъ тогда народу множество штукъ желѣзомъ и огнемъ: одни колютъ себѣ языкъ булавками; другіе продѣваютъ желѣзныя спицы сквозь руки; третьи поражаютъ тѣло свое 120-ю ранами — важное, таинственное число; иные просовываютъ подъ кожу пушки, пистолетики, трубочки. Если-бы

еще всѣ эти изувѣры сумасшествовали для самихъ себя, и уродованія, раны, которыми терзаютъ они тѣло свое, были производимы и терпимы на счетъ ихъ собственнаго спасенія, можно-бы только пожалѣть объ этомъ изувѣрномъ бѣсованіи, но оскорбительно подумать, что все это публичное фиглярство, большею частію, производится бѣдняками по найму, ибо, по мнѣнію Индійцевъ, равное спасеніе получаетъ тотъ, кто заставилъ вмѣсто себя терзаться другаго, по добровольному договору за деньги.

Вторая изъ главныхъ Индійскихъ кастъ, *Кшатріи*, преимущественно опредѣляетъ себя военному ремеслу. Въ этой кастѣ вмѣщаются Раджи и воины. Потому и составляется она въ Индіи изъ лучшей и красивой породы, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. *Раджи* суть Индійскіе Князья, какъ *Набабы* Князья Музульманскіе. Роскошь ихъ заключается въ множествѣ женъ, служителей, оружій разнаго рода, слоновъ, верблюдовъ, лошадей. Жены ихъ ходятъ въ богатѣйшихъ и дорогихъ шаляхъ. Въ кастѣ кшатріевъ надобно положить вообще *Раджапутовъ, Сиковъ* и *Мараттовъ*, воинственныя племена, рѣзко означающіяся въ Индійской Исторіи. *Наиры*, обитатели Малабара, составляютъ отдѣльную касту, приближенную къ кастѣ кшатріевъ; женщины между наирами составляютъ, кажется, общее достояніе и принадлежность всѣхъ мужчинъ.

Каста *Ваисіа*, какъ я уже говорилъ, терпѣла въ религіозномъ порядкѣ. Она составляется изъ зем-

ледѣльцевъ, садовниковъ, скотопасовъ, и всякихъ торговцевъ, оптовыхъ и мѣлочныхъ. Это богатая, хорошо одѣтая каста, пользующаяся всякими удобствами жизни. Она дѣлится на племена *правой* и *лѣвой* руки. *Банiаны* составляютъ часть ея. Употребленіе мясъ, воспрещенное банiанамъ, не касается другихъ ваиссіевъ.—Въ четвёртой кастѣ, *Судра*, заключаются ремесленники, работники, слуги. Кромѣ этихъ основныхъ дѣленій, идетъ дальнѣйшее подраздѣленіе, сосредоточивающее по нѣкоторому числу семействъ почти для каждаго общественнаго занятія, изъ рода въ родъ, и никто не дерзаетъ отказаться отъ отцовскаго ремесла и дѣла, подъ страхомъ ужаснаго безчестія и отчужденія. Такъ, напримѣръ, родившійся бѣлильщикомъ, умираетъ бѣлильщикомъ; сынъ кузнеца долженъ ковать до конца своей жизни, и передать молотокъ и наковальню внуку. Среди такихъ безчисленныхъ раздѣловъ по званіямъ, есть одинъ, о которомъ стоитъ упомянуть отдѣльно — это званіе *коссевера*, или горшечника. Всѣ коссеверы принадлежатъ къ сектѣ Шива, и не входятъ въ дѣленія правой и лѣвой руки. Почесть эта происходитъ сколько отъ того, что имъ предоставлено леченіе ранъ, столько и отъ важности, какую полагаютъ Индійцы въ чистотѣ сосудовъ. Бывали примѣры горшечниковъ сдѣлавшихся Раджами, другихъ, бывшихъ хранителями священныхъ сосудовъ во внутренности пагодовъ, что составляетъ отличіе чрезвычайное и особенно значительное. Впрочемъ, горшечникъ ничѣмъ не замѣненъ по наружно-

сти, среди другихъ кастъ Индійскихъ; орудія ремесла коссевера также бываютъ весьма просты: колесо на спержнѣ—вотъ все, что потребно ему для его работы. Но жены коссеверовъ видны по одеждѣ; она состоитъ у нихъ изъ широкаго запана мушчатой ткани, который обвертываютъ около пояса, оставляя грудь и часть живота открытыми. Легкость глиняныхъ Индійскихъ сосудовъ даетъ горшечницамъ удобство носить ихъ на продажу огромными кучами, на головѣ.

За Судрами слѣдуютъ касты смѣшанныя и презираемыя, происходящія отъ беззаконныхъ супружествъ между разными кастами, и живущія подъ прикрытіемъ снисхожденія, которое не хочетъ менять людямъ недостойнымъ преслѣдованія. Въ заключеніе всѣхъ слѣдуютъ *паріи*. Уже одно имя это означаетъ по-Индійски все, что только можно придумать самаго отвратительнаго и подлаго. Европейцы и Музульмане суть паріи въ глазахъ Индійца, потому, что ѣдятъ мясо. Паріи исправляютъ занятія самыя низкія; они сдираютъ кожу съ издохшихъ животныхъ, ѣдятъ мясо ихъ, выдѣлываютъ ихъ кожу. Все, до чего коснулся паріа, бываетъ уже недоступно другимъ кастамъ; его не допускаютъ къ общественнымъ колодцамъ, и отдѣляютъ ему водоемы особенные, отличенные для всѣхъ другихъ пѣмъ, что кругомъ такого водоема набросаны бываютъ кости животныхъ. Въ городахъ, паріи обязаны жить внѣ предѣла жилищъ другихъ кастъ; внѣ городовъ отведены имъ самыя негодныя и удаленныя мѣста. Рож-

денные такимъ образомъ подъ игомъ позора неизгладимаго, паріи дѣйствительно дѣлаются тѣмъ, чѣмъ только можетъ сдѣлать человѣка подобный безчеловѣчный законъ: они гадки, безстыдны, грубы, неистовы; будучи осужденными членами Индійской общественности, паріи принимаютъ на себя все тяжелое, все униженное; имъ предоставлено конюшество, рыболовство, очищеніе нечистотъ, ношеніе паланкиновъ. *Пуліа* стоитъ еще ниже паріи, и составляетъ крайнюю степень омерзѣнія и бѣдности; только на Малабарскомъ берегу находятся эти несчастливцы; рабы паировъ, живущіе среди нездоровыхъ полей съ сарачинскимъ пшеномъ, пуліи помѣщаются кое-какъ въ нечистыхъ хижинахъ, и не имѣютъ права — даже смотрѣть прямо на Индійца высшей касты. Многіе изъ нихъ бродятъ по горамъ, живутъ на деревахъ, и воютъ, будто дикіе звѣри, хлопая руками по животу, когда чувствуютъ голодъ.

Понятно, что среди многоразличія состояній, установленныхъ и поддерживаемыхъ Браминскимъ закономъ, трудно опредѣлить что нибудь общее въ нравахъ и обычаяхъ Индійцевъ. Каждая каста имѣетъ свой типъ и свои права. Но вообще должно однакожъ сказать, что характеръ Индійцевъ, кроткій, важный, холодный, терпящій, не пасмѣшливый, терпѣливый, мало наклоненъ къ варварству, исключая отношенія религіозныя. Въ противоположность всему этому, Индіецъ трусливъ, любитъ нѣгу, и безстыдный лжецъ. Женщины Индійскія не ограничены, какъ у Музульманъ, жизнью

невидимокъ. Если ревность браминовъ заставляетъ мужей учреждать гаремы для женъ своихъ, за то остальныя касты даютъ женамъ довольно большую свободу, и много есть женщинъ, исправляющихъ одинакія съ мужьями занятія.

Самый важный обрядъ для Индійца составляютъ приготовленіе и потребленіе кушанья. Когда блюдо *кари* его готово, онъ моетъ себѣ руки и ноги, вливаетъ въ ротъ немного воды, садится передъ своею тарелкою, поставленною на ровной плоскости, и эта плоскость должна имѣть видъ квадрата для брамина, треугольника для ксатріа, круга для ваисса, полумѣсяца для судра. Обѣдая, Индіецъ не долженъ употреблять ни стула, ни стола, ни ножа, ни вилки, ни салфетки, сидѣть на кожѣ или рогожкѣ, подушкѣ или коврѣ, и брать пшено всѣми пальцами правой руки своей.

Кромѣ темнаго цвѣта кожи, туземцы Индіи походятъ на Европейцевъ чертами лица и станью. Многоженство терпимо между всѣми кастами, но только богатые пользуются правомъ его. У бѣдныхъ большею частію бываетъ по одной женѣ, и на ней лежитъ вся забота по домоводству. Есть въ Карнатикѣ одно поколѣніе, гдѣ женщины вовсе невидимы для мужчинъ, и сходятся съ самыми мужьями только въ потемкахъ, и безъ огня. Въ этойже области—мѣстѣ собранія всякихъ странностей—есть особенная секта, обязанная поститься въ шѣ дни, когда солнечные лучи не освѣщаютъ земли.—Браки заключаются у Индійцевъ рановременно, едва только дѣвушка достигаетъ 7,8, или

9-ти лѣтъ, а мужчина 12,13,14-ти. Послѣ продолжительныхъ вѣнчальныхъ обрядовъ, при которыхъ присутствуетъ брамипъ, молодую отводятъ обратно въ отцовскій домъ, гдѣ остается она, пока не наступитъ время признаковъ ея совершеннолѣтія. Тогда отправляютъ новые праздники, съ множествомъ новыхъ обрядовъ. Женщина живетъ открыто съ своимъ мужемъ только съ тѣхъ поръ, когда сдѣлается матерью; до того времени, она должна незамѣтно, украдкою приходить въ компапу своего мужа.

Для погребенія Индійцевъ есть также особенные обряды, установленные по раздѣленію сектъ. Послѣ смерти богатаго Индійца складываютъ костеръ для сожженія его внѣ города, и четыре паріа несутъ его туда, при звукахъ печальнаго оркестра, гдѣ преимуществуетъ тамъ-тамъ. Съ приближеніемъ къ костру, прыщутъ въ носъ покойнику, даватъ ему животъ, плещутъ ему въ лицо воду, изъ всѣхъ силъ трубятъ подлѣ него въ трубу, все для того, чтобы удостовѣриться не заснулъ-ли онъ и точно-ли умеръ. Потомъ родственники кладутъ тѣло на костеръ. Исполнивъ сей благочестивый долгъ, ставятъ на костеръ сарачинское пшено, плоды, бетель и коровій навозъ, а послѣ того старшій въ семействѣ зажигаетъ костеръ. Иногда, вмѣсто сожженія тѣла, бросаютъ его въ священныя рѣки, каковы: Гангъ, Кишна, Джумма, и другія. Нисшія званія не жгутъ, но погребаютъ своихъ покойниковъ, зарывая ихъ въ землю.

Индійскій уставъ, предписывающій женѣ сжигать-

ся на кострѣ мужа, пріобрѣлъ въ Европѣ слишкомъ увеличенную извѣстность. Нѣсколько случайныхъ событій приняты за всеобщее правило, и вся Европа воображаетъ себѣ Индію покрытою кострами, на которыхъ безпрерывно гибнутъ бѣдныя вдовы Индійскія. Можете ушѣшиться! *Сутти* (такъ называются эти сожженія) нынѣ совсѣмъ не въ большомъ употребленіи. Въ 1829 году, Генералъ-Губернаторъ, Лордъ Бентинкъ, къ соблазну Бенаресскихъ пундитовъ и благочестивыхъ Калькутскихъ бабу, объявилъ, что Британское правительство не потерпитъ никакимъ образомъ такой неестественной жестокости. И прежде этого, запрещеніе, наложенное властію Англичанъ, уже весьма ограничило число жертвъ. Каждый разъ, когда вдова хотѣла слѣдовать за своимъ мужемъ на сожженіе, надлежало ей объявить о томъ предварительно судьямъ области. Послѣ усильныхъ увѣщаній, которыми старались отвратить каждую изъ нихъ отъ безумнаго предпріятія, препоручаемо было еще чиновнику Европейскому тщательно наблюдать за исполненіемъ обряда, для того, что если-бы зрѣлище смерти и мученія вырвало отреченіе жертвы передъ самымъ костромъ, брамины не могли-бы употребить насилія. Отреченія передъ костромъ бывали однакожъ весьма рѣдки, ибо жрецы употребляли при такихъ случаяхъ величайшія старанія предупредить обезславленіе сутти. Иногда они вдохновляли суевѣрнымъ изступленіемъ жертвы свои, изображая имъ подробности награжденій, какими сопровождаетъ Богъ мгновенное

страданіе. Иногда — просто поили несчастныхъ женщинъ опіумомъ и крѣпкими напитками. Впрочемъ, бѣдныя страдалицы сами очень хорошо знаютъ, что если-бы недостало у нихъ силъ совершить обрядъ, жизнь ихъ была-бы послѣ того жизнью позорною и несчастною. Отчужденныя отъ своей касты, не только дѣлаются онѣ безчестными, но увѣрены, что грѣхомъ своимъ призываютъ на свою землю моровую язву, войну, голодъ и всякія бѣдствія. Легко понять, что съ такимъ убѣжденіемъ съ одной стороны, съ сильною любовью къ покойнику съ другой, жертва суттии всего скорѣе пойдетъ на костеръ спокойно, охотно, даже весело. И за всѣмъ тѣмъ, подобные примѣры всегда были исключеніемъ: такъ ужасенъ страхъ смерти, и смерти мучительной, превосходящей всякія другія страданія!—Изъ 20-ти жертвъ суттии—*девятнадцать* уступали только хитростямъ браминовъ, и за всѣмъ тѣмъ рѣдко проходило, чтобы несчастная вдова не боролась до послѣдней крайности съ своими палачами. Два случая изъ многихъ могутъ показать степень участія, какое принимаютъ въ суттии жрецы, и родственники, раздѣляющіе между собою наслѣдство послѣ жертвы. Въ 1822 году, близъ Бомбая, вдова брамина была приведена съ великимъ торжествомъ, при звукѣ множества инструментовъ, къ костру, на которомъ лежалъ уже бездыханный трупъ ея мужа. Походка ея была тверда, видъ спокоенъ. На вопросъ Англійскихъ чиновниковъ, добровольно-ли умираетъ она, вдова отвѣчала: «Да, добровольно.» Можно было

подумашь, что она изъ гордости хочетъ унизить христіанъ, дерзнувшихъ въ ней усомниться, въ ше минуты, когда пѣніе браминовъ славило ея мужество и великодушіе. По данному знаку, она приблизилась къ разгорѣвшемуся костру, обняла своихъ родныхъ, раздѣлила подругамъ свои украшенья и ожерелья; потомъ, почти полунагая, поддержанная браминами, бросилась въ огонь. Вѣроятно, жестокая боль немедленно изтребила у бѣдной жертвы всякое другое чувство, кромѣ чувства страданія, потому, что она тотчасъ хотѣла броситься изъ огня. Брамины поспѣшно сбили ее, и наволокли на нее горящихъ дровъ. Усилія ихъ были тщетны. Несчастная сбросила все, выпрыгнула изъ костра, и хотя вся была обожжена, побѣжала къ рѣкѣ. Брамины бросились за нею, не смотря на сопротивленіе бывшихъ тутъ Англичанъ, и потащили ее насильно въ костеръ, жестоко разгорѣвшійся. Отчаянная борьба началась тогда между жертвою и ея мучителями. Толпа народа кричала, ругала измѣнницу. Европейцы настоятельно требовали прекращенія обряда и передачи всѣхъ обстоятельствъ на рѣшеніе суда. Тутъ, чтобы уничтожить позоръ своей варварской религіи, три сильные жреца, ничему не внимая, успѣли бросить несчастную въ огонь. Страшно билась она, вставала, хотѣла еще бѣжать, но по мѣрѣ ея усилій, брамины снова толкали ее въ пламень и били ее головнями. За всѣмъ тѣмъ, вдова успѣла улучить мгновеніе, бѣжала и достигла рѣки. Неистовая ярость жрецовъ вышла изъ предѣловъ. Они

догнали несчастную, окунули ее въ воду головою, старались утопить, чтобы сжечь потомъ хотя трупъ ея. Надобно было употребить военную силу и разогнать изступленныхъ варваровъ насильно. Жрецовъ заключили въ тюрьму, но бѣдная Индіянка уже не могла быть спасена, и умерла на другой день, въ несносныхъ мученіяхъ, оставленная, проклинаемая всѣми ея соотечественниками, не смягчѣвшими публичнаго позора и соблазна.

Другая жертва суттии, женщина 15-ти лѣтъ, погибла еще ужаснѣе. Боль также заставила ее выскочить изъ костра и бѣжать къ ближнему ручью. Здѣсь остановилъ ее дядя, сказалъ, что ея состояніе возбуждаетъ въ немъ жалость, и развернувъ кусокъ ткани, совѣтовалъ лечь и завернуться, обѣщая унести ее домой. «Нѣтъ!» говорила бѣдная вдова — ты хочешь опять бросить меня въ огонь! Именемъ Бога! сжалься надо мною! Я уйду отъ васъ: проклятите меня — я буду скитаться съ нищими — буду что вамъ угодно, но только пощадите, пощадите!» Дядя разувѣрялъ ее, поклялся ей водами Ганга, что спасетъ ее отъ огня. Тогда Индіянка легла и закуталась въ ткань. Съ яростію завернулъ, завязалъ ее дядя, и потащилъ снова въ костеръ. Страшно кричала, отчаянно билась вдова, стараясь спастись. Въ исступленномъ бѣшенствѣ, дядя пронзилъ ее кинжаломъ, и трупъ ея былъ брошенъ въ костеръ мужа.

Варварскій этотъ обычай не былъ предписанъ законами Ману; онъ, какъ и множество другихъ,

введенъ гораздо позднѣе, и былъ слѣдствіемъ жреческихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Находя въ народѣ наклонность къ изувѣрнымъ безумiямъ, и извлекая изъ того свои пользы, они старались всѣми мѣрами поддерживать и распространять суевѣріе и изувѣрство. Отъ этого произошли всѣ религіозныя сумасбродства, которымъ прежде было столь много примѣровъ; отъ этого происходило, что набожные Индійцы добровольно бросались въ Гангъ, и въ Яггернаутѣ и другихъ мѣстахъ, на праздникѣ рупи, или колесницы, когда безобразные идолы бывали торжественно вывозимы изъ пагодовъ, сотнями кидались подъ колеса, думая искупить грѣхи свои и достигнуть минутою страданій вѣчнаго блаженства.

Ни одинъ изъ обрядовъ, предписываемыхъ настоящимъ Браминскимъ уложеніемъ, не носитъ на себѣ слѣдовъ подобнаго звѣрскаго безумія. Не требуя никакихъ человѣческихъ жертвъ, законъ Брамы отвергаетъ даже приношеніе въ жертву животныхъ. Только нисшія, суевѣрныя касты сохраняютъ обычай приносить въ жертву богамъ барановъ, козъ и курицъ. Всѣ почитанія, требуемыя истиннымъ Брамнизмомъ, состоятъ въ приношеніяхъ молока, меду, хлѣбныхъ зеренъ, масла и цвѣтовъ; въ странствованіи къ святымъ рѣкамъ и святымъ мѣстамъ, каковы пагоды Бенареса, Яггернаута, Конжеверама, Тричинополи, Танжаура, и горы Тибетскія; въ постахъ, предшествующихъ большей части торжественныхъ праздниковъ; въ

молитвѣ, и, наконецъ, въ обмовеніи водами священныхъ рѣкъ.

Есть однакожъ Индійскіе праздники, которыхъ не обагряютъ кровью своею отвратительные страдальцы изувѣрія. Праздникъ, отправляемый на приморьяхъ въ началѣ муссоновъ, состоитъ въ томъ, что съ торжественными обрядами Индійцы бросаютъ въ море кокосовые орѣхи. Между воинскими кастами существуетъ обычай, въ извѣстныя времена года, обрызгивать себя окрашенною водою, представляя видъ воиновъ, покрытыхъ кровью. — Безстыдный праздникъ *Лингама* отправляется въ Мартѣ мѣсяцѣ. За тѣмъ слѣдуютъ прогулки идоловъ, и къ нимъ принадлежитъ праздникъ Яггернаутскій. Въ другихъ мѣстахъ Индіи этотъ праздникъ измѣняется, смотря по мѣстности. Почти всегда, благочестивые люди, собираясь по звуку трубъ, начинаютъ его разными суевѣрными обрядами: одни погружаются по-поясъ въ священные пруды; другіе намазываютъ себѣ головы масломъ. Ночью подымаютъ идола, среди двойнаго ряда жрецовъ и поклонниковъ, размахивающихъ огромнѣйшими факелами, сдѣланными изъ коровьяго кизяка, пропитаннаго масломъ. Иногда идола несутъ на простыхъ носилкахъ, и въ такомъ случаѣ обширныя кисейныя занавѣсы скрываютъ его отъ глазъ непросвѣщенныхъ. Самый странный изъ всѣхъ торжественныхъ Индійскихъ ходовъ есть тотъ, который Индійцы называютъ *буссо-дженгъ*, и отправляютъ въ честь богини Кали, жены Шива. Огромная статуя этой богини представляетъ ее

съ шапкою на головѣ, въ родѣ Папской тіары; въ одной изъ четырехъ рукъ ея мечъ; другою держитъ она за волосы отрубленную голову; на шеѣ у нея ожерелье изъ человѣческихъ головъ, спущенное почти до колѣнъ; языкъ ея высунутъ изъ рта — потому, что она сердится, говорятъ Индійцы. По обычаю возятъ эту громаду нѣсколько дней, и послѣ того ставятъ ее на двухъ лодкахъ, такъ, что она равно опирается на края обѣихъ лодокъ. Когда поставятъ такимъ образомъ богиню, и выплывутъ съ нею на средину рѣки, вмѣсто почтенія и обожанія, какія разсыпали ей до того времени, слѣдуютъ ругательства самыя грубыя, оскорбленія самыя жестокія. Брамины являются при этомъ случаѣ бѣшеными поносителями богини, и спорятъ другъ передъ другомъ, кто болѣе окажетъ позора бѣдной Кали; превзошедшій другихъ въ этомъ странномъ нападеніи на богиню, почитается святымъ до слѣдующаго праздника. По окончаніи такой забавной комедіи, обѣ лодки отплываютъ одна отъ другой — идолъ падаетъ, и тонетъ въ рѣкѣ при шумныхъ восклицаніяхъ толпы народной.

Въ слѣдствіе теократической наклонности правительства, въ Индіи нѣтъ другихъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ пагодовъ. Всего чаще они бываютъ четыреугольные, прямо поставленные на востокъ, безъ крыши, и по бокамъ обставленные множествомъ часовенъ. Передъ входомъ ихъ бываетъ покрытый перистиль, украшенный статуями добрыхъ и злыхъ духовъ (*Деута* и *Дейти*). Идолы

боговъ, сокрытые внутри пагода, должны быть изъ дерева, камня, мѣди, или золота, но отнюдь не изъ серебра, или другаго металла.

Главнѣйшіе пагоды воздвигаются Вишну и Шива. Шалембрунскіе, Яггернаутскіе, Бенаресскіе, Мадурескіе и Сирингамскіе поражаютъ взоры величіемъ зданій и громадностью колоннадъ. Сирингамскій пагодъ, близъ Тричинополи, славится, какъ самый обширный храмъ изъ всей Азіи. Говорятъ, что будетъ около 4-хъ миль въ его окружности, и что камни, употребленные на построеніе его внѣшней террасы, величиною по 32 фута въ длину и по 6-ти въ ширину. Впрочемъ, нѣтъ никакого однообразія и никакого порядка въ постройкѣ пагодовъ Индійскихъ. Иногда они образуютъ собою высокія и низкія, правильныя и неправильныя башни; иногда четыреугольники, многоугольники, съ обронными фасадами, съ преддверіями, которыя украшаются столпами, съ кровлями высокою башнею, или плоскими верхами, у которыхъ на каждомъ углу коровій рогъ, съ пирамидальными остреями, и, весьма рѣдко, съ треугольнымъ фронтономъ. Что касается до внутренности, единственная общая всѣмъ принадлежность пагодовъ есть обиліе столповъ, безъ опредѣленнаго размѣра, одни толстые къ низу съ уменьшеніемъ постепенно поперечника, такъ, что къ верху оканчиваются конусомъ; другіе, напротивъ, толстые къ верху, тонкіе къ низу. Мрачныя и громадныя, святилища Индійскія вообще представляютъ собою нѣчто величественное. Можно полагать, что стѣны ихъ

нѣкогда украшали живописью, начала которой были вѣдомы Индійцамъ. Даже и нынѣ, многіе пагоды представляютъ еще живописныя украшенія. Англійскіе миссіонеры недавно открыли картину, чрезвычайно уважаемую Индійцами. Замысловатый предметъ ея относится къ одной изъ сказокъ, разсказываемыхъ по поводу шалостей Кришна и его любовницъ. Я упоминалъ уже, что *Кришна* есть имя Вишну, во время превращенія его въ кабана. Индійская повѣсть говоритъ, что нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ предали себя его служенію съ самаго дѣтства, и потомъ девять изъ нихъ сдѣлались его подругами. Желая нравиться Кришну, онѣ забавляли его, составляя изъ себя фигуры, то того, то другаго предмета. Въ картинѣ, о которой я говорю, онѣ представлены такъ, что образуютъ слона, на которомъ ѣдетъ Кришна. Соблазнительные разсказы о Кришна и женахъ его въ большой чести у Индійцевъ, и составляютъ обыкновенный предметъ ихъ разговоровъ.

Времена богатства и величія миновались для святыхъ мѣстъ Брамминизма. Эпоха упадка, наступившая въ слѣдствіе Монгольскаго завоеванія, была продолжена Англійскимъ владычествомъ. Но нѣкогда богатства пагодовъ осуществляли собою самыя чудесныя повѣствованія Восточныхъ сказокъ. Исторія говоритъ, что при взятіи крѣпости Сумепатской въ Гузуратѣ, Махмудъ I-й, не смотря на убѣжденія жрецовъ, предлагавшихъ 10-ть милліоновъ выкупа, приказалъ разбить идола въ знаменитомъ пагодѣ, и нашелъ въ скрытномъ мѣстѣ,

внутри его, болѣе нежели на сто милльоновъ алмазовъ, жемчугу и рубиновъ. Надобно прибавить, что пагодъ Сумепатскій былъ тогда однимъ изъ славнѣйшихъ и щедро надѣленныхъ приношеніями. Въ немъ служили 2000 браминовъ, 500 баядерокъ, 300 музыкантовъ, и 300 цырюльниковъ, опредѣленныхъ къ бритью благочестивыхъ поклонниковъ, безъ того недопускаемыхъ къ созерцанію идоловъ храма. Кромѣ главнаго кумира съ драгоцѣнною внутренностью, въ святилищахъ храма насчитывали еще нѣсколько тысячъ золотыхъ статуекъ, а 56-пь столповъ, поддерживавшихъ куполъ святилища, были украшены драгоцѣнными каменьями. Кромѣ сокровищъ всѣхъ родовъ, приношенія храму заключались еще въ недвижимомъ имѣніи, состоявшемъ изъ 2000 селеній, съ землями.

Услуга въ храмахъ есть занятіе баядерокъ. Онѣ должны наблюдать за опрятностью, горѣніемъ лампадъ, и распоряжать кромѣ того хозяйствомъ жрецовъ. У каждаго пагода есть свой прудъ, для омовеній. Преддверіе каждаго храма почитается пристанищемъ, гдѣ можетъ укрыться странникъ и прохожій.

Кромѣ упомянутыхъ мною выше священныхъ книгъ, есть еще у Индійцевъ сочиненія нравственныя, театральныя пьесы (нѣкоторыя изъ нихъ переведены Англичанами Вильсономъ и Кольбрукомъ), поэмы, собранія апологовъ, замѣчательныхъ добродушными объясненіями; между сими послѣдними, особенно любопытны апологи Гитопадеза, заслужившіе извѣстность въ Европѣ, подъ названіемъ ба-

сенъ *Пильпал.* Что касается до законовъ, то съ незапамятныхъ временъ собраны они были какимъ-то *Раггунандамомъ*, котораго Англичане называютъ Трибоніаномъ Индійскимъ; собраніе его состоитъ изъ 27-ми томовъ выбора изъ всѣхъ книгъ, писанныхъ *мунн* (святыми) Индійскими, неизвѣстныхъ простолюдинамъ и вѣдомыхъ только браминамъ. Невозможно изложить здѣсь подробностей Индійскихъ гражданскихъ узаконеній, но внимательное разсматриваніе ихъ представляетъ явное доказательство древняго значительнаго образованія Индіи. Если въ наши Европейскія уложенія сдѣлано столько заимствованій изъ Римскаго Права, касательно основаній, или распорядка, въ свой чередъ Институціи Латинскія долженствовали брать многое изъ законовъ предшествовавшихъ имъ, Греческихъ, Египетскихъ, Индійскихъ. Неудивительно послѣ того, что многое изъ нашихъ уложеній находимъ мы въ Ведахъ; что одинакія нравственныя основанія, опредѣленія, даже формулы выраженій находятся тамъ на каждой строкѣ. Законы Мену говорятъ о присягѣ и повѣркѣ свидѣтелей; они объясняютъ качества, потребныя судьѣ, такъ хорошо, что это могло-бы заставить размышлять нашихъ просвѣщенныхъ правителей. Между прочими условіями, они установляютъ одно такое, которое могло-бы взволновать Европейскихъ исполнителей правосудія: это рѣшительное исключеніе всякаго судьи отъ всѣхъ должностей, если ему совершилось шестьдесятъ лѣтъ, ибо, говоритъ Мену, умъ человѣческій уже

ослабѣваетъ въ эти преклонные годы. Индійцамъ вѣдомы рѣшенія испытаніями, или Судомъ Божіимъ; такихъ рѣшеній считается у нихъ девять родовъ: вѣсъ, огонь, вода, ядъ, освященная вода, сарачинское пшено, кипящее масло, раскаленное желѣзо и идолы. Впрочемъ, вѣра въ испытанія прошла, и въ наше время вообще менѣе случается Индійцамъ прибѣгать къ своимъ уголовнымъ, но болѣе къ гражданскимъ законамъ, потому, что больше они наклонны къ ябедѣ, нежели къ чему-либо жестокому.

Среди многоразличныхъ обитателей Индіи находимъ и величайшее многоразличіе языковъ, употребляемыхъ разными народами и племенами. Во главу всѣхъ надобно поставить языкъ Санскритскій, первобытный въ Индіи, священный, съ его удивительнымъ совершенствомъ, его грамматическимъ порядкомъ и этимологическою правильностью; кажется, отъ него произошли языки Пельви въ Персіи и Греческій въ Европѣ. Прежде бывшій живымъ и общеупотребительнымъ во всей Индіи, нынѣ Санскритскій языкъ есть языкъ мертвый, знаемый хорошо только туземными пундитами. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, онъ подвергнулся любопытнымъ изслѣдованіямъ Европейскихъ оріенталистовъ. — За нимъ слѣдуетъ языкъ *Пракритскій*, или разговорный, употребляемый въ Индійскихъ драмахъ женщинами и добрыми духами. *Пайсаши* есть языкъ злыхъ духовъ, если они являются на сценѣ. *Магади*, кажется, есть то-же, что *Пали*, или *Бали* Цингалезовъ и Бирмановъ. Двумъ

послѣднимъ языкамъ полагаютъ иногда въ замѣну *Апабграпза*, или простонародный, и *Мисра*, или смѣшанный языки.

Производные языки отъ этихъ первобытныхъ суть: *Пракритъ*, разговорный на берегахъ Сараваши; *Канякюбжа*, или Индостанскій, начало новѣйшаго Индійскаго; *Гаура*, или Бенгальскій; *Майтила*, или Тиргуктіа, употребляемый въ Тиргукѣ; *Ургга*, которымъ говорятъ на берегахъ Орисса; *Гургера*, употребляемый въ Гузуратѣ; *Тамульскій*, или Малабарскій, языкъ Декканскаго полуострова; *Маратта*, *Карнатъ*, и наконецъ *Телинга*, употребляемый поэтами и разговорный въ области сего имени. При Дворахъ Музульманскихъ властителей говорятъ языкомъ Монгольскимъ, смѣсью Арабскаго, Таиаро-Монгольскаго и Персидскаго. На этомъ языкѣ производятся всѣ дипломатическія сношенія между Англичанами, дѣйствительными обладателями Индіи, и государями Монгольскими, владѣльцами по имени, живущими въ Дели. Языкъ этотъ, въ разговорѣ и на письмѣ, употребляютъ также подчиненные Монголамъ владѣльцы. Всѣ Набабы происходятъ отъ Монгольскаго рода, такъ, какъ Раджи суть князья происходящіе отъ рода Индійскаго. Различіе нравовъ ихъ такое-же, каково различіе религій. Болѣе коренныхъ властителей предаются они роскоши въ одеждѣ, оружіи, гаремахъ, лошадяхъ и слонахъ. Въ Индіи найдутся еще и теперь Дворы Набабовъ, являющіе болѣе великолѣпія, нежели показываетъ его въ Европѣ Дворъ Прусскій или Австрійскій. Выступая изъ

дворца своего въ паланкинѣ, что считается проспымъ выходомъ, Набабъ совершаетъ эту прогулку не иначе, какъ въ сопровожденіи полка піонеровъ, предшествующихъ ему и слѣдующихъ за нимъ. Впрочемъ, Музульманское народонаселеніе Индіи не сохранило здѣсь того изувѣрства, какимъ обыкновенно ознаменовываются послѣдователи Корапа. Не увлекая своихъ повелителей, и не пропитвясь имъ, Индійцы умѣли поставить ихъ въ положеніе мирное: покорность совершенно-политическая, въ такой землѣ, гдѣ надъ всѣмъ первенствуетъ дѣйствіе религіи, въ теченіе продолжительнаго времени долженствовала сдѣлаться покорностью болѣе мнимою, нежели дѣйствительною. Не имѣя предлога къ преслѣдованію и предмета къ новымъ пріобрѣтеніямъ, со временемъ, она необходимо должна была склониться къ владычеству большаго числа надъ малымъ, то есть, *Индійцевъ* надъ *Монголами*. Не явись Англичане, какъ общіе посредники власти, безъ сомнѣнія, это исполнилось-бы непремѣнно.

Впрочемъ, Музульмане и не образуютъ въ Индіи одного народа. Они состоятъ здѣсь изъ *Белучей*, *Авгановъ*, *Цинганъ* (послѣднихъ многіе почитаютъ предками Цыганскихъ племенъ, обитающихъ въ Европѣ); кромѣ того есть еще множество подраздѣленій менѣе важныхъ. Рядомъ съ сими различіями стоятъ *Парсы*, или *Гебры*, потомки древнихъ Персіянъ, бѣжавшихъ сюда отъ нашествій Монгольскихъ. Они думаютъ, что только у нихъ сохранились установленія Зороастра, и священный

огонь, горящій въ главномъ изъ храмовъ ихъ, по увѣренію жрецовъ, есть тотъ самый, который предки ихъ унесли съ собою изъ Персіи. Парсы обитаютъ наиболѣе въ Гузуратѣ, Суратѣ и Бомбаѣ. Преданные торговлѣ подобно Жидамъ, они болѣе ихъ отличаются честностью. Ихъ попеченіемъ заведено въ Индіи множество богатыхъ мануфактуръ; они содержатъ также много кораблей, плавающихъ по Индійскимъ морямъ, и обладаютъ домами, дворцами, прекрасными садами, землями и селеніями. Какъ всѣ секты неимѣющія отчизны, Парсы взаимно поддерживаютъ другъ друга, взаимно помогаютъ одинъ другому; они не терпятъ нищенства между своими, обязательны, правдивы, дѣятельны, промышленны. Черты лица ихъ правильны и благородны; глаза у нихъ черные и прекрасные. Обожаніе огня, предписываемое ихъ религіею, не есть однакожъ чистый Магизмъ. Продолжительность времени измѣнила догматы и обряды. Любопытно видѣть на эспланадѣ Бомбайской обожателей огня, въ ихъ бѣлыхъ, развѣвающихся одеждахъ и цвѣтныхъ чалмахъ, ожидающихъ мгновенія, въ которое свѣтило дня озаритъ ихъ первымъ лучемъ своимъ. Едва появится солнце на небосклонѣ, обожатели привѣтствуютъ его продолжительнымъ крикомъ радости. Вечеромъ опять идутъ они на прежнее мѣсто, и остаются простертые на землѣ, пока послѣдній пурпуровый оконечекъ солнечнаго свѣта изчезнетъ на небѣ. Домъ каждаго Гебра есть храмъ его бога; камелекъ съ горящимъ огнемъ служитъ вмѣсто алтаря,

и драгоцѣнныя, или пахучія дрова безпрерывно поддерживаютъ въ немъ бытіе бога. Жрецы Гебровъ именуются *Мобебъ*, а патріархи ихъ *Дестуръ*. Вѣра Парсійская запрещаетъ своему послѣдователю тушить огонь, даже въ лампадѣ. Когда Парсійскому служителю надобно потушить свѣчку, онъ проситъ Индійца другой вѣры исполнить это безбожіе за него. При пожарахъ, они унимаютъ огонь только отдѣленіемъ горящаго зданія отъ смежныхъ съ нимъ строеній.

Самое разительное отличіе между Индійскими племенами составляютъ военные роды *Маратовъ*, *Раджапутовъ* и *Сиковъ*. Два первые исповѣдуютъ Брамминизмъ; третій слѣдуетъ *Нанекизму*, смѣшанной вѣрѣ, введенной въ сѣверной Индіи *Нанекомъ*, бывшимъ государемъ Лагора, около половины XV-го столѣтія. Основный догматъ этой вѣры составляетъ чистый деизмъ. За тѣмъ признаются равно *Коранъ* и *Веды*; только уничтожаются обряды, отвергается раздѣленіе кастъ, и всѣ послѣдователи обречены военному занятію. *Гору-Говинъ*, измѣнившій эту секту въ 1707 году, почитается ея послѣдователями за святаго и пророка.

Сики, Раджапуты и Мараты представляютъ между собою сходство въ правахъ, происходящее отъ сходства ихъ военнаго быта. Первые, образуя совершенно независимое государство, обитаютъ въ областяхъ Лагорской, Кашемирской и Мультанской, а также въ областяхъ Пейшауеръ, Чотъ, Газаре и Чикаспуръ. Они трезвы, неутомимы въ трудахъ, храбры, жадны независимо-

сии.—Раджапуты, обитающіе на югъ отъ Сиковъ, хотя и составляютъ касту брамінскую, но ѣдятъ однакожъ мясо барановъ, козъ и другихъ животныхъ. Почти всегда на лошади, они носятъ платье, именуемое *кабель:* кисейную опояску по тѣлу, Мавританскіе шаровары и бабуши, и родъ калпака, съ кистью на верхушкѣ, похожаго на калпакъ Греческій. — Маратты, живущіе еще южнѣе, распространяются по всему Деккану. Ими управляютъ небольшіе князья, безпрерывно сражаясь между собою; но всѣ Маратты признаютъ однакожъ власть *Пейшва,* или главнаго властителя, который считается первымъ министромъ царя Сатараскаго. Маратговъ можно раздѣлить на два главные отдѣла, соединяя въ одномъ брамиповъ и ксатріевъ, въ другомъ низшія касты. Первые отличены бѣлою, особенно сложенною чалмою, длинными кисейными шароварами, и вѣющимися опоясками; другіе шароварами болѣе узкими и короткими, и плоскою чалмою. Изъ всѣхъ Индійцевъ, Маратты самые хищные и лукавые. Наѣздники ихъ, называемые *Пандари,* живутъ грабежемъ въ войнахъ и разбоемъ въ мирное время. Это Бедуины Индійскіе. Не имѣя городовъ, Пандари обитаютъ въ шаборахъ. Отличіе религіи Маратговъ отъ другихъ Индійцевъ состоитъ въ разности обрядовъ, одежды и внѣшностей религіозныхъ, но всего болѣе въ терпимости, недоступной брамінскимъ пуританамъ, и доходящей у Маратговъ до того, что они допускаютъ свободное обращеніе съ послѣдователями другихъ исповѣданій.

Вотъ, вкратцѣ, очеркъ религіознаго позорища Индіи, и такъ надобно разсматривать основанія вѣрованій Индійскихъ. Подробности неисчислимы и несообразимы, для полнаго поняшія объ нихъ Европейцу. Тщетно будете искать причины тысячи обрядовъ, смѣшныхъ или варварскихъ, собирать систематическимъ порядкомъ множество боговъ и богинь писшихъ, выставляемыхъ жрецами для заняпія народнаго. Цѣлый вѣкъ надобно посвятить описанію ихъ миѳологическихъ принадлежностей, распредѣленію ихъ обожателей, и все это кончится шѣмъ, что религія браминская, источникъ почти всѣхъ другихъ миѳологій, ученіе нравственное, умственное, важное въ своихъ основныхъ началахъ, обезображено нелѣпо, безстыдно, неуловимо въ подробносшяхъ. Въ Браминизмѣ и Буддизмѣ равно надобно удивляшься прежде всего генію первыхъ основашелей сихъ вѣръ, умѣвшихъ сошкашь такъ крѣпко узы, соединяющія народы Индіи, что даже допынѣ движутся они въ предѣлахъ, первоначально имъ обозначенныхъ. Эта система непереходимыхъ дѣленій, убивающая, сжигающая медленнымъ огнемъ касты Индійцевъ, безъ сомнѣнія, была благодѣшельна въ своемъ началѣ, и надолго долженсшвовала быть благодѣшельною по основной мысли ея изобрѣшашеля. Когда потомъ, другія отношенія потребовали религіозной реформы, преобразовашѐль не могъ достигнуть цѣли иначе, какъ достигъ ее законодашель первобытный. Древнее, первоначальное созданіе устояло, и кое-какъ вмѣстилось въ новый политическій поря-

докъ, котораго не могли ни принять, ни предвидѣть послѣдователи первобытнаго закона. Бывшее *религіею* измѣнило форму и сдѣлалось *народностью*. Народность Индіи вѣрованіе *брамнское* и вѣрованіе *буддійское*. Она не уступитъ терпимости Англичанъ, такъ, какъ не уступила преслѣдованію Монгольскихъ Музульмановъ.

ГЛАВА XIX.

КАЛЬКУТТА.—ИСТОРІЯ ИНДІИ.- АНГЛІЙСКАЯ ОСТЪ-ИНДСКАЯ КОМПАНІЯ.

Между временемъ завоеваній Александра Македонскаго въ Индіи и распространеніемъ Мугаммедовой реформы протекло много вѣковъ. Индія, управляемая туземными властителями, провела ихъ безъ всякихъ потрясеній и волненій. Но около 93-го года эгиры (711 года послѣ Р. Х.), при владычествѣ халифа Валида, Арабы вторглись черезъ Персію въ Индію, и простерли побѣдительный набѣгъ свой даже до Дели.

Эти древніе покорители Индіи, названные Персіянами *Авганъ* (разрушители), а отъ побѣжденныхъ Индійцевъ *Патанъ*, удерживались въ срединѣ Индійскихъ земель почти семь сотъ лѣтъ, но не могли, ни покорить земель около Ганга, ни утвердиться въ своемъ завоеваніи окончательно и неоспоримо. Въ правленіе Махмуда Газневида для Авгановъ было время успѣховъ и приращенія

владѣній, но постоянныя усилія Раджапутовъ, укрѣпившихся въ Гаттскихъ горахъ, уничтожили ожидаемыя отъ того слѣдствія, а въ 1398 году явился на Джуммѣ и Гангѣ знаменитый Тимуръ (Тамерланъ), со ста тысячами Монгольскаго войска. Онъ пошелъ на Дели, взялъ его приступомъ, предалъ грабежу, и преслѣдовалъ Пашановъ, даже до Кандагарскихъ горъ. Послѣ него утвердилось въ Индіи поколѣніе Монголовъ. Джегамъ-Гиръ, царствовавшій недолго, былъ замѣщенъ Мирза-Мирамомъ, родоначальникомъ Великихъ Моголовъ, государей Монгольскаго племени, донынѣ продолжающагося. Эти новые властители Индіи должны были защищать тронъ свой и отъ Пашановъ и отъ Раджапутовъ. Первыхъ побѣдилъ Мугаммедъ-Баберъ, въ битвѣ Малтіаской; вторые были прогнаны изъ Гузурата въ 1535-мъ, изъ Бенгала въ 1540 году. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, новый оборотъ дѣлъ поправилъ состояніе Пашановъ; Султанъ ихъ, Чиръ-Ханъ, отнялъ Дели у Мугаммеда-Гамаюна, бѣжавшаго въ Персію и испросившаго помощь себѣ отъ Софи-Тамаса, сына знаменитаго Измаила. Послѣ пятилѣтняго изгнанія, Гамаюнъ опять завоевалъ свои Индійскія владѣнія, благодаря помощи союзниковъ, и сынъ его, Мугаммедъ-Акбаръ, ему наслѣдовавшій, утвердилъ владычество Монголовъ, худо упроченное до того времени. Джегамъ-Гиръ и Гегамъ наслѣдовали тронъ Делійскій, и никакое замѣчательное дѣло не означило ихъ царствованій. Но *Ауренгзебъ*, достигнувшій власти насильственнымъ сверженіемъ отца своего

Гегама, прославилъ себя рядомъ побѣдъ и политическимъ образованіемъ Индіи. Онъ покорилъ отчасти Деккапскій полуостровъ, и подчинилъ его Монгольскому роду. Во времена Ауренгзеба, имперія Монголовъ заключалась въ 18-ти областяхъ: Дели, Агрѣ, Горрѣ, Панджабѣ, Аудѣ, Мульшанѣ, Кабулѣ, Кашемирѣ, Гузурашѣ, Багарѣ, Синдѣ, Булашабабѣ, Мальвѣ, Бергарѣ, Кандишѣ, Бедерѣ, Бенгѣ, Ориссѣ, Голкондѣ, Визапурѣ. Всѣ сіи области назывались по-Монгольски *субабствами*; народочисліе ихъ доходило до 64-хъ милльоновъ, а государственные доходы превышали 860 милльоновъ франковъ. Каждая область имѣла своего Субаба, достоинство котораго равнялось званію Аравійскаго Эмира, и шитуломъ котораго было названіе *Набаба*, то есть, господина.

При Ауренгзебѣ, власть Монгольская установивила свои отношенія къ покореннымъ сй племенамъ. Отринувъ Патанскую систему преслѣдованія религіозныхъ вѣрованій и народныхъ обычаевъ Индіи, властители Делійскіе положили основаніемъ, какъ сдѣлали это Манджурскіе завоеватели въ Китаѣ, уваженіе къ существующимъ обычаямъ. Они уважили различіе древнихъ кастъ, оказали терпимость къ внѣшнимъ обрядамъ вѣръ, и поддержали раздѣленіе собственностей и управленіе по законамъ Мену, то и другое установившееся съ древнихъ временъ.

Послѣ смерти Ауренгзеба (въ 1707 году), война за наслѣдство началась между тремя сыновьями его, и этимъ открылся путь въ Индію чужезем-

нымъ нашествіямъ. Каждый изъ спорившихъ братьевъ вывелъ въ поле 300,000 войска; побѣда осталась за старшимъ братомъ, Багадеромъ. Послѣ него эмиры Монгольскіе сдѣлались сильными, свергли одного за другимъ трехъ царей своихъ, и кончили возведеніемъ на тронъ Мугаммеда, предназначеннаго судьбою испытать самыя разительныя бѣдствія. Какъ будто кровавый метеоръ, явился въ Индіи славный Шахъ-Надиръ Персидскій, болѣе извѣстный подъ именемъ *Тахмасъ-Кулыхана*. Призванный измѣнникомъ, эмиромъ эль-Мулукомъ, Персидскій завоеватель спалъ на землѣ Индійско-Монгольскаго царства, въ 1739 году, со 160,000-ми войска. Онъ разбилъ Мугаммеда, противопоставившаго ему 200 тысячъ воиновъ и 5000 пушекъ; пошелъ на Дели, разрушилъ его огнемъ и мечемъ, ограбилъ домы, мечети и пагоды, перерѣзалъ 150,000 мужчинъ, женщинъ, стариковъ, дѣтей, наложилъ на побѣжденныхъ выкупъ, почти въ *три тысячи милльоновъ*, заставилъ уступить себѣ всѣ земли на западъ отъ рѣки Альшокъ, и отправился обратно въ Персію, съ 1000 слоновъ, 7000 лошадей, 10,000 верблюдовъ; и все это было нагружено добычею и награбленными сокровищами, и всего этого казалось еще мало: не довольствуясь страшною данью крови и золота, завоеватель обложилъ налогомъ всѣ города на обратномъ пути своемъ, и перерѣзалъ въ нихъ, въ добавокъ, тысячь до 20-ти обитателей. Пролетѣла ужасная гроза; настали новыя бѣдствія. Усиленные ослабленіемъ Монголовъ, Патаны и Раджапуты взялись за оружіе. Наслѣдникъ

трона Делійскаго, Ахмедъ, оказалъ себя юнымъ героемъ, напалъ на Пашановъ, разбилъ ихъ, изгналъ изъ своего царства, и послѣ знаменитой побѣды отмстилъ смерть отца своего, зарѣзаннаго эмирами. Къ несчастію, роскошь гарема ослабила мощь юнаго государя. Какъ будто утомленный своею побѣдою, онъ остановился на поприщѣ чести, допустилъ Пашановъ и Раджапутовъ спорить за владычество надъ его государствомъ, не думалъ, что долгъ его требовалъ прекращенія ихъ набѣговъ, пока ржаніе лошадей хищническихъ не раздалось подъ стѣнами Дели. При несчастномъ униженіи, до какого доведенъ былъ Ахметъ, каждая изъ двухъ воинственныхъ ордъ, гордая его слабостію, могла свергнуть его съ престола. Но опасаясь другъ друга, онѣ сохраняли Ахмета, какъ посредника, который дѣлалъ нерѣшительнымъ окончательный перевѣсъ владычества обѣихъ сторонъ. Много лѣтъ продолжалось такое положеніе дѣлъ, и во все это время крамола придворная, кипѣвшая окрестъ Делійскаго монарха, сохраняла неприкосновеннымъ колебаніе перевѣса и необходимость средняго положенія между честолюбивыми и хищными соперниками. Тогда допустили Пашановъ расдвинуться на сѣверѣ, а Раджапутовъ округлить свои земли въ средней Индіи, между тѣмъ, какъ субабы Деккана, Бенгала и Гузурата составили съ своей стороны область независимыхъ дѣйствій. Всѣ эти внутренніе признаки раздробленія долженствовали вскорѣ исчезнуть передъ быстрымъ и постепеннымъ вторженіемъ преобладанія Англичанъ.

Со временъ Васко де-Гама, открывшаго Европейцамъ путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды, всѣ Европейцы поочередно испытывали плаваніе въ Индійскихъ отдаленныхъ моряхъ. Португальцы первые вышли на берегъ Индійскій, во владѣніяхъ Монгольскихъ, и заключили дружественный союзъ съ властителемъ Дели Акбаромъ. Венеціяне явились потомъ; за ними Голландцы, бывшіе могущественными почти въ теченіе полустолѣтія; наконецъ пришли Французы, Датчане и Англичане. Вступивъ въ Индію послѣ всѣхъ, они не замедлили стать выше всѣхъ Европейцевъ.

Въ слѣдствіе опытовъ Драка, Стефенса и Кавендиша, около 1600 года, основалась въ Англіи, въ правленіе королевы Елисаветы, Англійско-Индійская Компанія. Въ то время, когда основанія торговой свободы заключались болѣе въ обычаѣ, нежели въ законѣ, исключительная привиллегія на торговлю, данная одному купеческому обществу, вопреки всѣмъ другимъ торговцамъ, жестоко оскорбила членовъ Парламента, и надобенъ былъ декретъ Королевы, по которому Ость-Индскую привиллегію ограничили 15-ю годами, съ тѣмъ, что сила ея прекращается, если въ теченіе сихъ лѣтъ дознанъ будетъ вредъ ея для общественнаго благосостоянія. Слѣдовательно, привиллегіи этой надобно было кончиться въ 1615 году; но такова оказалась сила утвержденнаго ею торговаго общества, что и теперь, въ 1834 году, монополіи его еще продолжены, и, конечно, трудно пред-

сказать, когда въ самомъ дѣлѣ послѣдуетъ ихъ прекращеніе.

Первый опытъ Компаніи ограничился посылкою въ Индію четырехъ кораблей. Они отправились въ 1601 году, подъ начальствомъ Ланкастера, и возвратились благополучно, нагруженные пряностями и перцемъ. Помаленьку продолжали дѣло, основали нѣсколько факторій, и поведеніе агентовъ, управлявшихъ ими, представило совершенную противоположность съ изувѣрствомъ Португальцевъ и легкостью Французовъ. Не находя пособія у тогдашняго правительства Великобританіи, Компанія старалась поддержаться собственными своими средствами; она дѣйствовала настойчиво, дополняла все умнымъ выборомъ людей, и мало по малу умножила число своихъ конторъ. Капиталъ ся при учрежденіи составлялъ 400,000 фунт. стерл., акціями, по 50 фунтовъ каждая. Вскорѣ эта сумма достигла номинальнаго цыфра выше всякой оцѣнки. Огромнѣйшіе барыши были осуществлены Компаніею. Томасъ Бестъ утвердился въ Сурашѣ, въ 1612 году, не смотря на зависть Португальцевъ. Заведеніе въ Бендеръ-Асси сдѣлалось цвѣтущимъ, вопреки соперничеству Гоа. Но этотъ начальный блескъ Компаніи не былъ продолжителенъ. Кромвель уничтожилъ ея привилегіи, въ 1655 году. Черезъ два года, онъ возстановилъ ихъ снова. Преобразованная въ 1676 году, Компанія испытала въ свою очередь время смятеній и гибели. Безразсудныя дѣйствія Джона Чайльда, брата директорскаго, навлекли на Ан-

гличанъ силы Аурентзеба, и упиженная имъ, лишенная своей торговой важности, Компанія влачила сомнительное бытіе до 1702 года, когда новое общество Лондонскихъ купцовъ соединилось съ прежними исключительными акціонерами по Индійской торговлѣ. Изъ этого соединенія родилась новая Англійская компанія, достигнувшая до нашего времени, и основанная подъ названіемъ *Соединенной компаніи купцовъ, для торговли въ Восточной Индіи.* Уставы, обсуженные и утвержденные въ то время, испытали съ тѣхъ поръ только легкія измѣненія. Въ общихъ засѣданіяхъ, каждый хозяинъ акціи въ 1000 ф. с. имѣетъ право подавать свой голосъ. Акціонеры избираютъ по большинству голосовъ 24-ре Директора, включая сюда Президента и Секретарей. Директоромъ можетъ быть только акціонеръ, имѣющій на 20,000 ф. с. акцій. Владѣтель участка въ 3000 ф. с. подаетъ два голоса, въ 6000 ф. с. три, съ 10,000 четыре. Директоры должны собираться, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Кромѣ такого общаго собранія, есть еще множество частныхъ комитетовъ, для покупокъ, переписки, счетовъ, снаряженія и отправки кораблей, и наконецъ для дѣлъ, по которымъ открылись споры между Директорами.

Съ учрежденіемъ такого порядка въ дѣлахъ, Компанія начала періодъ своего постепеннаго преуспѣянія. Привиллегіи ея, утвержденныя, въ 1750 году, на тридцать лѣтъ впередъ, возобновлялись при каждомъ окончаніи срока опредѣленіемъ Парламента.

Пока совершалось все это Англичанами, каждый изъ Европейскихъ народовъ, имѣвшій сколько нибудь значительности на морѣ, утверждалъ свое владычество въ Индіи. Французы занимали Пондишери и Шандернагоръ, Голландцы Шинзура, Датчане Транквебаръ и Серампуръ. Англійская Компанія обратила свои дѣйствія на три мѣста: *Калькутту, Мадрасъ* и *Бомбай*.

Въ Калькуттѣ заведеніе было основано съ позволенія Бенгальскаго Набаба. Умирая, онъ говорилъ своему преемнику: «Смотри на заведенія Европейцевъ, какъ на ульи пчелъ, съ которыхъ можешь ты собирать медъ; но если помѣшаешь ихъ работѣ, бойся жала ихъ.» Терпимость Великихъ Моголовъ и ихъ областныхъ начальниковъ дошла до того, что Англичанамъ позволили даже устроить нѣкоторыя укрѣпленія, для защиты Калькутты отъ нападеній окрестныхъ народовъ. Въ то-же время, окрестъ этого главнаго мѣста учредились конторы менѣе значительныя, въ Кассемъ-Базарѣ, Дакка, Патна, Балассорѣ и другихъ мѣстахъ. Согласіе между туземными властями и новыми поселенцами продолжалось даже до смерти субаба Али-Верди-Хана. Шираги-эль-Дуладъ, правившій послѣ него, оказался не столь уклончивымъ. Монголъ, чиновникъ Двора его, обвиненный въ расхищеніи казны, спасся бѣгствомъ отъ наказанія. Съ помощью богатыхъ подарковъ, онъ купилъ себѣ покровительство Англичанъ, и жилъ въ Калькуттѣ, презирая гнѣвъ своего повелителя. Неоднократно, Субабъ требовалъ выдачи преступ-

ника. Видя, что ему отвѣчаютъ только отказомъ, или уклончивыми словами, онъ пошелъ на заведеніе Британцевъ съ 60,000 войска, принудилъ Губернатора къ постыдному бѣгу, овладѣлъ Калькуттскою крѣпостью, и предалъ городъ грабежу, 19 Іюня 1756 года. Сто сорокъ шесть человѣкъ солдатъ гарнизона были брошены въ тюрьму, столь тѣсную и душную, что изъ числа ихъ сто двадцать три человѣка задохлись въ одну ночь. Одинъ изъ 23-хъ, пережившихъ это бѣдствіе, Голльвль, воздвигнулъ потомъ на мѣстѣ тюрьмы своей памятникъ несчастнымъ товарищамъ. Къ чести Европейцевъ, скажемъ, что бѣдствіе Калькуттны прекратило на то время всякое соперничество между Европейцами, обитавшими въ Бенгалѣ. Французы изъ Шандернагора, Голландцы изъ Шинсура поспѣшили на помощь несчастнымъ жителямъ Калькуттны, которыми наполнены были корабли, находившіеся тогда на водахъ Ганга.

Но вскорѣ, полковникъ Клейвъ и адмиралъ Ватсонъ появились передъ Калькуттою, для отмщенія позора, претерпѣннаго Англійскимъ владычествомъ. Городъ былъ отнятъ у Монголовъ, въ январѣ 1757 года, и, въ свою очередь, Субабъ увидѣлъ себя угрожаемымъ въ своихъ владѣніяхъ. Гугли сдался Клейву; кровавымъ отмщеніемъ были здѣсь заплачены раззореніе и грабежъ Калькуттны. Монгольскій намѣстникъ принужденъ былъ покориться Англичанамъ и заключилъ съ ними невольный союзъ. Не смѣя противиться, онъ присутствовалъ съ Англичанами при взятіи Шандернагорской Фран-

цузской колоніи, гдѣ уничтожены были всѣ укрѣпленія и жителей забрали въ полонъ. Разореніе этого главнаго мѣста Французскихъ заселеній на берегахъ Ганга было послѣдуемо истребленіемъ всѣхъ второстепенныхъ колоній, принадлежавшихъ Французамъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ сплою, Англичане приобрѣтали въ то-же время особенныя выгоды, начавъ тайныя сношенія съ подчиненными Бенгальскаго Субаба. Полководецъ и родственникъ его, Джафферъ-Али-Ханъ сдѣлался преданнымъ ихъ человѣкомъ. Въ битвѣ Плассиской, бывшей 7-го Іюня 1757 года, часть Монгольскаго войска оставила Субаба, и несчастный властитель, схваченный собственными его офицерами, былъ удавленъ. Обнаженный трупъ его привезли на слонѣ. Такъ исполнился замыселъ полковника Клэйва, состоявшій въ томъ, чтобы передать Бенгальское субабство клеврету Англичанъ Джафферу-Али. Дворъ Делійскій согласился на то, чего не могъ уже отвратить; простеръ услужливость свою даже до того, что прислалъ Англійскому Полковнику титулъ Эмира, съ прозваніемъ *Сабетъ-Зинга* (неустрашимаго воителя). Въ слѣдствіе этой рѣшительной мѣры началось укрѣпленіе Вилліамовой крѣпости. Бенгалъ окончательно достался Англичанамъ.

Слѣдовавшее за тѣмъ можно почитать только дополненіемъ перваго самовластнаго дѣла Англичанъ. Облеченный властью, Джафферъ-Али-Ханъ старался сбросить тяжкое для него иго Британцевъ. Но при его Дворѣ были уже приготовлены тѣ-же са-

мыл ухищренія, которыми Джафферъ возведенъ былъ на владычество. Его окружали Англійскіе лазутчики. Напрасно думалъ онъ заключить тайный союзъ съ Голландцами. Клейвъ уничтожилъ всѣ замыслы Субаба, остановилъ войско Голландцевъ, плывшее по Гангу, разбилъ высаженные ими отряды и принудилъ ихъ къ тяжкой капитуляціи. Послѣ такого успѣха, искусный начальникъ Англійскій отправился въ Европу, и Король возвелъ его въ достоинство Лорда. Хотя блестящія качества Клейва были помрачены нѣкоторыми ошибками, не льзя не согласиться однакожъ, что ему большею частію обязаны были Англичане утвержденіемъ своимъ въ Индіи. Онъ устранилъ отъ вліянія Французовъ Карнатикъ, гдѣ возвысился Мадрасъ. Въ Бенгалѣ, онъ основалъ преимущество Англичанъ, съ исключеніемъ всякаго другаго владычества, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того утвердилъ это преимущество окончательнымъ трактатомъ съ Аллунъ-Шахомъ, бывшимъ тогда властителемъ Делійскимъ. Время протекшее между этими двумя эпохами, было ознаменовано управленіемъ Ванзиттарта, хорошо и худо продолжавшаго ловкую политику Клейва. Джафферъ-Али-Ханъ, замѣненный въ Бенгальскомъ субабствѣ Кассемъ-Али-Ханомъ, былъ опять возведенъ въ прежнее достоинство. Это встревожило Компанію, и она умоляла Лорда Клейва снова вступить въ управленіе дѣлами. Не прежде согласился Клейвъ, пока не были перемѣнены тогдашніе Директоры Компаніи, не согласились дать ему по 30,000 ф. с. ежегоднаго

дохода, не произвели его въ генералъ-маіоры, и не наградили орденомъ Бани. Въ Индіи, въ отсутствіе его, происходили битвы между Субабомъ Бенгала и войскомъ Англійскимъ. Неудача слѣдовала за неудачею, и уже не оставалось у Компаніи изъ конторъ ея на берегахъ верхняго Ганга ни одной, кромѣ Калькуттпы, и то защищенной слабымъ войскомъ. Сраженія при Муршидабаба и Понкапулла, отнятіе Патна, дѣло Бочарское, гдѣ Англичане разбили соединенныя войска Субаба и Великаго Могола, далеко не вознаграждали потерь, когда лордъ Клейвъ снова явился въ Калькуттѣ, 3-го мая 1765 года.

Съ перваго взгляда увидѣлъ онъ, на чемъ надобно было основать миръ и благоденствіе Англо-Индійскаго государства. Удаливъ субаба Кассемъ-Али отъ его Монгольскихъ союзниковъ, онъ принудилъ его бѣжать къ Сепкамъ, вошелъ въ непосредственные переговоры съ властителемъ Делійскимъ, и выпудилъ у него формальную уступку Бенгала, Багара и Орисса. Этимъ договоромъ всѣ права Монгольскихъ владыкъ на упомянутыя области перешли въ руки Англичанъ, сдѣлались принадлежностью Калькуттскаго Совѣта и генералъ-губернатора Англійскихъ владѣній въ Индіи. За такую уступку, Компанія обязалась платить Великому Моголу по ℳ30,000 ф. с. ежегодно (10-ть милльоновъ франковъ, или ℳ6-ть лаковъ рупій). Но потомъ, постепенно, платежъ этотъ былъ уменьшаемъ.

Такъ постыдными уступками раздроблялось обширное царство Ауренгзеба, доходы котораго составляли нѣкогда до 300-тъ милльоновъ.—Если-бы лордъ Клейвъ захотѣлъ даже тогда раздвинуть свои завоеванія до области Бенаресской, онъ могъ-бы исполнить такое предпріятіе, но, или умѣренность, или осторожность заставили его удовольствоваться только взятіемъ 8,000,000 военной контрибуціи.

Съ того времени началось образованіе торговыхъ монополій Компаніи, быстро раззорившихъ Индію, и мало послужившихъ въ пользу самихъ монополистовъ. Исключительныя права продажи установлены были на главнѣйшіе предметы торговли — чай, соль, табакъ, бетель, хлопчатую бумагу, даже сарачинское пшено. Нововведеніе это было противно обычаямъ и пользамъ туземцевъ, и потому Англичане принуждены были нерѣдко подкрѣплять свои монополіи помощью шпыковъ. Къ такимъ пагубнымъ мѣрамъ, вскорѣ присовокупился неурожай, и голодъ страшно опустошалъ народонаселеніе, пощаженное войною. Современники считаютъ до пяти милльоновъ число туземцевъ, погибшихъ отъ голода въ одинъ 1770-й годъ. «Ихъ видѣли (говоритъ Раиналь) влачившихся по дорогамъ, бродившихъ среди Европейскихъ поселеній, блѣдныхъ, обезображенныхъ, терзаемыхъ голодомъ; одни лежали на землѣ, ожидая смерти; другіе едва ползли, стараясь сыскать какую нибудь пищу, обнимая колѣна Европейцевъ, и умоляя принять ихъ рабами за горсть пшена.»

Воды Ганга были покрыты трупами; по дорогамъ валялись груды мертвыхъ тѣлъ. И между тѣмъ ни малѣйшаго признака возмущенія не оказалось между несчастными страдальцами, и въ мысль никому изъ нихъ не приходило, даже погибая бѣдственною смертью, разграбленіе магазиновъ, воровство, истребленіе Европейцевъ, или всеобщее возстаніе противъ корыстолюбивыхъ притѣснителей.

Этотъ несчастный годъ нанесъ жестокій ударъ Компаніи. Она задолжала, и въ 1773 году былъ даже предложенъ вопросъ о томъ, не должно-ли ей остановить свои платежи. Послѣ многихъ споровъ, Парламентъ вступился и поддержалъ ее.

Политическія затрудненія присоединились къ финансовымъ замѣшательствамъ. Между Франціею и Великобританіею началась война. Надобно было сражаться, оттѣснять и защищать владѣнія на Коромандельскомъ берегу. Едва успѣли управиться съ Франціею, явился новый врагъ: это былъ *Гайдеръ-Али*, владѣтель Мизорскій, долгое время выдерживавшій напоръ всѣхъ Англійскихъ силъ въ Карнатикѣ. Потомъ наступила война съ Маратами, угрожавшими съ одной стороны Бомбаю, съ другой Мадрасу и Калькуттѣ. Гайдеръ-Али былъ наконецъ разбитъ; Маратовъ побѣждали дипломаціею и полками Синаевъ. Напрасно потомъ Французы пытались нѣсколько разъ помогать возстанію Индійцевъ противъ Англійской силы; вездѣ предупреждали или уничтожали ихъ пособіе.

Только однажды послѣ смерти Гайдеръ-Али представлялся благопріятный случай возстановле-

нію владычества Французовъ въ Индіи, когда сынъ Гайдеръ-Али, *Типпо-Саибъ*, упорно и жестоко ненавидѣвшій Англичанъ, возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ, и призывалъ Французовъ къ себѣ на помощь. Тогда надобно было приняться дѣятельно, оправдать довѣренность неукротимаго врага Англіи, отмстить за недавшее уничтоженіе Пондишери, осуществивши на Индійскомъ полуостровѣ могущественныя предпріятія, которыми хотѣлъ ознаменовать себя геній Дюплейкса. Но министры Людовиковъ XV-го и XVI-го не постигали положенія дѣлъ въ Индіи, брались за полумѣры, за хвастливые переговоры. Такимъ образомъ, ни къ чему не послужила посылка Сюффрена, столь ничтожная послѣдствіями, хотя столь много обѣщавшая въ началѣ. Развязкою всѣхъ несчастныхъ попытокъ было то, что Англичане не потеряли въ Индіи ни одного клочка земли, не утратили ни на одинъ градусъ своего вліянія. Поражая непріятелей одного другимъ, Типпо-Саиба Маратшами, Маратшовъ Деканскимъ Низамомъ, они стѣснили понемногу властителя Мизорскаго, довели его до крайности, принудили просить перемирія въ 1784 году; договоромъ 1792 года у него отняли всѣ земли на западъ отъ Гатскихъ горъ, съ предѣловъ Траванкора до рѣки Раваръ. Наконецъ, когда Типпо-Саибъ, въ 1798 году, вѣря счастію юнаго Французскаго полководца, въ двѣ недѣли завоевавшаго Египетъ, хотѣлъ сдѣлать развлеченіе Англійскимъ силамъ въ срединѣ Азіи и наскоро собралъ всѣ войска свои, Англичане, соединясь съ Набабами и Низамами полу-

острова, отъ Малабара и Коромандела двинулись къ Мизору, разбили что было послано имъ на встрѣчу, и осадили Серингапатнамъ, столицу Мизорскую. На жестокомъ приступѣ пали Типпо-Сайбъ и вѣрные ему воины; Англичане ворвались въ столицу и нашли тамъ одной казны Типпо-Сайбовой, какъ полагаютъ, на 80-ть милльоновъ франковъ. Погибъ самый упорный врагъ, изъ всѣхъ, какихъ только встрѣтило Англійское могущество въ Индіи. При раздѣленіи завоеванныхъ земель, побѣдители захватили себѣ лучшую долю, удержали Бангалоръ и Серингапатнамъ, а остатокъ раздѣлили между наслѣдниками Типпо-Сайба и Низамомъ, союзникомъ своимъ въ этой удачной войнѣ.

Увеличеніе владѣній, и добыча особенно, были счастливымъ пособіемъ для Компаніи. Съ тѣхъ поръ происходило много внутреннихъ войнъ, частныхъ возстаній, нападеній на Англичанъ, но большею частію все это были ничтожныя попытки, задушаемыя при первомъ началѣ. Такъ въ 1781 году, генералъ-губернаторъ Гастингсъ усмирилъ въ Бенаресѣ возмущеніе, кончившееся бѣгствомъ геминдара Шейтъ-Синга, и учрежденіемъ охранительнаго Англійскаго лагеря окрестъ священнаго города Индійцевъ. Это обстоятельство, гдѣ маіоръ Пофемъ, начальникъ Англійскаго отряда, показалъ необыкновенную смѣлость, подвергло всѣ знатнѣйшія земли подъ непосредственную зависимость Калькутскаго начальства. Властитель Марратовъ, Магадже-Синдіа причинилъ Англичанамъ

запрудпенія болѣе важныя и продолжительныя. То посредникъ врагамъ, то явный врагъ, онъ повелъ войну набѣгами и впаденіями, грабилъ, уходилъ въ горныя области. Сила этихъ воинскихъ племенъ всегда заключалась въ конницѣ, но случай привелъ ко Двору Синдіа, въ концѣ прошлаго вѣка, какого-то офицера Европейскаго, Савояра Де-Буаня, и Синдіа по совѣту его рѣшился образовать корпусъ пѣхоты и обучить его по-Европейски. Установился союзъ Маратовъ, средоточіемъ котораго была Агра. Синдіа завелъ оружейныя и литейныя фабрики и заводы. Достаточно снабженное оружіемъ, вскорѣ войско его составило до 25,000 конницы, отчасти регулярной, и 20,000 пѣхоты. По примѣру Синдіа, другіе Маратскіе властители усилили свои военныя средства, и вскорѣ союзъ Маратовъ считалъ до 250,000 конныхъ и пѣшихъ воиновъ, какъ полагали по вѣрному счету въ 1801 году.

Первые годы нынѣшняго столѣтія ознаменовались борьбою Англичанъ противъ Маратовъ. Наслѣдникъ и племянникъ Синдіа, Долутъ-Рао, далъ между прочимъ замѣчательную битву Ассайскую, гдѣ Британскимъ войскомъ предводительствовалъ маркизъ Веллеслей, извѣстный потомъ подъ именемъ герцога Веллингтона.

Слишкомъ продолжительно было-бы входить во всѣ подробности сопротивленія Индійцевъ, съ которыми должно было сражаться благоразумію и настойчивости Англичанъ. Компанія всегда болѣе выигрывала упорнымъ постоянствомъ въ дѣйстві-

яхъ, нежели рѣшительными и безразсчетными сраженіями. Что такъ хорошо приготовили хладнокровіе и мужество Клейва, то продолжили и докончили хитрость Гастингса, смѣлость Веллеслея, честность Корнваллиса, умное управленіе Дункана въ Бомбаѣ, Колебрука въ Калькуттѣ. Усилія всѣхъ этихъ, столь различныхъ умовъ достигли до того, что заключили наконецъ буйныя племена непріятелей въ предѣлахъ, за которые они не могутъ теперь выдвинуться; успѣли обставить ихъ неопасными народами, противополагающими однакожь силу застоя политическаго бѣшенству отчаянныхъ наѣздниковъ; потомъ, въ теченіе продолжительнаго времени, устроили во внутренности Индіи вооруженные наборы, распредѣляя ихъ такъ, что они составляютъ охранительную цѣпь между Индійцами военными и Индійцами мирными. Дѣйствуя такимъ образомъ, Англичане уничтожили и обезоружили Маратховъ; побѣжденные при Пуна, въ 1818 году, сіи воинскія племена нынѣ стали въ рядъ другихъ неопасныхъ Индійцевъ. Единственные, независимые отъ силы Англичанъ народы суть *Сикхи*, по мѣстному положенію своему, въ гористыхъ сѣверныхъ областяхъ, недоступные покоренію. Но самое это удаленіе препятствуетъ имъ угрожать Англійской Компаніи опасностью прямою и непосредственною. Нынѣшній властитель Сикховъ, *Рунжетъ-Сингъ*, недавно завоевалъ нѣсколько областей у Авганцевъ, и присоединилъ къ царству своему Кашемиръ. Онъ живетъ въ Лагорѣ, гдѣ Жакемонъ былъ у него

въ 1831 году. Нѣкто Алларъ, Французскій офицеръ, находящійся лѣтъ десять въ службѣ этого Индійскаго монарха, и главный начальникъ всѣхъ войскъ его, доставилъ молодому странствователю пріемъ самый благопріятный. Рунжетъ-Сингъ одарилъ Жакемона мѣшками рупій и дорогими шалями. Путешественникъ жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ; ему услуживала многочисленная дворня; потомъ проводили его въ Кашемиръ, приказывая воздавать ему величайшія почести по всѣмъ областямъ Сингa. Вотъ изображеніе этого властителя, оставленное въ письмахъ остроумнаго путешественника: «Рунжетъ-Сингъ былъ почти первый замѣчательный Индіецъ, мнѣ встрѣтившійся. Но за удовлетвореніе любопытства собою, онъ вознаграждаетъ совершеннымъ ничтожествомъ своего народа. Онъ сдѣлалъ мнѣ сотню тысячь вопросовъ, объ Индіи, Англичанахъ, Европѣ, Наполеонѣ, вообще о цѣломъ мірѣ, адѣ и раѣ, богахъ и демонахъ, и всякой всячинѣ. Подобно всѣмъ знатнымъ людямъ Востока, онъ мнимый больной, и такъ какъ у него есть многочисленная толпа самыхъ красивыхъ дѣвушекъ Кашемира, и средства заплатить за самый лучшій обѣдъ, какой только можетъ онъ себѣ вообразить, то бѣдняжка въ отчаяніи, что не можетъ пить вдоволь, не сдѣлавшись пьянымъ, и не можетъ ѣсть, сколько сколько съѣдаетъ слонъ, не задохнувшись онъ пресыщенія. Онъ не знаетъ ни Бога, ни грѣха, если собственная польза не велитъ ему быть справедливымъ и вѣрующимъ; но, впрочемъ, онъ не же-

стокъ. Важнымъ преступникамъ отрѣзываетъ онъ носы, уши, кисти рукъ, и никогда не казнитъ смертью. Къ лошадямъ у него страсть, доходящая до глупости; онъ велъ самую раззорительную и кровавую войну, желая достать изъ сосѣдняго государства лошадь, которой не хотѣли ему ни продать, ни подарить. Онъ храбръ необыкновенно—качество, довольно рѣдкое между властителями Востока, и хотя всегда успѣвалъ онъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, но только коварными переговорами и хитрыми договорами изъ простаго помѣщика успѣлъ сдѣлаться самовластнымъ повелителемъ Пунджаба, Кашемира и другихъ областей, повинующихся ему лучше, нежели повиновались Великимъ Моголамъ подданные ихъ, въ самое цвѣтущее время силы Монгольскихъ государей.»

Рунжетъ-Сингъ такимъ образомъ есть властитель, переговаривающій съ генералъ-губернаторомъ Индійскимъ, какъ равный съ равнымъ. Лордъ Бентинксъ бережетъ его, потому, что война съ нимъ, не представляя ничего полезнаго, можетъ быть неудачною. Путешествуя по Гиммалайскимъ областямъ, Англійскій правитель никогда не забываетъ отправлять посольства къ Рунжету, и тотъ всегда платитъ учтивостью за учтивость, дипломаціею за дипломацію.

Слѣдуя съ одной стороны системѣ военнаго надзора за Маратами, съ другой ограждаясь миролюбивымъ сношеніемъ съ Сиками, Британцы

увидѣли себя въ послѣднее время угрожаемыми еще однимъ опаснымъ непріятелемъ: этотъ новый врагъ ихъ явился въ лицѣ властителя Бирмановъ. Ни переговоры, ни угрозы не могли убѣдить его, и надобно было прибѣгнуть къ пушечнымъ доказательствамъ его безразсудства. Впрочемъ, война съ Бирманами стоитъ быть разсказанною съ особенными подробностями, и я постараюсь исполнить это отдѣльно.

Изъяснивъ основныя начала военнаго сопротивленія Индіи Англійскому владычеству, въ теченіе цѣлаго столѣтія, скажемъ, что изъ всего Англичане успѣли удачно выпутаться. Раджапуты, Маратты, Сепои, Бирманы, всѣ были ими побѣждены, или сдѣланы неопасными. Чего не могли учинить открыто, то исполнили хитростью, кстати умѣя уничтожать, кстати щадить. Но миръ завоеванный все-таки надобно назвать только отдыхомъ; могущество Англичанъ утвердилось, но все еще не укоренѣло въ Индіи — все еще оно на бивакахъ; у него нѣтъ надежной будущности.

Дѣйствительно, разсматривая состояніе Англо-Индійскаго государства, сначала въ отношеніи Европы, можно спросить: *кто* завоевалъ Индію и обладаетъ ею — *Англія собственно*, или *Англійская Компанія?* До сихъ поръ, все обращается къ Компаніи, по праву и по дѣлу. На ея издержки покорена Индія и Компанейскими агентами устроена въ настоящемъ своемъ порядкѣ. Компанія создала здѣсь флотъ, создала военную силу, образовала

обширный объемъ гражданскаго управленія. Компанія осуществила здѣсь государство отдѣльное, правительство, съ особенными доходами, особенными государственными долгами, крѣпостями и лагерями, мѣстнымъ вліяніемъ, политическими союзами. Словомъ: Компанія, создала отдѣльное государство купцовъ въ нѣдрахъ Англійскаго королевства.

Это было хорошо и могло идти, когда, при каждомъ обновленіи привиллегій Компаніи, Парламенты пропускали безъ особеннаго взысканія все, что было уже сдѣлано, и ограничивались только огражденіемъ правъ государственной власти покорностью Компаніи. Но съ каждымъ днемъ, общественное мнѣніе образуется и поясняется въ отношеніи чудовищнаго зданія этой торговой имперіи, основанной на исключеніи, насиліи и монополіи. Имѣя счеты Компаніи передъ глазами, хотятъ судить дѣло по слѣдствіямъ его: изъ балансовъ Компанейскихъ выводятъ заключеніе о дѣйствительныхъ средствахъ Компаніи; по коммерческимъ разсчетамъ узнаютъ пользу всѣхъ прощаемыхъ ей ошибокъ; изъ ревизій Индійскаго народонаселенія судятъ о томъ, была-ли система Компаніи благомъ или зломъ для Индіи; по состоянію подчиненныхъ заключаютъ, подвинуло-ли впередъ, или отодвинуло назадъ, обогатило или разорило Индію управленіе привиллегированныхъ Англійскихъ прикащиковъ. Надобно признаться, что факты всѣ противъ Компаніи, а не въ пользу ея. Преувеличеніе запретительной системы, горделивая роскошь Ком-

панейскихъ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, безмѣрность ихъ жалованья, изобиліе празднаго чиноначалія, все это постепенно влечетъ Компанію къ громадному банкрутству. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ немного лѣтъ, когда причины разрушенія Компаніи усилятся, и вопросъ о возобновленіи привиллегій компанейщикамъ будетъ представленъ Парламенту, улучшенному послѣднею реформою парламентскихъ выборовъ, дѣло можетъ принять новый видъ. Споръ завяжется сначала, вѣроятно, объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, о жизненныхъ началахъ Компаніи, то есть, о монополіи по торговлѣ чаемъ съ Китайцами, составляющей одно изъ главныхъ отдѣленій Компанейскаго торга. Если-бы согласіе Парламента опять утвердило странное существованіе Англо-Индійскаго государства, у Компаніи непремѣнно отнимутъ исключительное посредничество ея между Англіею и Китаемъ, и безъ того подрываемое свободнымъ соперничествомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Но, уже это одно будетъ смертнымъ приговоромъ для Остъ-Индской Компаніи. Въ теченіе восьмидесяти лѣтъ своего существованія, много разъ близкая къ погибели, она была одолжена жизнью только случаю, а не устройству своему, ибо всегда такова бываетъ сущность торговыхъ системъ, основанныхъ на исключительныхъ правахъ, что онѣ держатся и продолжаются только внѣшними случайностями, а не самобытною дѣятельностью. Такъ сначала сокровища побѣжденныхъ царей и казнохранилища Субаба Бенарескаго и властителя

Мизорскаго, огромныя добычи, тяжкія контрибуціи, давали Компаніи призракъ богатства и благоденствія. Но это богатство и благоденствіе, состоя въ капиталахъ, уничтожавшихся безъ воспроизведенія, переходило только изъ рукъ Индійскихъ казначеевъ въ руки Британскихъ расходчиковъ, не оставляло слѣдовъ пользы для земли, не упрочивало ничего въ будущемъ, разлеталось дымомъ. Истощивъ эти средства, Компанія принялась за скупъ произведеній, за исключительную продажу и перепродажу, захватъ всѣхъ товаровъ Индіи, безъ всякаго соперничества, торгъ индиго̀мъ, селитрою, хлопчатою бумагою, Бенарескимъ сахаромъ, бетелемъ, съ привиллегіею на мануфактурныя произведенія Европы — все это опять могло доставить поддѣльную прочность Компаніи, наполнить кассы ея золотомъ, и довести ее до безпутной прибыли того, что было приобрѣтено неправильно, оканчивая все опять бѣдностью земли и раззоренiемъ обладателей. Когда этотъ прiискъ барышей истощился, корабли другихъ народовъ нашли дорогу къ вольнымъ рынкамъ, и въ другихъ мѣстахъ начали добывать товаръ лучше и дешевле, Компанія ухватилась за монополію торговли чаемъ, какъ за послѣднее средство спасенія. Она снова начала просить у общаго для всѣхъ закона исключительныхъ постановленій, ходатайствуя за свои безмѣрныя матеріяльныя средства, за толпу своихъ чиновниковъ, за свое царство, во имя Англіи основанное въ Азіи. Громкія слова опять перетянули вѣсъ факповъ, и Парламентъ, угрожаемый рефор-

мою, еще разъ смиловался на жалобы Компаніи, утвердивъ закономъ все, чего она требовала.

Что-же будетъ, если въ слѣдующій разъ Парламенты заспорятъ, или начнутъ торговаться о Компанейскихъ монополіяхъ? Страшно подумать, трудно опредѣлить, что будетъ тогда. Богатые чиновники военной и гражданской администраціи Компаніи, послушаются-ли въ Бенгалѣ рѣшенія, которымъ Англія издалека убьетъ ихъ богатство и роскошь? Не прошло еще десяти лѣтъ тому, какъ за нѣсколько тысячъ франковъ, которыя хотѣли исключить изъ безмѣрнаго жалованья ихъ, Европейскіе офицеры, начальники сипайскихъ войскъ, рѣшились на неповиновеніе и открытый бунтъ. Что отвѣтятъ они, если имъ заговорятъ объ увольненіи, или значительной уступкѣ? Послѣдуетъ-ли изъ этого рѣшительное возмущеніе войска, или движеніе, подобное тому, которое отдѣлило отъ Англіи, въ концѣ прошедшаго вѣка, ея Сѣверо-Американскія колоніи? Что сдѣлаютъ въ Индіи пропивъ Парламентовъ, если они объявятъ свободу Индійской торговли? Рѣшить трудно.

Предположивъ даже, что Англійское правительство уничтожитъ сопротивленіе чиновниковъ Компаніи, много еще затрудненій окажется въ то время, когда, волею или неволею, Англія сама сдѣлается наслѣдникомъ Компаніи Остъ-Индской. Компанія управляла своими землями, какъ наши Турецкіе управляютъ областями Султанскими — рубила деревья, когда надобно было ей сбирать плоды. Она истощила почву, уничтожила богат-

ства, сдѣлала нищими туземцевъ. Между ея агентами и Индійцами не было политической сплавки— одни владычествовали, другіе повиновались. Компанія считаетъ болѣе 50-ти милльоновъ непосредственныхъ подданныхъ; сумма доходовъ ея возведена до 400-хъ милльоновъ. Но эти пятьдесятъ милльоновъ подданныхъ завтра-же готовы сдѣлаться ея врагами, а четырехъ-сотъ милльоновъ дохода далеко недостаетъ на расходы, и на проценты безмѣрнаго долга, прикрытаго глубокою тайною. Если присовокупить къ этому необходимость содержать огромныя войска въ Азіи, неизбѣжное возмущеніе сипаевъ, которымъ рано или поздно должна достаться Индія, невозможность коренной реформы между гражданскими чиновниками и военными офицерами въ Индіи, всегда враждебное положеніе Сиковъ, Маратовъ и Бирмановъ, предразсудки туземцевъ, постепенное уничтоженіе произведеній земли, увеличеніе власти метисовъ, смѣшанныхъ породъ Индіи и Европы, занимствовавшихъ отъ первой отчужденіе Индійца, а отъ второй дерзость Европейца, то должно согласиться, что политикамъ Великобританіи много найдется дѣла, когда они возмутъ на себя рѣшеніе судьбы Англо-Индійскаго царства, блестящаго рубища поддѣльнаго величія.—Нѣкоторые политики, охотники рѣшать не зная дѣла, предвидятъ разрушеніе Англійскаго владычества въ Индіи отъ нашествія Русской силы, и эта идея сдѣлалась у многихъ любимою, подтверждаемая стратегическими толкованіями о возможности по-

добнаго дѣла. Но, кажется, можно привести къ настоящему значенію всѣ подобныя предположенія, годныя только для убаюкиванія легковѣрныхъ умовъ, сказавъ, что такая идея не имѣетъ никакихъ основаній. Долго-бы пришлось еще Англичанамъ царствовать въ Индіи, если-бы имъ угрожала только сила Рускихъ. Начала разрушенія, заключенныя въ самой сущности обладанія Индіею Англичанами, дѣйствуютъ вѣрнѣе, и дѣйствіе ихъ прямо и положительно на гибель всякой будущности Англійскаго преобладанія въ Азіи.

Страна свободной торговли, подъ покровительствомъ Европейскимъ, какого-бы оно рода ни было, или даже безъ всякаго покровительства, земля, доступная всѣмъ промышленностямъ, родъ неутральной области для всѣхъ флаговъ, безъ исключеній, безъ преимуществъ для кого-бы то ни было— вотъ что должна быть Индія, если хотятъ, чтобы для нея возобновились дни древняго, баснословнаго благодѣтельствія, и—вотъ что будетъ она, рано или поздно, по собственной волѣ Англичанъ, или противъ воли ихъ.

ГЛАВА XX.

КАЛЬКУТТА. — ГЕОГРАФІЯ, СТАТИСТИКА, ПРИРОДА ИНДІИ.

Индія, или *Индостанъ*, въ первобытныя историческія времена называема была обитателями *Джамбу-Випа*, (древо Джамбу) и *Баратакъ-Ганда* (страна Бараша). Она раздѣлялась на сѣверную, среднюю и южную. Что касается до ея новѣйшаго названія, ученые несогласны въ происхожденіи слова: *Индія*. Кажется, что всего достовѣрнѣе корень его находится въ имени рѣки Синдъ, или Индъ (Индусъ), текущей въ западной части Индіи.

Какъ-бы то ни было, но страна именуемая *Индіею*, заключается нынѣ, между хребтами Гималаевъ на С., Хампи на В., Кабуломъ, Мултаномъ и Синдомъ на З., наконецъ, Индійскимъ моремъ на Югъ, въ пространствѣ, находящемся между 8° и 35° ш. с., 65° и 90° долг. вост. — Хребетъ Гималайскій, оканчивающій собою всю сѣверную

границу, представляетъ самыя высочайшія въ свѣтѣ горныя вершины. Между тѣмъ, какъ самая высокая гора Европейскаго материка едва составляетъ 2,460 туазовъ отъ морской поверхности, Азія являетъ намъ въ Гиммалаяхъ пикъ Чамуларійскій въ 4,400 туазовъ, Давальгирійскій и Джавагирскій, въ Непаулѣ, въ 4,390 и въ 4,026 туазовъ.

Здѣсь протекаютъ также прекрасныя и благотворныя рѣки: *Индъ*, или *Синдъ*, впадающій въ заливъ Оманскій; *Нербудда*, оканчивающаяся въ заливѣ Камбайскомъ; *Каверн*, *Кишна*, *Годавери*, наконецъ *Гангъ* (Гангесъ) и его сліянія, сходящія въ заливъ Бенгальскій. Послѣдняя есть то-же для Индіи, что Нилъ для Египта, священная рѣка, подобно ему, плодотворящая почву своими періодическими разливіями.

Почти вся находясь въ жаркой зонѣ, но граница съ ледяными вершинами огромнѣйшихъ горъ, Индія наслаждается температурою умѣренною, хотя и непостоянною. Ураганы свирѣпствуютъ здѣсь съ силою, неизвѣстною въ другихъ мѣстахъ; нигдѣ не бываетъ такихъ страшныхъ громовъ, нигдѣ и градъ не падаетъ такъ плотно и тяжко. Всѣ сіи явленія, впрочемъ ни всемѣстны, ни одинаковы повсюду въ Индіи; они измѣняются смотря по мѣстности. Такимъ образомъ, цѣпь *Гаттскихъ* горъ, пересѣкающая Декканъ отъ сѣвера къ югу, почти всегда опредѣляетъ атмосферическія противоположности между двумя наклонностями земли къ западу и къ востоку. Берегъ *Малабарскій* есть самое нездоровое и попопляемое дождями мѣсто;

за шѣмъ слѣдуетъ берегъ *Коромандельскій;* потомъ *Бенгалъ,* гдѣ ниспадаетъ иногда воды на 22 дюйма въ мѣсяцъ. Самыя здоровыя мѣста Индіи суть внутреннія плоскости между Гаттскими горами, области между Джуммою, Гангомъ, и Сутледжею, Пенджабъ, Лагоръ, Кашемиръ, Непауль, приближающіеся климатомъ своимъ къ климату центральной Европы. Здѣсь старинные путешественники находили чудесные примѣры долголѣтія; здѣсь, по ихъ разсказамъ, жили *Сирни,* изъ которыхъ, большая часть, достигали до 150-ти лѣтней старости; здѣсь обиталъ мнимый факиръ, котораго историкъ Фаріа заставляетъ жить при столѣтія. Нынѣ, когда извѣстія составляются ближе и достовѣрнѣе, долголѣтіе обитателей сихъ странъ не превосходитъ средняго. Индія представляетъ даже болѣе примѣровъ преждевременной старости, нежели изумительнаго долголѣтія. Сильныя болѣзни, какова холера, часто губятъ множество жителей. Всѣ накожныя болѣзни, особливо проказа, здѣсь обыкновенны и жестоки; лихорадки, водяная болѣзнь, элефантіазисъ, поносы изтребляютъ ежегодно большое число обитателей. Самые Европейцы влачатъ жизнь, а не цвѣтутъ здоровьемъ въ здѣшнихъ жаркихъ и влажныхъ областяхъ; ни одинъ изъ нихъ не сохраняетъ живаго и свѣжаго цвѣта Европы; кожа у всѣхъ скоро дѣлается блѣдною, глаза теряютъ свою живость. Средняя пропорція жизни здѣсь гораздо менѣе, нежели въ Англіи и Франціи.

Почва Индіи, съ ея многочисленными неровностями и поставленными одна надъ другою плоско-

спями, представляетъ почти всѣ различія земныхъ произведеній. Жатву производятъ здѣсь дважды въ годъ; главный предметъ ея сарачинское пшено, хлѣбъ Индійцевъ, котораго считаютъ здѣсь до 25-ти родовъ. Другія мучнистыя произведенія, свойственныя особенно Индіи, суть: *мунгъ, мурргусъ* (зерна его походятъ на горчичныя), *танна* (дающій плодъ изобильно, и растущій почти безъ обработки), *толлъ* (производящій родъ гороху, любимое ѣство мореплавателей), *катгиль* (черный снаружи, бѣлый внутри, замѣняющій нашъ каршофель), *мугпулы* и *иньямъ* (который вѣситъ иногда по нѣскольку фунтовъ).

Флора Индійская одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ. Слава розъ Дели и Газипура, изъ которыхъ извлекаютъ *аттаръ*, или розовую эссенцію, достигла даже до насъ въ Восточныхъ стихотвореніяхъ. Рядомъ съ этимъ надобно поставить *кадсумалига*, жасминъ съ огромными цвѣтами, *атимука, гамбага*, которымъ Индійцы убираютъ голову, *лотусъ*, трепещущій на поверхности водъ своими красными листочками, *иксоръ*, съ его пурпуровыми букетами на 6-ти футовыхъ стебляхъ, *синдрималь*, открывающій цвѣточную почку вечеромъ и закрывающій ее утромъ, *нагаталла*, листьевъ котораго боятся змѣи. Все приведенное мною есть только бѣдный отрывокъ обширной флоры, поочередно изученной Бурманомъ, современникомъ Линнея, а потомъ Роксбургомъ, Гамильтономъ, Карреемъ и Валлихомъ.

Изъ числа произрастающихъ, важныхъ для торговли

и промышленности, надобно упомянуть объ индиго, табакѣ, коноплѣ, льнѣ, сассапарелѣ, датурѣ, хлопчатой бумагѣ, бетелѣ, опіумѣ, сезамѣ, и множествѣ красильныхъ растеній. Области Гаштская и Аудская въ изобиліи производятъ перецъ; сахарный тростникъ растетъ во всемъ Бенгалѣ, и особенно въ окрестностяхъ Бенареса.

Въ Индіи находятся лѣса бамбука и пальмъ всѣхъ родовъ. Въ числѣ плодовитыхъ деревьевъ должно отличить фиговое, или *банianское дерево,* называемое иначе Буддійскимъ или пагодовымъ фиником (ficus religiosa). Оно считается святымъ въ Индіи, и каждое заведеніе благочестивое, храмъ, шаульпри, обыкновенно осѣняется деревомъ банianскимъ. Вѣтви его выходятъ изъ ствола отвѣсно, и протягиваются въ горизонтальномъ направленіи на столь великое разстояніе, что концами висятъ къ самой землѣ, касаются ея, врастаютъ въ нее концами вѣтвей, которыя дѣлаются такимъ образомъ корнями, расширяются въ землѣ, и придаютъ себѣ тѣмъ новую силу, такъ, что къ верху идутъ отъ нихъ новыя вѣтви и побѣги. Такое разрастаніе идетъ безконечно, и иногда одного пня бываетъ достаточно произрастить окрестъ его небольшой лѣсъ. Отъ вѣтвей отвѣсныхъ не бываетъ побѣговъ къ верху; онѣ только толстѣютъ, а окружность ихъ, начинаясь нѣсколькими вершками, не рѣдко увеличивается потомъ на 10-ть футовъ. Славнѣйшее во всей Индіи дерево этого рода находится въ Гузуратѣ, и называется *кобиръ-баръ*. Нынѣ имѣетъ оно до 2000 футовъ

окружности около главныхъ стволовъ, которые всѣ толще нашихъ Европейскихъ буковъ. По преданію туземцевъ, дереву этому около 3000 лѣтъ. Листья баніанскаго дерева попеременные, эллиптической фигуры, гладки, хрупки и блестящи. Плодъ его, дурнаго вкуса, величиною съ орѣхъ, замѣчателенъ тѣмъ, что у него пѣтъ цвѣточныхъ ножекъ. Ѳеофрастъ, Страбонъ и Плиній упоминаютъ объ этомъ чудесномъ деревѣ, извѣстномъ подъ различными именами. Другія плодовитыя Индійскія деревья, въ сѣверныхъ областяхъ тѣ-же, что у насъ въ Европѣ, а въ Деккапѣ и Бенгалѣ они сходны съ родами тропиковыхъ земель. Замѣчательно дерево *магва*. Плоды его даютъ родъ твердаго масла, а высушенные цвѣты служатъ къ приготовленію кари.

Въ лѣсахъ, покрывающихъ горы Индійскія, находятся дерева, неизвѣстныя въ Европейскихъ климатахъ: *текъ*, или твердое дерево, недоступное червямъ, тяжеле, но за то крѣпче дуба и превосходнѣе для строенія кораблей; *понна*, родъ лиственн, отлично пригодное для мачтъ; *нагасса*, или желѣзное дерево; разныя акаціи; *азедарахъ*, и другіе менѣе извѣстные сорты деревъ. Въ прекрасныхъ лѣсахъ Индіи дерева нерѣдко достигаютъ такой вышины, что сильный стрѣлокъ не взброситъ изъ лука стрѣлы на вершины ихъ. Въ пополненіе моего краткаго исчисленія Индійскихъ произведеній, надобно упомянуть еще о множествѣ просянниковъ и имбирниковъ, куркумѣ, черномъ перцѣ, замѣчательныхъ злакахъ и прелестныхъ односѣмянодольныхъ, каковы: crinum asiaticum,

polyanthes tuberosa, methonica superba, множество amaryllis, pancratium, aloës, и проч., также о лавровыхъ деревьяхъ, дающихъ корицу и камфару, шамариндѣ, шафранѣ, деревѣ, дающемъ беновое масло; наконецъ, многочисленныхъ породахъ кассіи и баугиніи.

Хотя богатства ископаемаго царства Индіи были слишкомъ преувеличены, но страны здѣшнія дѣйствительно обилуютъ рудниками всѣхъ родовъ, и если-бы высшіе горные хребты были разработываемы, то, безъ сомнѣнія, въ нихъ открылись-бы новыя, неоцѣненныя сокровища. Золото, мѣдь, олово, желѣзо, соль попадаются въ Индіи, не смотря на то, что никакою надлежащею разработкою не думали еще извлечь изъ нихъ надлежащей пользы. Замѣчательно, что алмазныя копи въ Голкондѣ, по чудеснымъ разсказамъ столькихъ искателей приключеній, съ громкою славою перешедшія во всѣ возможныя географіи, что эти копи, которыми столь долго улещали легковѣрное воображеніе Европейцевъ, *не существуютъ*, и существовали только въ романическихъ сплетняхъ. Англійскіе минералоги осмотрѣли Голконду во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, перерыли въ ней всю землю, изучили ее геогностически, перебрали всѣ шуземныя преданія, справлялись съ архивами Серингапатнама, и выводомъ всѣхъ возможныхъ изысканій было то, что въ Голкондѣ *никогда не бывало копей алмазныхъ*. Въ вознагражденіе за это, драгоцѣнные алмазы находятся въ областяхъ Нишамъ и Балагаръ. Тамъ добываются

также рубины, сапфиры, аметисты, ониксы, и превосходный горный хрусталь.

Все это должно уступить богатству царства животных. Въ этомъ отношеніи, нигдѣ природа не показала себя столь роскошною и привѣтливою. Изъ числа млекопитающихъ, самыя многочисленныя животныя, конечно, обезьяны. Тысячами прибѣгаютъ онѣ въ города, цѣпляются по крышамъ домовъ, живутъ въ пагодахъ, и могутъ почесться почти домашнимъ животнымъ между Индійцами. Въ числѣ родовъ ихъ находятся: *гиббонъ, генонъ-каау,* съ огромнымъ носомъ, *генонъ-дукъ,* испещренная всякими цвѣтами, какъ швейцаръ католической церкви, длиннохвостый *мауди,* бѣлая обезьяна, или *веллакурангасъ,* большая черная обезьяна, *коринкурангасъ,* и, наконецъ, какъ говорятъ, удивительные роды *орангутанговъ.* Многочисленность обезьянъ въ Индіи была замѣчена въ древнѣйшія времена. Переходя изъ Персіи въ Пенджабъ, войско Александра встрѣтило такое множество *человѣкообразныхъ существъ,* что сначала подумало, не Индійцы-ли выступаютъ ему на встрѣчу; уже все готовилось въ битву, когда съ удивленіемъ распознали, что это были легіоны обезьянъ.

Въ сѣверной Индіи обитаютъ антилопы и олени всякихъ родовъ. Въ Бенгальскихъ лѣсахъ множество пестрыхъ оленей, съ бѣлыми пятнышками, какъ на нашихъ козахъ лѣтомъ; въ лѣсахъ Орисскихъ находится *джунгли-гау*, или *гіалъ*, дикая порода домашнихъ Индійскихъ быковъ. Я говорилъ уже о красивыхъ чернополосыхъ тиграхъ, живу-

щихъ по Гангесской дельтѣ. Въ другихъ мѣстахъ находятся черношерстный буйволъ, съ кривыми рогами, овцы съ шелковистою шерстью, длинноногая коза *майкай*, коза Непаульская, съ столь пушистымъ и красивымъ хвостомъ, что къ нему придѣлываютъ серебряную ручку, и употребляютъ его, подъ именемъ *чоури*, при Дворахъ всѣхъ Индійскихъ Набабовъ, вмѣсто опахала. Бѣлки, павлины, фазаны, дикіе пѣтухи и курицы, сдѣлавшіеся домашними во всѣхъ странахъ, подъ именемъ *Индійскихъ*; множество родовъ медвѣдей, и одинъ съ шерстью длиною въ футъ, долгое время причислявшійся къ породѣ *брадиповъ* (лѣнивцевъ), слонъ, носорогъ, геопардъ, чакалъ населяютъ лѣса, между тѣмъ, какъ рѣки Индійскія представляютъ болѣе 250-ти породъ туземныхъ рыбъ, во главѣ которыхъ надобно поставить гавіаловъ и двучешуйныхъ крокодиловъ — чудовищныхъ земноводныхъ, пожирающихъ другіе мѣлкіе роды. За ними слѣдуютъ громадныя пресмыкающіяся: ящерицы, ядовитыя змѣи, *боа*, достигающая до 80-ти футовъ въ длину; *найа* фокусниковъ, *урарлимпе*, *амфисвена*, называемая Португальцами cobra de duas cabeças.

Между птицами такое-же многоразличіе.—Красныя *лори*, бѣлыя *какатое*, эмалевыя *пситтаки*; далѣе *куруку*, съ золотыми и алыми перьями, *малкога* длинноносая, *кукалы* съ цвѣтными перьями, *бубы*, *таккбнды*, *едоліи*, *эвдинамы*, *сурнику*, *бородатки*, *дятлы* и другія прыгающія птицы; наконецъ великолѣпныя породы *дронговъ*, съ ярко-лазуревымъ цвѣтомъ перьевъ, *калиптомены*, съ изумрудными

перьями, *эвриланы* и *міофоны* цвѣта металлическаго. Присоедините ко всему этому самыхъ блестящихъ насѣкомыхъ, пчелъ, почти все дикихъ, и дающихъ душистый медъ, бабочекъ всякихъ цвѣтовъ, шелковыхъ червей, черныхъ и бѣлыхъ муравьевъ, огромную саранчу, летающую стадами.

Мнѣ должно остановиться въ очеркѣ естественныхъ богатствъ Индіи, ибо невозможно было-бы высказать ихъ всѣ. Природа сдѣлала для здѣшней стороны много — люди прибавили весьма немногое. То, что можно назвать земною промышленностью, ограничивается заведеніями хлопчато-бумажныхъ тканей, съ незапамятныхъ временъ образовывавшихъ собою одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза. Искуство ткать и красить хлопчатую бумагу, обработывать ее во всякія издѣлія, отъ грубой канвы до перкаля и сквозной кисеи—тайна, преданіемъ передаваемая въ нѣкоторыхъ Индійскихъ кастахъ изъ рода въ родъ. Считаютъ не менѣе 124-хъ родовъ бумажныхъ тканей, выдѣлываемыхъ въ Индіи, имѣющихъ каждая свое качество и отдѣльное назначеніе. Альде, гдѣ наболѣе производятъ ихъ, находятся большею частію въ окрестностяхъ Мадраса, Пондишери, Паліаката, Мазулипатнама, Визигапатнама и нѣкоторыхъ городовъ Орисса и Бенгала. Кромѣ бумажныхъ тканей, уважаются еще Сурашскія вышитыя ткани, Муршидабабскія шелковыя ткани, Кашемирскія сукна и шали, Патнаскіе ковры, Бенаресскія рогожки, Делійское бѣлое оружіе, филигранныя издѣлія Бенгала. Рядомъ съ фабричными

и заводскими издѣліями должно поставить произведенія земли, дополняющія итогъ вывоза: хлопчатую бумагу, сарачинское пшено, опіумъ, сахаръ, соль, перецъ, сапановое, тековое, сандальное дерева, гуммилакъ, индиго, корицу, шелкъ, кошениль, алмазы и другіе драгоцѣнные каменья, жемчугъ, рыбу, тигровыя кожи. Что касается до привоза, то реэстръ предметовъ его гораздо обширнѣе, ибо его составляютъ всѣ обработанныя Европейскія издѣлія—сукна, бархаты, огнестрѣльное оружіе, водка, пряденое золото, стальныя издѣлія, и проч. и проч.—Аравія отправляетъ въ Бенгалъ свой кофе, Бирманія свое тековое дерево, Молукскіе острова свою корицу и свой мушкатъ.

Изрытая, такъ сказать, слѣдовавшими одно за другимъ завоеваніями, населенная воинскими племенами, которыя болѣе стоятъ въ ней лагеремъ, нежели постоянно обитаютъ, Индія не можетъ представить точнаго и опредѣленнаго раздѣленія земель. Нынѣшнее дѣленіе совсѣмъ не относится къ первобытному, но зависитъ отъ устройства, какое придали Индіи Англичане. Можно принять здѣсь два рода топографіи: одинъ чисто-географическій, разрѣзывающій Индію на *Индостанъ* и *Деканъ*, сѣверную и южную сторону; другой политическій, раздѣляющій Индійскія земли на государство *Англо-Индійское*, союзъ *Сиковъ*, владѣнія *Синди*, царства *Синдіа* и *Непауль*, и наконецъ, частные Европейскіе участки.

Англо-Индійское государство-собственно дѣлится на три президентства: *Калькутту*, *Мад-*

расъ, Бомбай. Оно управляется Директорами Ость-Индской Компаніи, и подраздѣляется на области, изъ коихъ въ каждой находятся судья, казначей и еще по нѣскольку чиновниковъ. — Я говорилъ уже о Мадрасѣ и Калькуттѣ. Главное мѣсто третьяго президентства, *Бомбай*, обширный и прекрасный городъ, почти съ 200,000 жителей, находится на островѣ Бомбай, на Малабарскомъ берегу. Замѣчательныя зданія въ немъ: Англиканская церковь, дворецъ губернатора, базаръ, казармы, портъ, арсеналъ и великолѣпный храмъ Гебровъ, на освященіе котораго сходилась ликующая толпа поклонниковъ огня, со всѣхъ краевъ Азіи. Послѣ Калькутты, Бомбай самый торговый городъ Индіи и лучшій военный портъ Англійскій въ Индійскихъ моряхъ. На его верфяхъ выстроены прекрасные фрегаты и множество превосходныхъ купеческихъ кораблей. Кромѣ Европейскихъ домовъ, дѣйствующихъ на тамошнемъ торжищѣ, находится въ Бомбаѣ множество Гебровъ и Армянъ, занятыхъ торговлею и обладающихъ большими капиталами. Прибрежное плаваніе, въ слѣдствіе сего, дѣятельнѣе, нежели во всѣхъ другихъ Индійскихъ портахъ. Бомбай складочное мѣсто для товаровъ Малезіи, Персіи, Аравіи и Абиссиніи. Въ немъ издаются журналъ на туземномъ языкѣ и нѣсколько газетъ на Англійскомъ.

Въ президентствѣ Бомбайскомъ замѣчательны: *Магимъ,* городъ съ 15-ю тысячами жителей; *Элефанта,* островъ, принадлежащій къ купѣ Бомбайскихъ; *Танна,* на островѣ *Сальсеттъ,* самомъ боль-

шомъ изъ этой купы, съ подземельями, изсѣченными въ ущесахъ; *Пуна,* городъ съ 100,000 жителей, прежнее мѣсто обиталища Пейшва, или начальника Маратшскихъ племенъ, изгнаннаго войскомъ Англійскимъ въ правленіе маркиза Гастингса въ 1818 году; *Сурать*, знаменитый рынокъ Востока, и при упадкѣ своемъ все еще заключающій въ себѣ до 170,000 жителей; *Амедабадъ,* древняя столица Гузурата, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Азіи во времена путешественника Тевено, болѣе Монгольскій, нежели Индійскій, сохранившій донынѣ свои великолѣпныя мечети и до 100,000 жителей; *Камбай,* дающій названіе обширному заливу; *Биджапуръ*, или *Визапуръ*, нѣкогда столица знаменитаго царства, нынѣ до того упадшій, что Макинтошъ называетъ его Деккапскою Пальмирою; *Биснагаръ*, городъ чудесныхъ развалинъ, царь Индіи по своимъ памятникамъ, восходящимъ ко времени самаго цвѣтущаго состоянія Брамшизма и Индійскаго зодчества.

Въ Калькутскомъ президентствѣ, кромѣ городовъ, уже упомянутыхъ мною, представляются еще: *Дакка*, на старомъ Гангѣ, мануфактурный городъ, съ 200-ми тысячь жителей, древняя столица Индіи; *Муршидабадъ,* бывшій столицею Великихъ Моголовъ съ 1704 по 1771 годы, нынѣ обитаемый 160,000 жителей, мѣсто аппелляціоннаго суда и пребываніе Набаба, получающаго пенсію отъ Компаніи; *Гуръ* и *Раджемаль*, бывшіе поочередно столичными городами, первый съ баснословнымъ народонаселеніемъ, простиравшимся, по сви-

дѣтельству Монгольской книги *Ayen-Akbary* (Зерцало Акбара), писанной въ 1598 году, до *двухъ милльоновъ* человѣкъ; другой, гораздо менѣе славный и менѣе населенный; *Бергампуръ*, одинъ изъ шести главныхъ воинскихъ шаборовъ Англійскихъ въ Индіи, устроенный въ новѣйшія времена; казармы и домы въ немъ выпянуты въ щегольскомъ порядкѣ вдоль береговъ Ганга; *Патна*, столица Багара, съ 300,000 жителей; *Манджи*, знаменитый своимъ Баніанскимъ деревомъ, тѣнь котораго въ полдень имѣетъ до 1,116 фут. Англ. въ окружности; *Монгиръ*, Бирмингамъ Индійскій по своимъ стальнымъ и оружейнымъ заведеніямъ; *Боглипуръ*, славный ткачествомъ бумажныхъ и шелковыхъ матерій; наконецъ — *Бенаресъ*, столица Брамінизма, священный для Индійцевъ городъ, гдѣ отъ каждаго Индійскаго Раджи живетъ *вакиль*, или представитель его при духовныхъ обрядахъ. Бенаресъ считаетъ нынѣ до 600,000 жителей, но построенъ довольно плохо; украшенные верандасами и высокіе въ нѣсколько этажей домы простираются въ немъ вдоль береговъ Ганга; въ нихъ обитаетъ народонаселеніе, временное и постоянное, изъ ремесленниковъ, пилигримовъ, факировъ, но всего болѣе изъ толпы Браминовъ, главныхъ обитателей въ этомъ центрѣ религіознаго владычества Индіи. По улицамъ свободно бродятъ волы, посвященные Шива, обезьяны, покровительствуемыя богомъ ихъ Гануманомъ, и нищіе, надоѣдающіе всѣмъ благочестивымъ своимъ воплемъ и просьбами. Замѣчательнѣйшіе памятники Бенареса суть—

мечеть Ауренгзеба, храмъ Висвиша и обсерваторія раджи Джейзинга. Кромѣ того, въ Бенаресѣ есть множество училищъ Индійскихъ и Магаммеданскихъ, и въ числѣ ихъ Браминскій университетъ, основанный Англійскимъ правительствомъ, подъ названіемъ *Видалая*. Торговлю Бенареса составляютъ шали сѣверныхъ областей, шелковыя, бумажныя и шерстяныя ткани, Англійскіе товары, получаемые изъ Калькутты, алмазы и драгоцѣнные каменья. — Въ окрестностяхъ Бенареса находится *Газипуръ*, гдѣ помѣщенъ Англійскій таборъ, со времени Бенаресскаго возмущенія въ 1781 году. Это прекрасный и цвѣтущій городъ, славный своимъ благорастворенымъ климатомъ и полями розъ. Въ Газипурѣ умеръ Лордъ Корнваллисъ, и тамъ воздвигнутъ ему надгробный памятникъ, въ видѣ башни, страннаго и безпорядочнаго зодчества.—Розовыя Газипурскія поля, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ акровъ, представляютъ зрѣлище очаровательное. *Аттаръ*, или розовая эссенція, извлекается изъ розовой воды, или настойки розъ, которыя складываютъ, въ вольномъ воздухѣ, на ночь, въ открытые сосуды. При восхожденіи солнца бережно снимаютъ розовую эссенцію, плавающую на поверхности—это маслянистое вещество есть *аттаръ*. Чтобы достать аттара на вѣсъ одной рупіи (около $2\frac{1}{2}$ франковъ), надобно 200,000 развернувшихся розъ. Въ слѣдствіе такой дороговизны матеріяла, аттаръ доходитъ до безумной цѣны. — Газипурскій таборъ самый здоровый по своему положенію, изъ числа

всѣхъ Англійскихъ таборовъ, и потому посылаютъ сюда на отдыхъ полки, болѣе другихъ пострадавшіе въ мѣстахъ нездоровыхъ. Оставляемые въ Газипурѣ, нерѣдко съ женами и дѣтьми, на 10, 15 и 20-ть лѣтъ, Англійскіе солдаты и унтеръ-офицеры стараются устроить для себя удобства и удовольствія, напоминающія отчизну. Они снаряжаютъ театры, играютъ какъ умѣютъ, то простонародные фарсы, то Шекспировы трагедіи на солдатскій ладъ. По обычаю, введенному въ Индіи, каждый солдатъ можетъ имѣть Индійца въ услугѣ, и потому нерѣдко можно видѣть, что въ палаткѣ какого нибудь сержанта, его толстая, прелестная супруга предается сладостному бездѣйствію *сіесты*, а между тѣмъ невольники навѣваютъ на нее прохладу широкими опахалами.

Внѣ округа Бенаресскаго, 34 мили далѣе на западъ, при сліяніи Джумма и Ганга, лежитъ *Аллагабадъ*, почитаемый святымъ между Индійцами, цѣль ихъ благочестивыхъ странствованій. — За тѣмъ слѣдуетъ *Агра*, на Джумма, нѣкогда пребываніе Великаго Могола Акбара, нынѣ груда развалинъ. Географы еще недавно полагали здѣсь 800,000 жителей, вѣря разсказамъ Легу де-Фле; этотъ нелѣпый счетъ сведенъ на 60,000 Гамильтономъ, Англійскимъ путешественникомъ, сдѣлавшимъ много подобныхъ поправокъ въ своемъ любопытномъ путешествіи. Дворецъ Акбара; *Моти-Месжидъ*, мечеть, выстроенная изъ мрамора; *Таджи-Магалъ*, надгробный памятникъ, воздвигнутый Ша-Джиганомъ его любимой женѣ — свидѣтельствуютъ сво-

ими великолѣпными обломками прешедшее величіе мѣстопребыванія Индійскихъ властителей. Подлѣ Агры находятся: *Секандра*, знаменитая надгробными памятниками Акбара и министра его Абулъ-Фазеля (сочинителя *Айенъ-Акбари*); *Фаттипуръ*, крѣпость *Бгартпуръ*, *Биндрабандъ*, гдѣ замѣчателенъ огромный, крестообразный пагодъ. Гамильтонъ считаетъ его однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Браминизма.

Послѣдній, но важнѣйшій городъ здѣшней стороны—*Дели*, мѣстопребываніе тѣни прежнихъ Монгольскихъ властителей Индіи, *Великаго Могола*, который теперь ничто иное, какъ плѣнникъ, получающій пенсію отъ Ость-Индской Компаніи. Онъ живетъ во дворцѣ, великолѣпномъ зданіи, которое епископъ Габеръ считаетъ превосходящимъ знаменитый Кремль Московскій; это обширное собраніе разнородныхъ строеній изъ краснаго гранита, окруженное высокими стѣнами и глубокимъ рвомъ, объемлющее почти милю въ окружности. Здѣсь влачитъ бытіе, сохранившій гордое названіе Могола, *Мугаммедъ—Акбаръ*. Его императорскіе *дурбары*, или пріемы, производятся въ такомъ порядкѣ, какъ будто-бы онъ не по имени только былъ владыка Индіи. Когда Жакемонъ проѣзжалъ черезъ Дели, Его Могольское Величество непремѣнно захотѣлъ надѣть на путешественника почетный халатъ. Потомъ—невзначай, по кстати—спрашивалъ, есть-ли теперь *Король* во Франціи, и не по-Англійски-ли говорятъ Французы? Послѣ того путешественникъ былъ отпущенъ съ титуломъ *Са-*

гебъ-Багадура (знаменитаго побѣдителя), очень приличнымъ къ подвигамъ и занятію мирнаго ученаго странника. Впрочемъ, нынѣшній Моголъ красивый старикъ, почтеннаго вида, съ сѣдою бородою, которая льется бѣлыми волнами по его груди.

Съ давнихъ временъ мѣстопребываніе Индійскихъ монарховъ, Дели показываетъ это важное преимущество величіемъ и великолѣпіемъ памятниковъ, знаменующихъ собою исторію Монгольскихъ императоровъ. Дворцы и мечети видны въ немъ во всѣхъ сторонахъ. Изъ числа послѣднихъ, лучшая есть *Дженя-Месжидъ*, опоясанная колоннадою изъ краснаго гранита и мрамора. Длина зданія 240 футовъ; два минарета его по 120 футовъ въ вышину. Куполы, внутреннія украшенія, *кибла* (мѣсто Мекки) превосходятъ богатствомъ всякое ожиданіе. До нашествія Тахмасъ-Кули-Хана Дели былъ знаменитымъ мѣстомъ храненія сокровищъ, собранныхъ Монгольскими государями. Бѣдствіе, когда постигшее Дели, уничтожило его навсегда. Изъ 2,000,000 жителей, какъ полагали во времена Аурентзеба, число ихъ нынѣ убавилось до 200,000.— Англійскій чиновникъ постоянно живетъ въ Дели, для надзора надъ политическимъ властителемъ Индіи.

Кромѣ исчисленныхъ мною городовъ первой степени, Президентство Калькутское считаетъ еще значительными: *Чильмари*, славный пилигримствомъ браминовъ; *Динадпуръ* и *Парніа*, мануфактурные города; *Фарракабадъ*, съ 70,000 жителей; *Бареллн*, *Шаджанпуръ*, *Рампуръ* (столица одного

изъ князей Индійскихъ), *Рогилла*, съ 50,000 жителей, *Гардваръ*, маленькій городокъ на берегахъ Ганга, куда болѣе милльона Индійцевъ приходятъ ежегодно совершать благочестивыя омовенія; *Каттакъ*, столица Орисской области; *Яггернаутъ*, уже описанный мною; наконецъ *Балассоръ*, городъ упадшій, но все еще важный своими верфями и добываніемъ соли.

Въ Президентствѣ Мадрасскомъ находятся: *Конджеверанъ*, замѣчательный своими пагодами; *Аркотъ*, прежняя столица южнаго Карнатика; *Велморъ*, военный Англійскій таборъ; *Трипетти*, славный своимъ храмомъ. Потомъ, далѣе въ Карнатикѣ: *Триномали*, гдѣ пагодъ съ четырьмя башнями, и одна изъ нихъ въ 200 футовъ вышиною, 12-ти этажей; *Чилламбарамъ*, заключающій въ себѣ много пагодовъ пирамидальной формы; въ одномъ изъ нихъ устроенъ *Нерта-Шабей*, или *святилище вѣчности*, составленный изъ тысячи столповъ, безпорядочнымъ устройствомъ образующихъ параллелограмъ, среди котораго помѣщено святое мѣсто, или *наосъ*. Столпы, въ 30-ть футовъ вышиною, сдѣланы изъ гранита и покрыты религіозными изваяніями. Этотъ пагодъ, кажется, есть одинъ изъ древнѣйшихъ въ Индіи. Далѣе находится *Танджаоръ*, близъ Кавери, съ 30-ю тысячами жителей; здѣсь также есть храмъ, по словамъ Лорда Валентіа принадлежащій къ превосходнѣйшимъ пирамидальнымъ храмамъ Индійскимъ. За тѣмъ слѣдуютъ города: *Тричинополи*, съ 80,000 жителей, и *Серингамъ*, оба замѣчательные по своимъ храмамъ; *Рамессе-*

рамъ, остающійся постоянно во владѣніи Пандарамовъ; *Мадура*, нѣкогда столь важный и крѣпкій; *Кочинъ* и *Каликутъ*, города приморскіе и торговые; наконецъ, *Мангалоръ*, съ 30,000 жителей, занятыхъ прибрежнымъ торгомъ и плаваніемъ.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ здѣсь городовъ, составляющихъ непосредственное владѣніе Компаніи, находится еще много зависящихъ отъ нея условно. Таковы суть, въ царствѣ Аудскомъ, *Лукновъ*, съ народонаселеніемъ 300,000, гдѣ живетъ Набабъ съ своимъ великолѣпнымъ Дворомъ; въ Декканѣ, *Гайдеръ-Абабъ*, мѣстопребываніе Низама, населенное 200,000 Индійцевъ; *Эллора*, замѣчательный своими храмами, изсѣченными въ ущесахъ горы, и украшенными ваяніемъ, подобно Египетскимъ гипогеямъ; *Нагпуръ*, столица царства сего имени; *Барода* въ Гузуратѣ; *Джейпуръ* и *Джупуръ*, въ области Аджмарской, оба зависящіе отъ Раджапутовъ; *Индуръ* въ Малва, прежняя столица Маратовъ; *Мизоръ*, въ царствѣ сего имени, гдѣ Гайдеръ-Али и сынъ его Типпо-Санбъ столь долго противились Англичанамъ.

Владѣнія Индійскія, независящія отъ Компаніи, суть царства *Синдіа* и *Непауль*, союзныя области *Сеиковъ*, и княжество *Синдп*. Могучее лѣтъ за придцать прежде, при властителѣ своемъ Даулетъ-Рау, царство Синдіа нынѣ отвсюду стѣснено владѣніями Англо-Индійскими. Оно состоитъ изъ раздѣльныхъ областей *Агра*, *Мальва* и *Кандеишъ*. Главные города здѣсь: *Гуаліоръ*, съ 80,000 жителей, славный своею крѣпостью, вырубленною въ ущесахъ;

Уджейнъ, бывшій столицею Синдіа до 1810 года; *Бургампуръ* на Таппи, одинъ изъ самыхъ привольныхъ и хорошо выстроенныхъ городовъ Индійскихъ.

Союзъ Сепковъ можно уже называть *царствомъ Лагорскимъ*, съ тѣхъ поръ, какъ Рунжетъ-Сингъ взялъ первенство надъ всѣми Сеикскими владѣльцами. Это царство занимаетъ всѣ земли на сѣверъ отъ Англійскихъ владѣній до верхняго Тибета и области Кабульской. Оно дѣлится на верхній и нижній Лагоръ, или *Пенджабъ*, *Кашемиръ*, *Авганистанъ* и *Мултанъ*. Замѣчательны: *Лагоръ*, красивый городъ, на берегу Рави, среди цвѣтущихъ полей; *Амретсиръ*, главное мѣсто богослуженія Напекскаго, торговый и мануфактурный городъ; *Кашемиръ*, или по-Индійски *Серинганаръ*, (обитель благополучія), важный городъ, имя котораго столь извѣстно по шалямъ, въ немъ выработываемымъ и столь прославленнымъ повсюду; *Мултанъ*, который высокія стѣны и крѣпость едва защищаютъ отъ нападеній Авганцевъ.

Царство *Непаульское* ограничено на западъ Кали, на востокъ Кули, на югъ Англійскими владѣніями, на сѣверъ Китайскимъ Тибетомъ. Единственные города его, о которыхъ стоитъ упомянуть: *Катманду*, столица царства, мѣстопребываніе Раджи, и *Лалита-Патанъ*, болѣе правильный и лучше столицы населенный.

Княжество *Синди* отрывокъ отъ царства Кабульскаго, которому прежде было оно подвластно. *Гайдеръ-Абабъ*, столица его, находится на остро-

вѣ, образуемомъ рѣками Индомъ и Фулайли. Городъ этотъ замѣчателенъ своими оружейными фабриками. Хорошо защищенная крѣпость служитъ обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія властителей сей земли, принимающихъ наименованіе *Умировъ*—очевидное искаженіе Монгольскаго слова: *Эмиръ*. «Здѣсь (говоритъ Бурнесъ) собраны великія сокровища, состоящія въ рубинахъ, алмазахъ, жемчугѣ, изумрудахъ, слиткахъ золота, монетѣ, и проч. Синдійскій Умиръ обладаетъ кромѣ того богатѣйшимъ собраніемъ оружій.»

Изъ числа немногихъ Европейскихъ факторій, терпимыхъ донынѣ Великобританіею въ Индіи, я говорилъ о пяти небольшихъ Французскихъ колоніяхъ, и о *Серампурѣ*, принадлежащемъ Датчанамъ. Они обладаютъ еще *Транквебаромъ*, на Коромандельскомъ берегу, гдѣ утвердились съ 1616 года. Это красивый городокъ, устроенный по-Европейски, съ опрятными улицами и домами, которые украшены портиками. —Португальскія владѣнія въ Индіи все еще носятъ громкое названіе *Вице-Королевства Индійскаго*, хотя всѣ они заключаются въ нѣсколькихъ упалыхъ городахъ. Знаменитѣйшій изъ нихъ—*Гоа*, ничто иное, какъ пустыня, застроенная церквами и жилищами духовныхъ особъ. Нѣсколько монаховъ, десятка три монахинь, и сотня Индійцевъ, обращенныхъ въ Христіанскую вѣру — вотъ все народонаселеніе города, которому, по старой славѣ, придаются донынѣ во многихъ географіяхъ прилагательныя имена *цвѣтущаго* и *многолюднаго*. — Въ пяти миляхъ ниже Гоа находится

Панджимъ, или *Новая Гоа* (Villa-Nova), построенная на маленькомъ островѣ сего имени, морской пришпиъ, гдѣ сохраняются послѣднія преданія о благоденствіи и славѣ древняго Гоа. Тутъ живутъ Архіепископъ и Вицерой, съ немалыми расходами содержимые Лиссабонскимъ Дворомъ въ его Индійскихъ владѣніяхъ.

ГЛАВА XXI.

КАЛЬКУТТА.—ВОЙНА АНГЛИЧАНЪ ПРОТИВЪ БИРМАНОВЪ.—ЦАРСТВО БИРМАНСКОЕ.

Въ числѣ колецъ, недавно прицѣпленныхъ къ цѣпи Англо-Индійскихъ владѣній, и обозначаемыхъ обыкновенно подъ названіемъ *Индіи Загангесской* (Transgangétique), находится одно, за которое Компанія заплатила дороже, нежели чего оно стоило въ самомъ дѣлѣ. Я разумѣю здѣсь недавнія завоеванія, учиненныя Англичанами въ Бирманіи. Ихъ выгоды оказались далеко несоразмѣрны средствамъ, какія для пріобрѣтенія ихъ были употреблены.

Царство *Бирманское*, увлекшее вниманіе Европы и возбудившее опасенія Англичанъ своею борьбою противъ Компаніи, до сихъ поръ все еще остается несовершенно извѣстнымъ. Его первобытныя племена, *Бирманы*, или *Браманы*, царствовали нѣкогда, какъ говорятъ, надъ всѣми странами за Гангомъ. Въ разныя времена, слѣдуя успѣхамъ и неудачамъ побѣды, предѣлы Бирманіи распростра-

нялись и уменьшались. По даннымъ, сколько возможно вѣрнымъ, царство Бирмановъ въ настоящее время можно помѣстить между 6° и 27° сѣв. широты, и 90° и 99° долготы восп. — Такимъ образомъ, величайшая длина его составитъ около 525 льё, ширина до 180-ти, а вся поверхность около 40,000 квадр. льё.—Что касается до народонаселенія, извѣстія въ этомъ отношеніи чрезвычайно неопредѣленны и гадательны. Полковникъ Сеймесъ, въ 1795 году, полагалъ населеніе Бирманіи въ 5-ть милльоновъ, но Г-нъ Крауфордъ, въ 1826 году, считалъ его неболѣе, какъ въ *четыре милльона.*

Въ XVI-мъ столѣтіи, когда Португальцы явились въ Индіи, Бирманія составляла отдѣльное могущественное государство, завоеванное Монголами, подъ именемъ *Міенъ.* Такъ называлось оно издревлѣ. Арраканъ и Бенгалъ тогда принадлежали къ нему. Черезъ нѣсколько времени потомъ, Бирманы завоевали *Пегу*, при чемъ находился Португальскій искатель приключеній, нѣкто Мендезъ-Пинто. Черезъ сто лѣтъ послѣ сего, дѣла обратились въ пользу Пегуанцевъ; съ оружіемъ въ рукахъ выступили они изъ областей Далла, Марта-банъ, Топго и Пропо; при помощи Европейцевъ, разбили Бирмановъ во многихъ сраженіяхъ, и кончили завоеваніемъ столицы ихъ *Ава,* въ 1752 году. Но въ слѣдующемъ году возсталъ мститель Бирмановъ. Это былъ, звѣроловъ по своему занятію, *Аломпра.* Съ сотнею человѣкъ, начальствуя небольшимъ мѣстечкомъ, онъ воспротивился войску по-

бѣдителей, подкрѣпилъ себя нѣсколькими сообщниками, удачно нападалъ на отряды противъ него посылаемые, и кончилъ тѣмъ, что возвелъ родъ свой на тронъ Авскій. Онъ хорошо держался на немъ, не смотря на всѣ усплія Пегуанцевъ и внутреннія смятенія. Могущество его было такъ хорошо укрѣплено черезъ нѣсколько лѣтъ, что онъ двинулся на завоеваніе Сіама, и только смерть могла остановить его обширные замыслы. Въ краткое, но славное правленіе свое, онъ далъ землѣ своей направленіе къ благоденствію и образованію, исправилъ судебную часть, установилъ правильный сборъ податей. Около этого времени двѣ факторіи, Англійская и Французская, существовали въ одномъ изъ Пегуанскихъ портовъ. Вмѣсто поддержанія благоразумнаго неутралитета, начальники той и другой вмѣшались въ дѣла, одинъ за Пегуанцевъ, другой за Бирмановъ. Слѣдствіемъ было, что корабли, посланные Дюплейксомъ съ отрядомъ войскъ, были захвачены Аломпромъ, и по его повелѣнію перерѣзаны были солдаты и экипажъ кораблей.

Послѣ основателя новой династіи Бирманскихъ царей царствовалъ старшій сынъ его, *Мендераги-Прау*, съ 1761 года. Онъ защитилъ права свои отъ бунтовъ и заговоровъ. Послѣ него объявили царемъ малолѣтнаго сына его; но юный властитель скоро былъ низверженъ опекуномъ и дядею, *Шембуаномъ*. Этотъ сынъ Аломпра завоевалъ царство Сіамское, впрочемъ недолго удержалъ свое завоеваніе, и отразилъ 50-ти тысячное войско

Китайцевъ, пришедшее въ области, орошаемыя Ирравадди. Никакое важное политическое событіе не ознаменовало царствованій его наслѣдниковъ. *Шенгуза*, властитель ничтожный, но жестокій, былъ низвергнутъ заговоромъ своихъ вельможъ; *Моніенъ*, наслѣдникъ его, погибъ насильственною смертью, и очистилъ мѣсто *Мендераги-Прау*, основавшему города Амарапура, объявленнаго тогда столицею Бирманіи. Этотъ властитель завоевалъ Арраканъ, и заставилъ Сіамскаго владѣльца уступить себѣ часть областей, такъ, что всѣ приморскія мѣста Индо-Китайскаго полуострова до пристани Мергуи были подчинены власти его.

За временемъ военныхъ смятеній слѣдовало для Бирманіи время спокойствія. Едва не началась уже и въ то время война между Бирманами и новымъ непріятелемъ, страшнымъ болѣе всѣхъ другихъ. Нѣсколько Малайскихъ форбановъ учинили дерзкія своевольства, покровительствуемыя Англійскою конторою, находившеюся въ Шиттагонгѣ. Царь Бирманскій узналъ это обстоятельство, оскорбился нарушеніемъ дружбы, и отправилъ войско, требуя наказанія виновныхъ. Къ счастію, Англійское заведеніе было тогда начальствуемо храбрымъ и благоразумнымъ офицеромъ, маіоромъ Эрскиномъ. Онъ условился съ Бирманскимъ начальникомъ не начинать непріятельскихъ дѣйствій до полученія отвѣта изъ Калькутты. Дѣло кончено было миролюбиво. Въ слѣдствіе Шиттагонскаго переговора, сиръ Джонъ Соръ, бывшій потомъ лордъ Тенмоутъ, почелъ за полезное отправить оффиціяль-

ное посольство ко Двору Бирманскаго царя. Оно препоручено было капитану Сеймесу, издавшему потомъ описаніе своего путешествія, гдѣ въ первый разъ увидѣли надлежащее изображеніе Бирманской земли, до того времени описанной весьма неточно.

Доброе согласіе между Мендераги-Прау и Англичанами продолжалось послѣ посольства 1795 года лѣтъ семнадцать. Около 1811 года, Бирманъ Кинберринъ, важная особа въ царствѣ Аракапскомъ, нашелъ себѣ убѣжище въ Англійскомъ заведеніи, и укрылся въ Шиппагонгѣ, въ слѣдствіе какихъ-то неудовольствій съ Амарапурскимъ правительствомъ. Если-бы дѣло тѣмъ кончилось, можетъ быть, это событіе не имѣло-бы никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствій, но изгнанникъ собралъ на предѣлахъ Бирманіи недовольныхъ, присовокупилъ къ тому воинскія племена Муговъ, пошелъ на Аракапъ, и успѣлъ покорить его совершенно, кромѣ столицы. Можно подозрѣвать, что Англичане не оставались тутъ безъ участія. Но они торжественно отреклись отъ Кинберрина, и маіоръ Каннингъ былъ отправленъ къ Авскому Двору, для оправданія Компаніи въ сильныхъ подозрѣніяхъ. Въ теченіе почти четырехъ лѣтъ, до самой смерти Кинберрина, послѣдовавшей въ 1815 году, отношенія Бирмановъ къ Англичанамъ заключались во взаимномъ надзорѣ и недовѣрчивости. И самою смертью возмутителя не прекратилась непріязнь, ибо Муги продолжали сражаться, и разбитые бѣжали на неутральную землю Англичанъ, избѣгнувъ

шѣмъ должнаго наказанія. Бирманы хотѣли даже союзиться съ Маратами, бывшими тогда въ открытомъ возмущеніи, и дѣло устранено было только покореніемъ Маратскихъ народовъ Англіею въ 1818 году. Кончина Мендераги-Прау, въ 1819 году, только что болѣе усилила безпрерывно возраставшія несогласія.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его преемника была перемѣна мѣстопребыванія. Оставивъ Амарапура, онъ основалъ столицу въ *Ава*. Съ 1819-го по 1824 годъ слѣдовали событія довольно важныя, такъ, что могли произвесть разрывъ явный. Онъ вспыхнулъ наконецъ по поводу завоеванія *Ассамскаго* царства, равно пограничнаго съ сѣверною Бирманіею и восточными Англійскими владѣніями. Возбудивъ своими происками внутреннія раздоры въ Ассамѣ, Царь Бирманскій присоединилъ Ассамъ къ своимъ владѣніямъ, и такимъ образомъ сдѣлался прямымъ сосѣдомъ Англичанъ, и сосѣдомъ безпокойнымъ. Теченіе рѣки Брамапутры образовало границу двухъ соперниковъ. Островъ *Шапури*, на этой рѣкѣ, былъ занятъ Англійскимъ укрѣпленіемъ. Бирманы утверждали, что этотъ островъ принадлежитъ къ Ассаму, и безъ предварительнаго объявленія войны, въ Январѣ 1824 года, захватили его, овладѣвши притомъ Англійскимъ кораблемъ. На представленія Компаніи были отвѣтомъ взаимныя жалобы. Бирманы говорили, что Англійскіе агенты покровительствуютъ подъ рукою бунтовщикамъ въ Ассамѣ и Качарѣ. Захваченный корабль

былъ возвращенъ, но островъ, предметъ спора, Бирманы не отдавали.

Лордъ Амгерстъ, бывшій тогда Генералъ-Губернаторомъ Индіи, увидѣлъ, что кромѣ доказательствъ силою, ничѣмъ не льзя было убѣдить горделиваго Царя Бирманскаго. Дѣло началось въ области Качарской, гдѣ Англійскіе отряды вступили Бирманскія войска, приготовленныя къ вторичному вторженію въ земли Англичанъ. Значительныя битвы даны были при Будпаширѣ и Буддапурѣ, и 5-го Марта, въ Калькуттѣ сдѣлано было формальное объявленіе войны Бирманамъ.

Сначала продолжалась она на мѣстѣ первоначальныхъ сраженій. Столицу Ассамскую взяли приступомъ, и весь Ассамъ покорился-бы Генералу Морину, если-бы дождливое время не заставило прекратить военныхъ дѣйствій.

Въ теченіе этого принужденнаго перемирія, Генералъ-Губернаторъ перемѣнилъ планъ кампаніи. Вмѣсто продолженія военныхъ дѣйствій въ спорныхъ областяхъ, онъ рѣшился перенесть ихъ въ другія мѣста, и тѣмъ развлечь силы непріятеля. Приготовили высадку въ Рангунъ, приморское мѣсто при устьѣ Ирравадди, и такимъ образомъ морскія силы, въ случаѣ надобности, могли подкрѣпить движенія сухопутныхъ войскъ. Десять тысячь человѣкъ назначено было въ эту экспедицію; 13, 38 и 41-й полки Англійской пѣхоты, полкъ конницы, четыре, или пять батальоновъ Мадрасскихъ сипаевъ, двѣ роты артиллеріи, съ 16-ю пушками, и множество піонеровъ, отправились изъ

Мадраса и Калькутты, подъ прикрытіемъ многихъ военныхъ кораблей, начальствуемыхъ коммодоромъ Граттомъ. Все войско ввѣрено было повелѣніямъ Арчибальда Кемпбеля, полковника 38-го полка; его наименовали генераломъ. Послѣ остановки въ портѣ Корнваллиса, на Андаманскихъ островахъ, мѣстѣ сбора эскадры, корабли Англійскіе вступили 10-го Мая въ рѣку Рангунъ. Тутъ одного парохода *Діана* достаточно было разсѣять эскадру Бирманскихъ лодокъ, красивыхъ и раззолоченныхъ, изъ которыхъ иныя были до 80 футовъ длины, съ 52-мя гребцами и 150-ю воинами. Послѣ смѣлаго начала, 11-го Мая совершена была высадка; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ испугали Бирманскаго *вонгу* (начальника), и онъ, съ гарнизономъ, оставилъ плохія Рангунскія укрѣпленія, уводя съ собою, вмѣсто заложниковъ, нѣсколько попавшихся ему Англійскихъ купцовъ, и оставляя городъ во власть побѣдителей.

При извѣстіи о неожиданномъ вторженіи Англичанъ, Царь Бирманскій обнародовалъ воззваніе къ своему народу; отвѣтомъ было восторженное участіе Бирмановъ. По причинѣ дождливаго времени, остановившаго дѣйствія непріятелей, имѣли средства устроить силы и приготовиться къ защитѣ упорной. Съ своей стороны, Англичане не оставались въ довѣрчивомъ бездѣйствіи послѣ начальнаго успѣха. Владѣя Рангуномъ, они увидѣли важность этого приморскаго пункта, и рѣшились укрѣпиться въ немъ, пока будетъ возможно занять почку дѣйствій во внутренней Бирманіи, болѣе

выгодную. Здѣсь устроили сильныя укрѣпленія отъ города до великаго пагода Дагонова, находящагося въ двухъ миляхъ на С. З.

Пагодъ этотъ, называемый пуземцами *Позолоченымъ*, есть великолѣпный храмъ Буддійскій, посвященный Гутаму. Приблизившись къ нему по дорогѣ отъ Рангуна, надобно взойдши по крыльцу изъ ста ступеней на площадку къ аллеѣ, ведущей до главной часовни идола. Часовня эта представляетъ собою форму конической пирамиды, которую всего вѣрнѣе можно уподобить огромнѣйшему колоколу, поставленному на неровныхъ подмосткахъ, а къ верху сведенному острою съ полосками стрѣлою. Эта пирамида, въ 338 футовъ Англійскихъ вышиною, вся позолочена, ярко свѣтится на солнцѣ и далеко отбрасываетъ свѣтлые отливы свои. Окрестъ главнаго храма возвышаются шпицы множества *прау*, или маленькихъ пагодовъ, обставленныхъ по бокамъ чудовищными истуканами, похожими на Египетскихъ сфинксовъ, съ головами человѣческими и разныхъ животныхъ. Когда который-либо изъ сихъ прау, посвященныхъ Гутаму, разваливается, вмѣсто возобновленія, немедленно воздвигаютъ подлѣ него новый, такъ, что окружность большаго пагода всегда бываетъ обстановлена этими красивыми строеніями. Общность остроконечныхъ храмиковъ, маленькихъ, въ видѣ зонтиковъ, убѣжищъ, гдѣ укрываются поклонники, и различныхъ частей построенія, обремененныхъ позолотою и мозаикою, почти симметрическою по самой своей неправильности, увлекаютъ взоръ и

внушаютъ невольное удивленіе. Недалеко отъ святилища находится огромнѣйшій колоколъ, семь локтей въ вышину, пять локтей въ діаметрѣ, двѣнадцать дюймовъ въ толщину по краямъ. Надпись на Палійскомъ языкѣ, вырѣзанная на одномъ изъ боковъ, показываетъ, что колоколъ этотъ, около 1780 года, былъ принесенъ храму однимъ изъ князей Бирманскихъ.

Взглядъ на окрестности, съ высокой площади пагода, величественнъ. Вдали змѣятся *Ирравадди* и *Пегу*, оторачивающія своимъ сліяніемъ протяженіе жунглей и густыхъ лѣсовъ. Ближе къ пагоду, пестрѣютъ участки земли обработанной, покрытой различными нивами. Зрѣлище измѣняется и разнообразится остроконечными пирамидами, если приближаться къ Рангуну съ восточной стороны. Груда зелени закрываетъ тогда открытый видъ на долины, но лучше можно разсмотрѣть за то подробности священнаго убѣжища Бирманской религіи.

Побѣдители и полные хозяева Рангуна, Англичане не думали уважить религіозныхъ приличій храма Бирманскаго. Они осмотрѣли всѣ потаенности Дагонскаго капища. Пагодъ открытъ со всѣхъ сторонъ, и въ особеннаго рода желѣзной клѣткѣ, расписанной золотомъ и алою краскою, видѣнъ въ немъ кумиръ Гутама, которому посвященъ пагодъ. Святилище это, въ обыкновенное время, открывается только для *рагановъ*, или жрецовъ Будды, но, или изъ любопытства, или съ намѣреніемъ открыть сокровища, спрятанныя въ немъ, по общей молвѣ, Англійскіе начальники

осмотрѣли его болѣе нежели подробно. Въ послѣднемъ отношеніи, обозрѣніе ихъ оказалось безполезнымъ. Поиски, для которыхъ они взрыли даже землю, на довольно значительную глубину, едва доставили имъ нѣсколько металлическихъ статуекъ, продажею которыхъ заплатили копачамъ, употребленнымъ въ работу. Сокровища, если только были они въ Дагоновомъ храмѣ, безъ сомнѣнія, увезли съ собою во внутреннія области служители Гунама, оставившіе своего бога.

Между тѣмъ взятіе Рангуна Англійскими войсками ничего не рѣшило. Черезъ двѣ недѣли положеніе дѣлъ измѣнилось даже не въ пользу ихъ, и до такой степени, что Кемпбель былъ осажденъ Бирманами въ его укрѣпленіяхъ. Значительные отряды Бирмановъ заняли оба берега Ирравадди; они огородили станъ Британскій, и построили на всѣхъ путяхъ подвижные городки (stockades), родъ четыреугольныхъ блокгаузовъ, изъ тековыхъ досокъ, съ бамбуковыми палисадами. Въ этихъ укрѣпленіяхъ Бирманскихъ не были упущены ни правильность, ни твердость; во многихъ, ровъ внутри, ровъ снаружи дѣлали приступъ затруднительнымъ; въ иныхъ баштареи защищали отъ всякаго покушенія непріятельскаго. Впрочемъ, Бирманы, вообще взятые, составляли войско безстрашное, шли на огонь отважно, горячо, и не подавались назадъ, умирая на своихъ мѣстахъ. Съ первыхъ схватокъ, Англичане почувствовали, что начали дѣло уже не съ Индійцами.

Видя, что непріятель стѣсняетъ его весьма сильно, Кемпбель приказалъ бригадиру Мак'Кри очистить окрестности города; потомъ, сообразивъ дѣйствіе болѣе рѣшительное, отрядилъ 13-й полкъ, подъ начальствомъ маіора Саля, противъ городковъ Кемендинскихъ, въ двухъ миляхъ отъ Рангуна, между нѣмъ, какъ самъ лично пошелъ на урочище, называемое *Мысъ пагода*, въ трехъ миляхъ выше. Двойное нападеніе это кончилось счастливо. Маіоръ Саль напалъ на непріятельскій городокъ съ упорною отвагою, первый самъ пошелъ на стѣну, и не смотря на усильный огонь Бирмановъ, пробился сквозь палисады ихъ. Защищеніе было жестокое. Полунагіе, закрытые только фартукомъ по поясу, иные вооруженные ружьями, другіе саблями и копьями, туземцы шли на смертельные выстрѣлы и штыки Англійскіе, не щадя себя. Нѣсколько ихъ пало отъ руки храбраго офицера Мильна. Во внутренности укрѣпленія, гдѣ осажденные поспроили для себя хижины, кровопролитіе продолжалось нѣсколько часовъ. Англичане потеряли около ста, Бирманы нѣсколько сотъ человѣкъ. Остальные изъ нихъ успѣли перелѣзть черезъ загородки и убѣжать въ поле. Пока все это происходило въ Кемендинѣ, Мысъ пагода былъ атпакованъ Кемпбелемъ. Военные корабли *Ѳетида*, *Тенмоутъ* и *Спутникъ* произвели пушками своими главную очистку. Крутизны рѣчнаго берега были уставлены городками; ихъ сбили и обезоружили одинъ послѣ другаго. Солдатамъ оставалось ударить, прогнать и преслѣдовать защитниковъ.

Все это было только предвѣстіемъ дѣйствій болѣе значительныхъ. Августа 4-го, городъ и пагодъ Сейріемскій были завоеваны бригадиромъ Смелтомъ, хотя походъ во внутренности земли сильно опустошилъ Англійское войско. При нападеніи на пагодъ Килалу, бывшемъ 5-го Октября, огонь непріятельскій сдѣлался такъ силенъ, что сипаи струсили и пали ницъ лицомъ на землю. Самые Англійскіе офицеры признавались потомъ, что никогда не слыхали они такого жестокаго свиста пуль отъ стрѣльбы упорной и постоянной. Для взятія неважнаго поста, надобно было два раза ходить на приступъ.

Около половины Октября, Англійскій полководецъ расширилъ кругъ своихъ нападеній. Владѣя Рангуномъ, Сейріемомъ и островомъ Шедуба, онъ отправилъ отрядъ на Маршабанъ, Тавай и Мергуи. Велѣно было стараться возстановить Сіамцевъ противъ властителя Бирманскаго и воспользоваться ихъ помощью. Планъ этотъ не удался, но Маршабанъ и богатый пагодъ его были взяты приступомъ 30-го Октября; Тавай, Мергуи, область Тенассеримъ и область Эи покорились Англичанамъ.

Во всей этой мѣлкой войнѣ, Царь Бирманскій не приступалъ еще прямо къ дѣлу. Онъ ждалъ пока исполнится его повелѣніе о возстаніи всеобщемъ. Когда главное войско Бирманское изготовилось и вооружилось, какъ кто умѣлъ, часть его двинулась къ сѣверу, гдѣ ни одного важнаго дѣйствія до сихъ поръ еще не происходило. Другая пошла къ Рангуну, предводимая лучшимъ Бирманскимъ вож-

демъ, *Маа-Бундула*; она состояла изъ 60,000, и въ числѣ ихъ находилась гвардія царская, называемая *Неприкосновенною*.

Въ концѣ Ноября, Бундула явился передъ Рангуномъ, съ многочисленною артиллеріею и отрядомъ Кассайской конницы. Срубивъ множество деревьевъ, Бирманы огородили засѣками войска Кемпбеля. Бирманскій полководецъ думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи должны слѣдовать за успѣшнымъ окончаніемъ этого первоначальнаго дѣла, и что вскорѣ приведетъ онъ въ цѣпяхъ Англійскаго начальника къ *позлащеннымъ ногамъ* владѣтеля Ава.— Бирманскія войска начали свои нападенія. Жонки шуземныя устремились на Англійскій флотъ, между шѣмъ, какъ множество войска пошло въ лицо Англичанамъ и подъ огнемъ ихъ строило городки, для лучшей защиты нападающихъ. Пять дней этого занятія дали возможность Бирманамъ окружить укрѣпленіями весь Рангунъ, и лѣвое крыло ихъ начало сильно тревожить линію Англичанъ. Вылазка 1700 человѣкъ разрушила защитительныя строенія, и заставила Бирмановъ поспѣшно удалиться. Тогда Бундула соединилъ всѣ усилія въ центрѣ аппаки, прямо противъ большаго пагода. Его засѣки были здѣсь подвинуты такъ близко, что только полъвыстрѣла отдѣляло ряды Англичанъ отъ Бирмановъ. При такомъ положеніи дѣлъ, сиръ Кемпбель велѣлъ начать общее сраженіе. Ноября 8-го, въ четыре часа утра, всѣ баттареи Англійскія были открыты; онѣ гремѣли безпрерывно въ теченіе восьми часовъ, громили во всѣхъ направленіяхъ

городки Бирмановъ, осыпали непріятеля ядрами, картечами, гранатами, Конгревовыми ракетами, и такъ ужасно, что храбрость Бирманская содрогнулась и уступила. Ударъ маіора Саль на лѣвое крыло непріятеля принудилъ Бирмановъ къ общему отступленію. Они оставили даже нѣсколько пушекъ, и поле сраженія было покрыто 2000-ми непріятельскихъ труповъ.

Рангунъ освободился отъ блокады, но окрестная область не была еще свободною; черезъ пять дней, новыя укрѣпленія, новые городки построены были въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе, въ селеніи, называемомъ Коркенъ. Атакованные въ этомъ мѣстѣ, Бирманы оставили его, но утвердились еще далѣе, учреждая безпрерывно свои городки и палисады, съ такимъ искуствомъ и такою скоростью, что то и другое сдѣлало-бы честь лучшимъ инженерамъ Европейскимъ.

Нѣсколько времени, съ обѣихъ сторонъ, наблюдали другъ за другомъ, не пускаясь ни на что рѣшительное. Англичане не изъявляли намѣренія оставить берега; Бирманы, сдѣлавшись осторожнѣе, удерживались во внутреннихъ областяхъ къ сторонѣ Мунипора. Въ сѣверной области, они занимали весь Ассамъ, а на югѣ, по видимому, предприняли планъ только оборонительной войны, долженствовавшей истощеніемъ силъ непріятеля возвратить имъ всѣ выгоды, какія получили Англичане при началѣ дѣйствій.

Но Англичане не теряли бодрости. Компанія оказывала особенную настойчивость въ войнѣ;

опредѣлили открыть особенный заемъ, по 7-ми, или 8-ми процентовъ, только-бы привести дѣло къ желаемому концу. Войско сира Кемпбеля было усилено, и особенный корпусъ, подъ начальствомъ бригадира Морриссона, былъ устроенъ въ Шиттагонгѣ, состоя изъ 10,000 человѣкъ, для дѣйствій сообразно распоряженіямъ войскъ, занимавшихъ Рангунъ. Третій, болѣе значительный корпусъ долженъ былъ идти на сѣверныя области, Ассамъ и Качаръ. Такимъ образомъ, въ Январѣ 1825 года царство Бирманское долженствовало подвергнуться нападенію въ одно время съ трехъ пунктовъ, сѣвера, юга и центра.

Подполковникъ Ричардсъ открылъ кампанію взятіемъ столицы Ассамской, *Рунгпора*, гдѣ нашелъ до 200 пушекъ. Двинулся и Кемпбель, и 13-го Февраля вышелъ изъ Рангуна, съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, слѣдуя сухимъ путемъ, между тѣмъ, какъ генералъ Коттонъ отправился съ такимъ-же числомъ войска вверхъ по Ирравадди. Весь этотъ походъ былъ не безъ затрудненій и не безъ потерь. Англичане безпрерывно видѣли передъ собою убійственные городки, изъ которыхъ надобно было выбивать непріятеля съ большими усиліями. Кромѣ того надобно было бороться съ недостатками обезлюдненныхъ областей, довольствоваться припасами, которые привозили изъ Рангуна, уже на 100 миль оставшагося назади военныхъ дѣйствій, и отвагою и тактикою побѣждать несоразмѣрность съ силами многочисленнаго непріятеля. Такимъ образомъ, постепен-

но достигнувъ до Ленга, Кемпбель, подъ Донабевомъ, отмстилъ за пораженіе, претерпѣнное въ этомъ мѣстѣ Конпономъ, разбилъ сильное войско Бирмановъ, предводимое Маа-Бундуломъ, преслѣдовалъ его до Прома, гдѣ, не смотря на прибывшіе подкрѣпленія, Бирманскій полководецъ не смѣлъ дожидаться приближенія Англичанъ. Въ слѣдствіе сего, Промъ, защищаемый пушками, разставленными на высотахъ, и значительнымъ войскомъ, собравшимся близъ стѣнъ его, сдался 25-го Апрѣля, безъ малѣйшаго сопротивленія, Англійскому войску.

Пока Кемпбель дѣйствовалъ такъ удачно, Моррисонъ также занималъ области Бирманскія. Марта 26-го перешелъ онъ рѣку Вабраингъ, отнялъ высоты Магатши и Хеонгпела; потомъ двинулся къ горамъ, опоясывающимъ Арраканъ, гдѣ каждая высота превращена была Бирманами въ крѣпость, снабженную артиллеріею и войскомъ. Безплодное нападеніе было совершено 29-го Марта, но 1-го Апрѣля артиллеристы успѣли на слонахъ взвести баттарею на такую высоту, которая повелѣвала другими, и подъ ея выстрѣлами Англичане ударили въ штыки, захватили непріятельскія пушки, защищавшія проходъ. Этотъ первый успѣхъ сопровождался движеніемъ всей линіи Англійской, и непріятельскія позиціи были заняты, при помощи сипаевъ, доказавшихъ при семъ случаѣ свое безстрашіе. Побѣда стоила дорого побѣдителямъ, но имѣла слѣдствія рѣшительныя: Арраканъ отворилъ ворота Англичанамъ.

Такимъ образомъ, Кемпбель былъ въ Промѣ, Моррисонъ въ Арраканѣ, Ричардсъ въ Рунгпорѣ. Мало по малу, цѣпь военныхъ дѣйствій сближалась къ Бирманской столицѣ, и безъ помѣхи отъ наступавшаго дождливаго времени, уже и тогда корпуса, находившіеся въ Промѣ и Арраканѣ, могли-бы открышь между собою сообщенія.

Успѣхамъ Англійскаго вторженія, Бирманскіе полководцы противополагали систему медленія и оборонительной защиты. Истребляя всѣ пособія въ занимаемыхъ непріятелемъ земляхъ, они принуждали побѣдителей привозить припасы издалека, съ большими издержками. Наконецъ изъявлено было отъ Бирмановъ желаніе заключить перемиріе на мѣсяцъ, и въ теченіе этого времени начать переговоры о прочномъ мирѣ. Англичане согласились. *Ки-Вунги*, (первый министръ) пріѣхалъ въ Нембейзикъ, небольшой городокъ на берегахъ Иравадди, съ тысячью человѣкъ воиновъ, потому что представитель монарха съ *позлащенными ногами* не можетъ являться безъ провожатыхъ, подобно простому смертному. Со стороны Англичанъ съѣхались на переговоры Кемпбель, Брисбанъ и Коттонъ. Какъ ни желали мира взаимно, но ни въ чемъ не могли согласиться. Царь Бирманскій, а особенно Царица, имѣвшая надъ слабодушнымъ супругомъ своимъ безграничную волю, не хотѣла слышать ни о какихъ пожертвованіяхъ и уступкахъ, ни землями, ни плашою военныхъ издержекъ. Вмѣсто утвержденія тишины, переговоры рѣшились разрывомъ. Тридцать тысячь свѣжаго войска

усилили Бирмановъ; Кемпбель получилъ подкрѣпленіе съ своей стороны. Но вновь открышыя военныя дѣйствія ограничились только взаимнымъ наблюденіемъ и ошибками. При согласномъ дѣйствіи, Англійскія войска удержались въ своихъ линіяхъ, не смотря на нѣкоторыя неудачи. Въ половинѣ Декабря, они приготовились даже вдругъ ударить на Бирманскую столицу. Въ это время, два первые министра Бирманскаго Царя, *Ки-Вунги* и *Келіенъ-Менжи*, предложили начать снова переговоры. Новыя совѣщанія о мирѣ происходили на кораблѣ, поставленномъ между Маллупомъ и Патанагомъ. Послѣ многихъ возраженій и споровъ, продолжавшихся нѣсколько дней, мирный трактатъ былъ подписанъ, съ одной стороны Бирманскими министрами, съ другой генералами Кемпбелемъ и Коттономъ. Въ силу этого трактата, Англичане принудили Бирмановъ къ формальной уступкѣ четырехъ областей, *Арракана*, *Мергуи*, *Тавай* и *Эи*; кромѣ того положено, что *Ассамъ*, *Цитунгъ* и *Муниипоръ* будутъ управляемы раджами по выбору Компаніи; наконецъ, Бирманы согласились заплатить около 24-хъ милльоновъ франковъ (10-ть милльоновъ рупій) за военныя издержки. Условія столь тяжкія были приняты Бирманскимъ властителемъ не безъ сопротивленія и не безъ желанія избѣгнуть ихъ. Дѣло опять доходило до битвъ; но трактатъ утвердили въ Яндабо, когда Англійское войско находилось только въ 20-ти льё отъ столицы Бирманской.

Такъ кончилась война, стоившая Остъ-Индской Компаніи болѣе 100,000,000, и въ замѣну того

принесшая выгоды значительныя, но требующія новыхъ заботъ, непрочныя и сомнительныя. Бирманы показали въ этой войнѣ, что Британія встрѣтила въ нихъ противниковъ упрямыхъ, болѣе смѣлыхъ и болѣе искусныхъ въ военномъ ремеслѣ, нежели западные Индійцы. Ни одно изъ воинскихъ племенъ Индіи, постепенно подвергавшихся власти Компаніи, не представляло ей постояннаго ряда сопротивленій, столь хорошо соображенныхъ. Система засѣкъ и городковъ, до того времени нигдѣ не встрѣчаемая Англичанами, отчаянная борьба, нерѣдко бывшая удачною, все это доказало Британцамъ, что ихъ преобладаніе въ Азіи можетъ встрѣтить преграду. Для того, чтобы побѣдоносное войско Компаніи остановилось и заключило миръ передъ самою столицею, гдѣ могли надѣяться богатой добычи, вѣроятно, были сильныя причины, и—объ этихъ причинахъ ничего не говорятъ бюллетени побѣдителей.

Какъ-бы то ни случилось, но послѣ трактата дипломатическаго, Компанія приступила къ заключенію трактата торговаго, и Г-нъ Крауфордъ былъ посланъ въ Ава, въ 1827 году, для исполненія новаго дѣла. Въ путешествіи своемъ, онъ обозрѣвалъ Бирманію, какъ до него предпринималъ это Сеймесъ; Г-нъ Крауфордъ поправилъ многія замѣчанія своего предшественника. Ему одолжены мы новѣйшими и болѣе вѣрными извѣстіями о внутренней Бирманіи.

На 120-ть миль отъ устья Ирравадди, берега этой рѣки, прекрасные и тучные, не представля-

ютъ однакожъ ни малѣйшаго слѣда земледѣльческой обработки. Хижины мелькаютъ отъ времени до времени, но бѣдныя, окруженныя полями ничтожными, дурно воздѣланными. Только около Прома видъ страны улучшается, есть жатвы сезама, коноплей, сарачинскаго пшена. Въ Ренанъ-Хьяунгъ находятся знаменитые источники горнаго масла, употребляемаго шуземцами для освѣщенія и предохраненія строеваго лѣса отъ насѣкомыхъ. Источники эти, взятые совокупно, занимаютъ пространство около 16-ти миль квадр., а глубина нѣкоторыхъ отъ 200 до 250 футовъ. Масло, выходящее въ отверзтія земли, при температурѣ 90°, по Фаренгейту, течетъ въ бассейны, у которыхъ дно, сдѣланное въ видѣ цѣдилки, отдѣляетъ частицы водяныя, пока маслянистыя соединяются вмѣстѣ отъ прикосновенія воздуха. Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда Г-нъ Крауфордъ нашелъ окаменѣлыя кости единороговъ, гавіаловъ, мастодонтовъ, бегемотовъ, и другихъ животныхъ.

Для плаванія по Иррэвадди, Бирманы употребляютъ суда, на парусахъ и съ веслами, совершающія путь свой весьма быстро. При свѣжемъ вѣтрѣ, разстояніе до Рангуна, около 450 миль, проплываютъ въ пять дней, а обратно, противъ теченія, въ десять дней.

Въ Авѣ всего любопытнѣе противоположность бамбуковыхъ хижинъ обитателей съ пагодами, блестящими позолотою. Царскій дворецъ отличается отъ другихъ строеній обширностью и правильностью. Всѣ возможные споры о церемоніяхъ

были истощены, прежде нежели Г-нъ Крауфордъ былъ допущенъ на аудіэнцію къ Царю. То переводили его изъ одного жилища въ другое, потому, что случайно это жилище оказалось выше дворца, гдѣ обитаетъ Его Златоногое Величество, а такое обстоятельство показывало неуваженіе къ владыкѣ Бирманіи. То отказывались начать съ Англичанами переговоры потому, что при Дворѣ Авскомъ не находилось чиновника столь незначительнаго чина, какой имѣлъ посланникъ Британскій. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и еще болѣе продолжительныхъ совѣщаній, трактатъ изъ 24-хъ статей сокращенъ былъ въ четыре, и монархъ Бирманскій подписалъ его. Онъ исполнилъ это даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, когда министры увѣрили его, что Г-нъ Крауфордъ присланъ просить прощенія за побѣды своихъ соотечественниковъ, возвратить завоеванныя ими области, и съ почтеніемъ взнести обратно платежъ денегъ, вынужденный у Бирмановъ. Потомъ, узнавши дѣло лучше, Царь такъ разсердился на своихъ совѣтниковъ, что бросился на нихъ съ копьемъ, и, конечно, прокололъ-бы кого нибудь изъ нихъ, если-бы они не успѣли выпрыгнуть черезъ балконъ изъ той комнаты, гдѣ бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ съ Его Величествомъ. Подобные примѣры строгости кажутся обыкновенными при Авскомъ Дворѣ, и особенно бываютъ они при нынѣ царствующемъ государѣ. Неоднажды случалось, что Его Величество надѣлялъ пощечинами своихъ придворныхъ, и дралъ ихъ за уши,

довольно сильно. Какой-то придворный, по имени *Cappoa*, былъ такъ услужливъ, что Царь, разсердившись на него, ѣздилъ на немъ верхомъ. Кисейный шарфъ былъ вложенъ въ зубы придворнаго, и концы его держалъ въ рукахъ Царь Бирманіи, сидя на корточкахъ на спинѣ живоннаго новаго рода. Иногда, за малѣйшую небрежность по шибку, Царь осуждаетъ своихъ министровъ на наказанія болѣе важныя, на примѣръ: *nefru m'ha l'han the*, то есть, на выставку спиною на солнце, въ полдень, между тѣмъ, какъ спереди повѣшена на шею осужденнаго большая тяжесть.

Царь Бирманскій принялъ г-на Крауфорда въ павильонѣ съ столбами, во глубинѣ котораго возвышался тронъ, на 12-ть футовъ отъ полу. Потолокъ и столбы блистали самою яркою позолотою. Посольство ввели тогда только, когда посолъ и чиновники его разулись. Потомъ вступилъ въ залу Царь Бирманіи, при громѣ шумливой музыки. На немъ было платье вышитое золотомъ и украшенное драгоцѣнными каменьями. Вѣнецъ его составляла золотая шапка съ остроконечною верхушкою, похожею на шпицъ Буддійскаго пагода и осыпанною рубинами и сафирами. Въ рукѣ держалъ онъ *шоури*, т. е. хвостъ бѣлой козы, въ знакъ своей великой власти. При видѣ Его Бирманскаго Величія всѣ придворные три раза простерлись ницъ на землѣ. Англичане удовольствовались низкимъ поклономъ. Поклоненія начались снова, когда явилась Царица, и сѣла по правую сторону своего супру-

га. Платье и вѣнецъ ея блистали драгоцѣнными каменьями.

Послѣ прочтенія извѣстныхъ привѣтствій, когда государственный секретарь Бирманскаго царства объявилъ, что Англійскій правитель Индіи повергаетъ себя подъ златыя ноги *превосходнаго и славнаго повелителя земель и морей, начальника небесныхъ силъ, всѣхъ бѣлыхъ слоновъ*, и проч., аудіенція кончилась, и посольство начали увеселять зрѣлищемъ туземнаго праздника. На праздникъ этотъ сбѣжались всѣ придворныя дамы, въ своихъ щегольскихъ одеждахъ, съ красными, зелеными и бѣлыми полосами, и широкими, развѣвающимися покрывалами; супруга перваго министра прибыла въ своей колесницѣ — это былъ родъ шѣлеги, съ тяжелыми колесами и открытою клѣткою сверху; пара тучныхъ, бойкихъ воловъ везла этотъ экипажъ. Толпа туземцевъ обоихъ половъ заняла обширную загородку. Программа Бирманскихъ увеселеній была-бы продолжительна: начали плясками, забавными фокусами и куклами; потомъ были бѣгъ лошадей и слоновъ, сраженіе на водѣ, освѣщеніе, и фейерверкъ, состоявшій изъ огромныхъ шпукъ.

Царство Авское заселено семью разными племенами, изъ коихъ каждое говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ, различается нравами, богослуженіемъ и обычаями, но всѣ сходствуютъ главными чертами, общими народамъ, обитающимъ между Индіею и Китаемъ. Это собственно смѣшанное народонаселеніе племенъ *Монгольскихъ, Индійскихъ,*

Китайскихъ, Малайскихъ. Бирманы малорослы, крѣпки, ловки и красивы. Цвѣтъ кожи ихъ бронзовый; волосы черны, жесткіи, гладки и густы. Мужчины почти всѣ испещряютъ тѣло свое накалываніемъ на кожѣ таинственныхъ знаковъ, и за стыдъ почитается, если у кого-либо тѣло не бываетъ испещрено фигурами. Мужчины и женщины носятъ въ ушахъ серьги и позолоченныя шпильки. Употребленіе обуви всеобще, даже между простолюдинами. Женщины пользуются въ Бирманіи совершенною свободою, которой не отнимаютъ у нихъ ни религіозныя постановленія, ни обычаи. Онѣ могутъ быть почтены при томъ единственными работницами въ Бирманіи: только онѣ однѣ моютъ, прядутъ, ткутъ, красятъ хлопчатую бумагу, и выработываютъ полосатыя, или тканевыя ткани, употребляемыя въ Бирманіи.

Почти каждый Бирманъ умѣетъ читать и писать, но письменность и знанія Бирмановъ далеко отстали у нихъ отъ другихъ Азіятцевъ. Небольшія свѣдѣнія астрономическія заимствовали Бирманы у Индійцевъ. Поэзія ихъ вся состоитъ изъ духовныхъ гимновъ и лѣтописей въ стихахъ. Письмена Бирманскія, чрезвычайно просныя, составляются изъ кружковъ и полукружій, различно соединенныхъ. Языкъ Бирманскій есть смѣсь Палійскаго съ Китайскимъ. Что касается до религіи Бирмановъ, это очевидная смѣсь Буддизма съ Китайскою миѳологіею. У Бирмановъ есть шуземныя лѣтописи, и, кажется, опредѣленные исторіографы, которые насчитываютъ свыше двадцать царя въ Бирма-

ніи, начиная съ 301 года до Р. Х. — Впрочемъ, о достовѣрности и совѣстливомъ исполненіи обязанностей Бирманскихъ историковъ Авы можно судить по слѣдующей замѣткѣ, которую ввели они въ отечественныя лѣтописи, излагая войну съ Англичанами:

«Въ 1826 и 1827 годахъ—говорятъ Бирманскіе историки—Западные Бѣлые объявили войну Владыкѣ златаго дворца. Они пристали въ Рангунѣ, овладѣли этимъ мѣстомъ, а также и Промомъ, и имъ позволено было достигнуть даже до Яндабо, ибо Царь, по чувству благочестія и человѣколюбія, не учинилъ никакого имъ сопротивленія. Предпріятіе это стоило Бѣлымъ издержекъ безчисленныхъ; средства ихъ совершенно истощились, когда они приблизились къ Яндабо. Видя бѣдствіе свое, они послали прошеніе къ Царю, и, всегда милостивый и великодушный, онъ отправилъ къ нимъ значительныя суммы денегъ, для вознагражденія ихъ расходовъ, но за то приказалъ имъ немедленно выйдти изъ его владѣній.»

По дружественному и торговому договору, заключенному г-мъ Крауфордомъ, Англія пріобрѣла себѣ обладаніе берегами, начиная съ Бенгальскаго залива до Малаккскаго пролива. Это составило цѣпь пристанищъ между Индіею и Китаемъ, которая связывается далѣе Пуло-Пенангомъ и Синкапуромъ. *Мартабанъ*, составляющій часть уступки Бирмановъ, представляетъ обширную и великолѣпную рейду, гдѣ могутъ помѣститься всѣ флоты Великобританскіе. Три рѣки сливаются здѣсь, *Атарамъ*,

Генъ и *Салуанъ;* онѣ образуютъ подъ стѣнами Маршабана слiяніемъ своимъ обширное озеро, покрытое зеленѣющими островами. Салуанъ есть граница, отдѣляющая завоеванія Англичанъ отъ Бирманіи. Его объемъ замыкаетъ въ себѣ теченіе Атарама, рѣки не столь широкой, но гораздо глубже, и крутоберегой до того, что корабль, плывущій по ней на всѣхъ парусахъ, безопасно проходитъ подъ купами зелени прибрежныхъ лѣсовъ. Окрестныя земли, хотя способныя для всякаго обрабатыванія, оставались впустѣ лежащими, но едва узнали туземцы, что земли эти принадлежатъ уже Англичанамъ, двѣсти семействъ ихъ перешли за Салуанъ, съ придачею тысячами головъ скотины, и поселились подъ защитою новыхъ владѣльцевъ. Возвращаясь изъ своего посольства, Г-нъ Крауфордъ основалъ на мысѣ, господствующемъ Маршабанскимъ заливомъ, мѣстоположенiи превосходномъ, городъ *Амгерстъ*, предназначенный сдѣлаться складкою всѣхъ Англо-Бирманскихъ земель. Мудрыя правила безразличнаго покровительства и свободной торговли были объявлены для новаго города, такъ, какъ сдѣлалъ это въ Синканурѣ сиръ Стамфордъ Раффлесъ. При выгодной мѣстности и при такой системѣ, городъ Амгерстъ началъ распространяться и увеличиваться въ виду. Имѣвши при началѣ своемъ, въ 1828 году, 1,600 обитателей, онъ считаетъ ихъ теперь уже до 15,000.

Послѣ описанной нами войны, кончившейся въ 1827 году, ни одно событіе не обратило вниманія

Европейскихъ наблюдателей на Бирманію; только Естественная Исторія, Географія и Статистика этой страны, прежде столь мало знаемыя, были хорошо узнаны многими путешествіями во внутреннія области Бирмановъ. Такимъ образомъ Европейцы могли обозрѣть въ Авскомъ царствѣ породы млекопитающихъ, пахидермовъ и пресмыкающихся, общихъ ему съ другими землями Азійскими. Орнитологія представила до сихъ поръ только одну породу, кажется, особенно принадлежащую Бирманіи: это попугай, самый малый изъ всѣхъ извѣстныхъ, и не превосходящій величиною воробья. Цвѣтъ перьевъ его прелестный зеленый; грудь, горло и хвостъ ярко-алаго цвѣта, а кончики крылушекъ лазуреваго, блестящаго и гладкаго. Попугай этотъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Богемскимъ свирѣстелемъ. Говорятъ, что найденъ еще особенный жукъ, зелено-золотаго цвѣта, чрезвычайно блестящій, и употребляемый Бирманками вмѣсто привѣсокъ къ серьгамъ.

И въ Бирманіи, какъ въ Индіи, есть порода муравьевъ, которыхъ укушеніе чрезвычайно болѣзненно. Есть и другія породы муравьевъ крылатыхъ; кромѣ того, зеленые клопы и тысячи разныхъ насѣкомыхъ изобилуютъ въ Бирманской землѣ; за шесть, или за семь недѣль до наступленія дождливаго времени, всѣ эти насѣкомыя являются милліонами, покрываютъ столы, мебель, людей, наполняютъ зданія, пробиваются всюду, кишатъ въ воздухѣ, которымъ дышатъ обитатели, въ кушаньѣ, которое ѣдятъ они, въ винѣ, которое пьютъ. Ка-

жется однакожъ, что это нашествіе безпокоитъ только Европейцевъ; Бирманы не гадятъ крылатыми муравьями, и, напротивъ, собираютъ ихъ большіе запасы и сохраняютъ впрокъ. Для успѣшной заготовки такого запаса, довольно поставить нѣсколько блюдъ съ водою подлѣ огня, и всѣ они мгновенно наполняются крылатыми муравьями. Другое бѣдствіе Бирманіи есть родъ воронъ, сколько же крикливыхъ и хищныхъ, какъ Индійскія. Они схватываютъ цѣлыя гнѣзда птицъ, такъ, что мать не успѣваетъ защитить своихъ дѣтенышей. Чуть отворятъ дверь или окно — хищницы врываются, въ глазахъ человѣка уносятъ хлѣбъ, масло, яицы, гадятъ все своимъ звѣреніемъ, и могутъ быть названы настоящими *гарпіями* (*), ненасытными прожорами, отъ которыхъ можно защититься только запирая накрѣпко всѣ окна и отверзтія.

Хотя туземцы Бирманіи сильны и здоровы, но Европейцы нелегко пріучаются къ влажной и жаркой температурѣ тамошняго климата. Самая здоровая сторона Бирманіи есть въ то-же время самая обильная. Она заключается въ прибрежьи, по направленію отъ С. З. къ Ю. В. — Тутъ засѣвы сарачинскаго пшена столь-же обильны, какъ въ Бенгалѣ. — Къ сѣверу земля гориста, перерѣзана долинами, гдѣ хорошо родится сахарный трост-

(*) Миѳологическое чудовище древнихъ Грековъ, все пожиравшее, и извергавшее немедленно все, что пожрало. *Прим. Пер.*

никъ, шабакъ, индиго, хлопчатая бумага, и проч.— Тековое дерево Бирманскихъ лѣсовъ превосходно. Авское царство богато ископаемыми; подлѣ Банку находятся рудники золотые и серебряные; копи рубиновъ, сафировъ, и другихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ встрѣчаются въ Кеузъ-Меунѣ, и горахъ Болу-Таунъ, близъ Кандуана. Желѣзо, свинецъ, олово, антимонія, мышьякъ, сѣра сыскиваются во многихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ рѣкъ производятъ амбру; другія влекутъ золото въ пескѣ своемъ. Мраморныя ломки подлѣ Амарапура доставляютъ куски мрамора, неуступающаго бѣлизною и прозрачностью Каррарскому.

До утвержденія Англичанъ на Мартабанскомъ прибрежьи, главнѣйшіе промѣны произведеній Бирманіи происходили между сѣверными ея областями и Китайскою областью Юнанъ. Но теперь Ость-Индская Компанія перемѣнила направленіе торговли. Порты Рангуна и Мартабана сдѣлались общими рынками государства. Сюда идетъ строевой и корабельный лѣсъ, снабжающій Мадрасъ, Калькутту, и даже Бомбай.

У Бирмановъ, какъ и у Китайцевъ, десятеричная система счета, но монета ихъ нисколько ему не соотвѣтствуетъ. Самыя употребительныя деньги серебряныя *такалъ*, или *ткалъ*, вѣсящій 10 деньеровъ, 10 грановъ. Онъ раздѣляется на 4 *матти*, 8 *мусовъ*, или 16 *туби*. Вѣсъ составляютъ *му*, *туалъ*, *виссъ* и *канди*; сто мусовъ дѣлаютъ туалъ, сто туаловъ виссъ, а сто пятьдесятъ виссовъ канди, равняющуюся 227 килограммамъ. На ярмаркѣ

Джунксейлонской всѣ роды Индійской монеты и Европейскіе піастры находятся въ обращеніи.

Азбука Бирманская состављена изъ 33-хъ буквъ, съ нѣсколькими знаками, замѣняющими двугласныя и длинныя гласныя. Пишутъ Бирманы съ лѣвой стороны къ правой, и письмена ихъ отличаются разстановкою и чистотою.

Понятія Бирмановъ о космографіи, сообразно старымъ книгамъ ихъ, исполнены фантастическихъ мечтаній. По мнѣнію Бирмановъ, вселенная, или *лого*, уничтожаясь для возрожденія, постепенно перешла черезъ огонь, воду и вѣтеръ. Видъ земли плоскій, возвышенный къ срединѣ; горы окружающъ ее. Ученые Бирманскіе опредѣлили діаметръ, окружность и толщину земли, утверждая, что половину толщи составляетъ собственно-земля, а другую половину особенное твердое тѣло, и все это плаваетъ на двойной толщѣ воды, опирающейся на толщѣ воздуха, подъ которымъ простирается пустота. Въ срединѣ земли, такимъ образомъ устроенной, Бирманы ставятъ Міемно, величайшую изъ горъ; она поддерживается на трехъ карбункулахъ, и восточная сторона ея серебряная, западная хрустальная, сѣверная золотая, южная рубиновая. Кругомъ Міемно распространяются семь цѣпей горъ, одна другую вмѣщающія.

По книгамъ Бирманскихъ врачей есть 96-ть болѣзней, и на каждую лекарство, которымъ она вылечивается. Рецепты этихъ лекарствъ передаются изъ рода въ родъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе.

Обычаи Бирмановъ довольно кротки, но законы ихъ ужасные. Строгость наказаній доходитъ до варварства; самыя легкія суть шюрьма и кандалы; за тѣмъ слѣдуютъ плети, отрубленіе членовъ и рабство въ храмахъ, наконецъ смерть, и образъ ея измѣняется, смотря по прихотямъ судьи: осуждаютъ преступника на отрубленіе головы, распоронье живота, утопленіе, сожженіе за-живо, отдачу на съѣденіе звѣрямъ. Иногда пробиваютъ грудь преступника острымъ коломъ, или выставляютъ на берегу рѣки, привязаннаго къ столбу, такъ, чтобы его утопило первымъ приливомъ. Въ другихъ случаяхъ употребляютъ распинаніе на крестѣ, или заливаютъ горло расплавленнымъ свинцомъ. Впрочемъ, преступники показываютъ при всѣхъ такихъ мученіяхъ удивительную твердость. Одному бѣглецу палачъ распарывалъ животъ, а несчастный ѣлъ между тѣмъ бананъ. Съ военными плѣнниками поступаютъ Бирманы не лучше какъ съ преступниками; даже Англичане, впадшіе въ руки Бирмановъ во время послѣдней войны, были щадимы не болѣе злодѣевъ и разбойниковъ. Жадные и жестокіе тюремщики вымучивали изъ нихъ окупы за свое снисхожденіе. Утомленные безпрерывными требованіями, плѣнники рѣшились наконецъ отказать мучителямъ, но ужасное средство заставило ихъ снова соглашаться на все. Ноги каждаго изъ плѣнниковъ, находившихся въ одной комнатѣ, были скованы цѣпью, прикрѣпленною къ длинной перекладинѣ, которую веревки связывали съ стѣною шюрьмы. Однажды ночью, внезапно пробуж-

денные, плѣнники почувствовали себя висящими на воздухѣ, внизъ головою — перекладину нихонько подняли тюремщики съ одного конца. Оставаясь нѣсколько времени въ этомъ нестерпимомъ положеніи, несчастные согласились на всѣ условія своихъ палачей, и отдали имъ все, что у нихъ было.

Догматы и обряды религіозные у Бирмановъ сходствуютъ съ Китайскими и съ Индійскими. По мнѣнію Бирмановъ, женщина умершая въ родахъ дѣлается злымъ духомъ, если ее не закляснь. Для выполненія заклятій, мужъ идетъ въ головѣ похоронаго шествія, махая своимъ оружіемъ и кривляясь, какъ сумасшедшій. Удостовѣрившись, что покойница дѣйствительно умерла въ родахъ, объявляютъ разводъ ея съ мужемъ, открываютъ животъ умершей, извлекаютъ изъ него плодъ; вдовецъ три раза обходитъ вокругъ гроба, возвращается домой и моетъ себѣ голову, являясь снова только къ сожженію тѣла.

При погребеніи *рагана*, или *пунги* (жреца), начинаютъ бальзамированіемъ тѣла; потомъ трупъ кладутъ въ ящикъ, наполненный медомъ и накрѣпко закупоренный. Между тѣмъ все приготовляется къ обряду. Въ назначенный день, толпа народа сходится въ долинѣ, предварительно назначенной. Тутъ на высокой колесницѣ стоитъ косперъ, на которомъ должно произвесть сожженіе. Едва поставятъ на косперъ гробъ, толпа раздѣляется на двѣ части, и каждая изъ нихъ старается увлечь колесницу въ свою сторону. Дѣло не обходится безъ порядочныхъ толчковъ. Наконецъ, по-

бѣда остается на одной сторонѣ, и ей предоставляютъ великую честь зажечь костеръ. Обыкновенно гробъ ставятъ въ это время въ деревянную форму, въ родѣ мортиры, наполненную порохомъ и фейерверочными штуками. По данному знаку, колесница, костеръ, останки жреца, все взлетаетъ на воздухъ. Исполняя такимъ образомъ послѣдній долгъ, толпа соблюдаетъ глубокое молчаніе, вмѣсто шумныхъ восклицаній, ему предшествовавшихъ.

Забота сожженія тѣлъ передается *сандалам*ъ, или паріямъ Бирманскимъ. Это, большею частію, преступники, которымъ облегчено наказаніе. Сандалы, прокаженные, нищіе и гробовщики повинуются строгой власти одного изъ вельможъ Бирманскихъ, назначеннаго ихъ господиномъ и правителемъ. Своевольно окладываетъ онъ податью селенія подчиненныхъ, продаетъ имъ позволенія на временный выходъ въ другія мѣста, свидѣтельствуетъ признаки, по которымъ опредѣляется проказа и больные поступаютъ въ его владычество.—Другую поганую касту составляютъ въ Бирманіи рабы храмовъ; ихъ униженіе также бываетъ наслѣдственное. Каждый Бирманъ считаетъ себя нечистымъ, если сидѣлъ съ ними, или раздѣлялъ пищу.

Со времени Яндабоскаго договора, прежнее мѣстное дѣленіе Бирманскаго царства совершенно измѣнено. Области, остающіяся во власти повелителя Авы, суть *Бирма, Пегу*, верхній *Мартабанъ*, и нѣкоторые участки, платящіе дань. Замѣчательны города: *Ава*, нынѣшняя столица Бирманіи, го-

родъ обширный, но населенный едва-ли 40,000 человѣкъ; *Амарапура*, столица во время предшествовавшаго царствованія, на лѣвомъ берегу Иравадди. Коксъ, въ 1795 году, полагалъ въ ней до 175,000 жителей, а теперь едва-ли есть 30-ть тысячъ. Другія мѣста: *Сайгангъ*, прошивъ Ава, на Ирравадди, съ множествомъ разрушенныхъ пагодовъ; холмы, окружающіе его, уставлены храмами, раззолоченными и возвышающими шпицы свои къ небесамъ; *Промъ* вмѣщаетъ въ себѣ до 10,000 жителей; *Пегу* столица царства сего имени, совершенно упадшаго со временъ Аломпра. Здѣшній Буддійскій храмъ *Шамаду*, пирамида изъ кирпичей и извесшки, восьмиугольная въ основаніи, безъ всякаго отверзтія, округленная къ верху, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Азіи. Вышина сего памятника 290 футовъ, а окружность у подошвы до 1134 футовъ. На верхушкѣ его поставленъ родъ желѣзнаго зонтика, позолоченый, 51 футъ въ окружности. Жрецы, находящіеся при этомъ храмѣ, увѣряютъ, что онъ построенъ болѣе нежели за 2000 лѣтъ. Послѣдній замѣчательный городъ Бирманіи *Рангунъ*, мѣсто высадки Англійскихъ войскъ, о которомъ я уже говорилъ подробно.

Часть завоеванная Англичанами составляется изъ царства *Арраканскаго*, царства *Ассамскаго*, областей *Качаръ*, *Джинтіа*, *Гарраунъ*, и другихъ, а также изъ земель на западъ отъ Салуана, какъ-то: *Мартабанъ*, *Эи*, *Тавай*, *Танассеримъ*, и проч. — Единственный городъ пуземный на всемъ этомъ

пространствѣ, стоящій упоминанія, *Арраканъ*, обезлюдѣвшій и упавшій нынѣ. Но для Англичанъ не было надобности, что внутренній край ихъ завоеванія неблагоденственъ и небогатъ, когда они успѣли захватить себѣ ключи всего царства Бирманскаго, овладѣвъ лучшими мѣстами приморья. Это приморье, изрытое глубокими и безопасными пристанищами, представляетъ такую разницу съ плоскими и опасными прибрежьями Коромандела, что рано или поздно мѣста пристанищъ для мимоплывущихъ кораблей должны перейдти отъ Бенгальскихъ береговъ къ Маршабану и Мергуи. Если къ этимъ выгодамъ присовокупить выгоды внутренней торговли Индо-Китайскаго полуострова, и то, что земля Бирманская, плодоносная и годная на обработку всякаго рода, будетъ со временемъ передавать Англичанамъ богатыя и многочисленныя произведенія свои, нѣтъ сомнѣнія, что полуостровъ Загангескій вскорѣ станетъ на первую степень торговыхъ странъ Азіи.

ГЛАВА XXII.

СУМАТРА.

Калькутта такая чудная, такая славная сторона, въ ней такъ хорошо понимаютъ, что̀ такое въ вещественной жизни значитъ *comfort* (*), въ ней столько усладительныхъ наслажденій роскоши и довольства, что право, нелегко съ нею проститься. Уже давно прошелъ срокъ моего пребыванія, назначенный по моему плану путешествія, а все еще не смѣлъ я признаться самъ себѣ, что желалъбы найдти какую нибудь оговорку для моей дальнѣйшей задержки. И — сказать-ли? — страна, гдѣ надобно было мнѣ узнать столь многое; вѣра, которую изслѣдовать такъ любопытно; исторія Англійскаго владычества, столь мало вѣдомая Англи-

---

(*) Кажется, *непереводимое* слово? Французы приняли его, вмѣстѣ съ словами: groom, raut, dandy, humour, и другими, выражающими самобытный характеръ любезнаго *Джонъ-Буля. Прим. Пер.*

чанамъ по ихъ предразсудкамъ, другимъ народамъ по ихъ незнанію мѣстности; разсказы о войнахъ, столь непохожихъ ни на какія другія — столько причинъ важныхъ и неоспоримыхъ, все это были второстепенныя причины продолжить мое пребываніе въ Калькуттѣ, услаждаемое дружескими ласками Вильмота! Наконецъ, разсудокъ представилъ мнѣ всю опасность моего положенія—не предупреждая Вильмота, я договорился съ однимъ Голландскимъ морякомъ, отправлявшимся въ Суматра. Едва послѣ того имѣлъ я время обнять моего добраго друга, пожать руку отцу его, раскланяться, съ сердечною горестью, съ его сестрами, и—при помощи моего сиркара — бѣжалъ, бѣжалъ опроменью на корабль, куда уже перевезены были мои пожитки! Давно сказано, что бѣгство и путешествіе суть лучшія лекарства прогнивъ болѣзней головы и сердца — я испыталъ это на себѣ. И если надобно въ такомъ случаѣ бѣжать — бѣгите моремъ! Переселясь на корабль, вы переселитесь въ другой міръ, міръ плывучій, гдѣ забываются всѣ суеты твердаго міра — здѣсь другая стихія, другой небосклонъ, другая жизнь, другіе нравы. Дня два будете вы чувствовать грусть сердечную, тоску душевную. Но заплативъ такую дань человѣческой слабости, вы ощутите, какъ легкія ваши расширяются отъ свободнаго воздуха океанскаго, голова ваша освободится отъ мечтательности, и отъ всего что останется за вами вдали и скроется въ волнахъ — сохранится одно перло жизни — воспоминаніе минувшаго счастія!

Жизнь моряка, жизнь кочевая, беззаботная, однообразная, дѣятельная порывами, такова, что испытавъ ее, полюбите непремѣнно. И, слава, Богу! что такъ дѣлается. Безъ этого, гдѣ-бы нашли мы тысячи людей, оставляющихъ женъ и дѣтей своихъ, друзей и милыхъ сердцу — и для чего-же? для прогулки по морямъ за 25-ть франковъ въ мѣсяцъ жалованья!

Едва дохнулъ я воздухомъ моря — всѣ мои сердечныя горести исцѣлились, рѣшительно исцѣлились. Вмѣсто роскошнаго стола Вильмота, я принялся за солонину и тощихъ куръ моего любезнаго Голландскаго Колумба. Широкое поле опять раздвинулось для моего любопытства: оставляя Индію, я видѣлъ передъ собою архипелагъ Малайскій, Сіамъ, Кохинхину, Филиппинскіе острова, Китай, Австралныя земли, столь новыя, столь увлекательныя для наблюдателя.

Черезъ нѣсколько дней плаванія, при свѣжемъ З. Ю. З. вѣтрѣ, мы прошли линію архипелага *Андаманскаго,* лежащаго на разстояніи почти 200 льё отъ устьевъ Ганга. Имя этихъ острововъ долго было ужасомъ мореплавателей. Населенные поколѣніемъ дикимъ и свирѣпымъ, очевидно принадлежащимъ къ великому семейству Малайцевъ, Андаманскіе острова донынѣ не подверглись колонизаціи Европейцевъ. Опытъ дѣланъ былъ, нѣсколько лѣтъ тому, на восточномъ берегу Большаго Андамана; Англичане устроили заведеніе въ портѣ Корнваллиса, гдѣ превосходное якорное стоянье ограждено отъ всѣхъ вѣтровъ, а воды и лѣса вдо-

воль. Но нездоровость климата и непріязненность туземцевъ скоро принудили новыхъ колонистовъ оставить начатое заселеніе. — *Большой Андаманъ* сорокъ льё въ длину и десять въ ширину. Къ южному краю его придвинутъ *Малый Андаманъ*, столь-же возвышенный и лѣсистый, какъ и Большой, только гораздо меньше его пространствомъ. Но не одного рода опасность грозитъ здѣсь мореплавателю: утесистые берега запрудняютъ путь его; морской разбой страшитъ совершенною гибелью. Изъ своихъ лѣсовъ, туземцы ждутъ кораблей, захваченныхъ безвѣстіемъ, или пострадавшихъ отъ бурь. Худо вооруженные суда купеческіе окружаетъ иногда куча лодокъ островскихъ и беретъ приступомъ. Экипажъ умерщвляютъ, грузъ захватываютъ, корабль топятъ. Если разобьется какой нибудь корабль на мѣляхъ здѣшнихъ острововъ — это пиръ и веселье туземцамъ, до сихъ поръ сохранившимъ, какъ говорятъ, вкусъ къ человѣческому мясу.

Южнѣе Андаманскаго, почти на 80-ть льё, лежитъ архипелагъ *Никобарскій*. Подъ вѣтромъ его прошли мы черезъ три дня потомъ. Главный изъ этихъ острововъ, *Большой Никобаръ*, былъ занятъ нѣкогда маленькою колоніею Данчанъ; лихорадки здѣшняго влажнаго климата заставили колонистовъ бросить заведеніе, хотя оно находилось у залива обширнаго и безопаснаго. Съ моря, Никобаръ являетъ видъ мрачный и печальный. Его гористая и покрытая лѣсами земля населяется небольшимъ числомъ дикихъ племенъ. Въ противность Андаман-

цамъ, дикари здѣшніе кротки, робки, гостепріимны, но, лишенные всякой промышленности, гибнутъ отъ голода и бѣдности. Постоянные дожди во все время Ю. З. муссоновъ, и болотистыя испаренія подъ лучами пламеннаго солнца, производятъ здѣсь болѣзни, не щадящія даже природныхъ жителей.

Большой Никобаръ, довольно узкій въ ширину, имѣетъ въ длину около 12-ти льё. Остатокъ архипелага состоитъ изъ острововъ меньшихъ, и они, кажется, здоровѣе главнаго. Обитатели ихъ, по видимому, не коренные туземцы, подобно жителямъ большаго острова. Они разводятъ плоды и овощи, содержатъ птицу, собираютъ кокосы, и продаютъ все это кораблямъ, пристающимъ въ ихъ хорошо закрытыхъ гаваняхъ. Женщины Никобарскія стройны и красивы; въ нихъ нѣтъ ничего Малайскаго, и можно подумать, что земли здѣшнія населены Индійцами, которыхъ передвинули сюда случайныя бури, или переселеніе.

Отъ Никобара до Паданга, находящагося на З. берегу Суматра, будетъ около 180-ти льё. Мы проплыли это разстояніе въ шесть дней, и 20-го Іюня 1830 года передъ нами показалась гора *Офиръ*, или *Гунонгъ-Пазаманъ*, возвышенная на 2165 туазовъ отъ поверхности моря. Вечеромъ стали мы на Падангскомъ рейдѣ.

Падангъ городъ съ 10,000-ми жителей, попеременно бывшій въ обладаніи Португальцевъ, Англичанъ и Голландцевъ. Онъ достался окончательно Голландіи, по размѣнному трактату, заключенному

въ 1824 году. Нѣсколько торговыхъ домовъ утвердилось въ этой факторіи, одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ рынковъ для торговли перцомъ.

Суматра, самый западный изъ острововъ, названныхъ въ прежнее время *островами Зондскими*, оканчиваетъ собою на С. З. часть *Океаніи*, которую можно назвать вообще *Малезіею* (*). Хотя и старались перенесть къ этому острову имя *Тапробаны*, придаваемое поочередно Мадагаскару и Цейлану, но, кажется, не льзя доказать, чтобы Древніе народы знали его, и еще меньше, чтобы они называли его Тапробаною. Нѣкоторые изъ географовъ находили *Ахемскій* мысъ въ Птоломеевомъ *Джаба-Дью*, или *Ява-Диръ* (мысъ ячменя), но это этимологическое предположеніе слишкомъ недостовѣрно. Первое опредѣленное извѣстіе о Суматра восходитъ не далѣе 1173 года, когда Арабы посѣтили и описали его, подъ именемъ *Рамни*, *Ламери*, или *Саборма*. Черезъ столѣтіе послѣ того, Венеціянинъ Маркъ-Павелъ, разсказывая свои чудесныя похожденія, говорилъ объ островѣ *Малая Ява*, такъ, что не льзя не узнать въ немъ Суматра. *Анделисъ* есть названіе, даваемое Суматра окрестными народами.

Суматра простирается отъ С. З. къ Ю. В., въ длину, на 380 льё. Его перерѣзываетъ цѣпь горъ, протягиваясь вдоль острова, но есть отъ Ю. В. къ С. З. — Второстепенныя цѣпи отдѣляются

(*) См. томъ I, стр. 31.

отъ центра и окружаютъ четыре большія озера, изъ которыхъ течетъ вода быстрыми потоками и величественными водопадами. Малое расширеніе наклоновъ отъ главнаго хребта горъ препятствуетъ этимъ потокамъ сдѣлаться широкими, большими рѣками. Изъ числа горныхъ вершинъ есть огнедышащія, какъ-то: *Берапи*, возвышенная на 2033 туаза, и *Гунонгъ-Дембо*, высотою въ 1877 туазовъ. *Айеръ-Рая*, волканъ сильнѣйшій другихъ, находится въ рядахъ горъ впоростепенныхъ.

Хотя и пересѣкаемый палящею равноденственною линіею, Сумапра не испытываетъ жаровъ, сожигающихъ страны болѣе близкія къ тропикамъ. Стоградусный термометръ рѣдко восходитъ здѣсь выше 29° 5′, между тѣмъ, какъ въ Бенгалѣ достигаетъ онъ до 38°. Температура измѣняется на островѣ сообразно зонамъ. На нѣкоторыхъ внутреннихъ плоскостяхъ, жители принуждены по утрамъ разводить огонь, во время холодныхъ утренниковъ. Не смотря на то, на Сумапра нѣтъ снѣгу, даже на высотахъ превосходящихъ Пикъ Теперифскій. Иней и градъ здѣсь вовсе невѣдомы. Единственныя событія атмосферическія суть густые туманы, называемые здѣсь *кабутъ*, которыхъ въ теченіе двухъ часовъ не могутъ разсѣять самые яркіе лучи солнца, и частыя бури во время С. В. муссона, сопровождаемыя молніями и громами. Муссоны здѣшніе вѣютъ почти въ одно время и одинаково съ Индійскими: юго-западный, или *сухой*, начинается въ Маѣ, кончится въ Сентябрѣ; сѣверо-восточный, или *влажный*, начинается въ Декабрѣ,

кончится въ Мартѣ. Иногда эти постоянные вѣтры сбиваются вѣтрами Сумапрской земли; преоборая муссонъ при захожденіи солнца, островскіе вѣтры продолжаются нерѣдко цѣлую ночь и часть утра.

Многіе до излишества увеличивали нездоровость Сумапрскаго климата. Дѣйствительно, западная сторона береговъ нездорова; болотистая и пропитанная влажностью испареній, она жестоко губитъ Европейскихъ мореплавателей, пристающихъ сюда для торга перцемъ, и, кажется, оправдываетъ свое названіе: *Берегъ лзвы;* но все прибрежье на В., отъ мыса Ахемскаго до острова Банка, являетъ мѣста здоровыя и прекрасныя.

Почва Сумапра, вообще, земля тучная, красноватая, покрытая слоемъ чернозема, отчасти известковаго свойства. На этой второй оболочкѣ растутъ густая трава, кустарникъ и превосходный лѣсъ. Болота, обильныя по всей западной части, въ иныхъ мѣстахъ составляютъ обширныя озера, усѣянныя островками, а земли къ югу сплошь являютъ густые и непроницаемые лѣса. Въ цѣпи высокихъ горъ, образующихъ собою какъ будто стѣну по срединѣ острова, заключаются ископаемыя богатства всякаго рода. Золото, мѣдь, желѣзо, олово, сѣра, селитра, земляной уголь, напаль (родъ мыловатой земли), горный хрусталь находятся во множествѣ по разнымъ частямъ острова, но добываніе ихъ трудно и мало прибыльно.

Не смотря на внѣшнюю тучность, земли Сумапрскія, въ произведеніяхъ земледѣльческихъ, не выполняютъ того, что обѣщаютъ по видимости.

Глинистое свойство верхнихъ слосвъ и малая толщина ихъ, дѣлаютъ пичтожною жатву почти всего, что ввѣряется ихъ нѣдрамъ. Потому Малайцы и Европейцы мало занимаются земледѣліемъ; только Китайскіе, колонисты, терпѣливые и рабопящіе болѣе другихъ, доспигаютъ, при помощи удобреній, до вознагражденія труда своего неблагодарною почвою. Главные засѣвы суть: сарачинское пшено, бетель, перецъ, гвоздика, кокосы, и нѣкоторыя красильныя растенія. Сарачинское пшено, возращаемое на Сумашрѣ, бываетъ двухъ родовъ—одно сѣютъ на высокихъ и сухихъ земляхъ, другое на низкихъ и мокрыхъ; первое бѣлѣе, крупнѣе и лучшаго вкуса, а второе обильнѣе и болѣе обще. Сѣяніе начинаютъ во время постоянныхъ дождей, то есть около Октября; сборка бываетъ черезъ полгода потомъ, то есть во время сухаго муссона.—Послѣ сарачинскаго пшена, самое полезное для Сумашры произрастеніе кокосъ; здѣсь всего болѣе дорожатъ сердцевиною орѣха, служащею приправой почти всѣмъ кушаньямъ пуземцевъ. Извлекается еще изъ кокосовъ масло для жженія, и напиткъ, которому даютъ перебродить, и называютъ потомъ *тодди*; почка листьевъ, прежде плода вырастающая на деревѣ, или кокосовая капуста, употребляется вмѣсто зелени; изъ волокнъ орѣха вяжутъ вѣнички; кора пейдетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, для веревокъ: Сумашрійцы предпочитаютъ для этого *ротангъ* (rottin) и *еджу*. — Значительныя насажденія бетеля, или *пенанга*, не только удовлетворяютъ потребленію

мѣстному, но снабжаютъ еще и другіе Малайскіе острова, требующіе его значительное количество. Употребленіе бетеля можетъ почесться однимъ изъ указаній на происхожденіе народа въ этомъ Океанійскомъ архипелагѣ, населенномъ народами столь различными. На Сумапра производится еще множество пряностей для употребленія Восточныхъ народовъ; далѣе, Кайенскій перецъ, куркума, коріандръ, кардамонъ и имбирь. *Ану*, родъ пальмы, производитъ сахаръ, называемый туземцами *джаггари*, и хотя туземцы имѣютъ сахарный тростникъ, но употребляютъ его только для жеванья, какъ лакомство. *Сезамъ, джаракъ* (изъ зеренъ котораго извлекается рициновое масло (palma Christi), *кратy*, или шелковица пигмей, конопля, иньямы, саговое дерево, кукуруза, сладкіе папапы, и множество родовъ овощей, дополняютъ роспись произзбеній, съ успѣхомъ обрабопываемыхъ на Сумапра. Между красильными произведеніями считаютъ индиго, сапанъ, *убаръ* (родъ краснаго дерева), и *кассумбо* (carthamus des Indiens). Въ числѣ плодовыхъ деревъ должно отличить: *мангустанъ*, это диво Индіи, которому приписываютъ столько чудесныхъ свойствъ; *дюріонъ*, у котораго бѣлое зерно имѣетъ вкусъ жареnаго луку, и, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ качества возбудительныя; жакьеръ, хлѣбное дерево, *биллингбинъ, ланса, бранганьеръ, жамбозьеръ*, банапъ, ананасъ, померанецъ, и проч. — Флора туземная вмѣщаетъ въ себѣ богатства неисчислимыя: всѣ различія Азіятскаго материка находятся въ ней, рядомъ съ произве-

деніями особенно принадлежащими Малайскому архипелагу. Замѣчательнѣйшіе изъ сихъ послѣднихъ суть: *печальное дерево*, sounda-maloune по-Малайски, расцвѣтающее только ночью, и *раффлезія*, найденная на Суматра и Ява Арнольдомъ; огромнѣйшій цвѣтокъ его, въ почкѣ похожій на кочанъ капусты, развернувшись, составляетъ діаметръ въ три фута, вѣситъ 15-ть фунтовъ; въ тычинкѣ его вмѣщается 12-ть пинтъ жидкости. Безъ сомнѣнія, этотъ цвѣтокъ самый огромнѣйшій въ мірѣ, ибо, считавшійся донынѣ самымъ огромнымъ, Aristolochia cordiflora, по описанію Гумбольдта, имѣетъ не болѣе 16-ти дюймовъ въ діаметрѣ.

Но изъ всѣхъ произведеній Суматра ни одно столь не драгоцѣнно и столь не полезно, какъ *перецъ*, главный предметъ вывоза. Растеніе, производящее эту пряность, есть родъ стелющагося ліана, съ деревянистымъ стволомъ; листья его темнозеленые, сердцеобразные, ѣдкіе, почти нестерпимые для вкуса. Цвѣтъ бѣлый; плодъ виситъ гроздьями, похоже на смородину, только длиннѣе и плотнѣе. Зернушки, зеленые сначала, спѣя, дѣлаются ярко-красными, а потомъ, высушенныя на рогожкахъ, принимаютъ этотъ черный, морщинистый видъ, въ какомъ доставляются къ намъ. Зерна дерева лучше удобреннаго, лучше сохраняютъ свою крѣпость; въ торговлѣ называютъ такой сортъ *перцомъ тяжелымъ;* менѣе шучный, онъ качества земли, или по другой причинѣ, бываетъ болѣе рыхлъ, скорѣе крошится, и такой перецъ именуютъ *легкимъ*. Перечное дерево садятъ здѣсь,

какъ виноградъ въ Европѣ, однообразными линіями, по прямымъ угламъ. Плодоносіе перца начинается обыкновенно съ третьяго года и продолжается до двадцатаго. Сборка производится два раза въ годъ, большая въ Сентябрѣ, малая въ Мартѣ. То, что называютъ *бѣлымъ перцемъ*, не есть особенный родъ: это зерна отборныя, съ которыхъ снята верхняя оболочка. —Приготовивъ запасы перца во внутреннихъ областяхъ, нагружаютъ его на бамбуковые плоты, которые какъ стрѣла летятъ по водянымъ потокамъ; близъ впаденія малыхъ рѣчекъ въ большія перегружаютъ его въ огромныя туземныя лодки, могущія пробиться сквозь приморскій бурунъ и вывезти грузъ въ море, гдѣ передаютъ его, или прямо на Европейскіе корабли, или Малайскимъ прибрежнымъ торговцамъ, для отвоза въ Падангъ, Бенкуленъ, Таппанули.

Другое значительное произведеніе Суматра *камфара*, называемая Малайцами *capour barrous*. Съ отдаленнѣйшихъ временъ, Борнео и Суматра славились на Востокѣ этимъ произведеніемъ, качества котораго были превознесены Арабами. Камфара есть слѣдствіе сгущенной кристаллизаціи, совершающейся въ сердцевинѣ камфарника, дерева столь высокаго и столь толстаго, какъ доброе строевое дерево, достигающаго иногда до 15-ти футовъ въ окружности. По звуку, какой издаетъ дерево отъ удара палкою, туземцы узнаютъ что въ немъ есть камфара. Въ такомъ случаѣ рубятъ его, тщательно раскалываютъ, и собираютъ въ сердцевинѣ матерію окристаллованную, но легкую,

разсыпчатую и чрезвычайно легко разводимую—это чистая камфара, цѣна которой разнится по добротѣ ея. Главный сбытъ производятъ въ Китай, гдѣ Сумашрскую камфару предпочитаютъ Японской, болѣе летучей и менѣе способной пропитаться дѣйствію воздуха. Вещество, извѣстное подъ именемъ *камфарнаго масла* производится не тѣмъ деревомъ, изъ котораго извлекаютъ кристаллованную камфару. Хотя и называютъ это вещество масломъ, но скорѣе оно есть жидкая, летучая смола, неимѣющая никакихъ маслянистыхъ свойствъ.

Бензуй, или дензуй, есть также обильное произведеніе Суматра. Онъ течетъ изъ одного дерева, весьма обыкновеннаго въ землѣ Баттовъ. Это родъ гуммы, или смолы, бѣлой, мягкой, пахучей; чистая при первомъ разрѣзѣ дерева, она теряетъ свои качества по мѣрѣ теченія, и наконецъ выходитъ самый простой сортъ ея. Бензуй вывозятъ въ Аравію, гдѣ употребляютъ его величайшее количество; лучшіе сорты идутъ въ Европу, и тамъ служатъ для различнаго употребленія.

Другіе предметы вывоза суть: *Cassia lignea*, обыкновенная *корица*, добываемая, подобно камфарѣ и бензую, безъ всякой предварительной обработки, въ сѣверной части острова; *ратангъ*, камышъ, весьма крѣпкій, вывозимый въ Европу цѣлыми грузами и употребляемый на трости; *шелковистая хлопчатая бумага* (Bombax), вещество прелестное на видъ и осязаніе, по своему лоску, мягкости, тонкости, но не весьма годное для употребленія,

по коротокости волоконъ, разрывчатости и непрочности ихъ, почему и служитъ оно наиболѣе для набивки подушекъ и постелей. Дерево производящее эту бумагу распространяетъ вѣтви свои отвѣсно, но при рядомъ около ствола, такъ, что онѣ образуютъ по стволу треугольники, въ равномъ одинъ отъ другаго разстояніи; такая правильность формъ заставила назвать дерево *зонтичнымъ*, потому что, дѣйствительно, оно походитъ на зонтикъ. На Суматра родятся также посредственные сорты кофе, гебеновое и тековое дерева, желѣзное дерево (мачты котораго, до 70 футовъ длиною, доставляютъ въ Палембангъ), сандальное и алоевое дерева.

Суматра отправляетъ еще въ Кантонъ много пироковъ особеннаго лакомства для Китайскихъ столовъ и угощеній—*салангановыхъ*, или ласточкиныхъ гнѣздъ. Птица, вьющая эти гнѣзда, составляетъ ихъ для дѣтенышей своихъ изъ слизистыхъ веществъ, и прицѣпляетъ въ высокихъ ущельяхъ горныхъ, гдѣ видны они, какъ будто маленькія чашечки. Туземцы производятъ сборку ихъ по два раза въ годъ, взбираясь на бамбуковыхъ лѣстницахъ къ самымъ упесистымъ скаламъ, и собирая тамъ гнѣзда, какими онѣ усѣяны.

Среди всѣхъ этихъ богатствъ, по, которому съ перваго взгляда можно-бы позавидовать болѣе другихъ — *золото*, даетъ самые бѣдные барыши. Золотые рудники Паданга и Менангъ-Кабу едва производятъ столько, чтобы можно было заплатить добычею за издержки работы. Хотя г-нъ

Крауфордъ возводитъ до 36,000 унцій количество золота, собираемаго на всемъ островѣ, но трудно допустить такой итогъ, и, кажется, вѣрнѣе опредѣлить его съ другими наблюдателями отъ 12-ти до 15,000. Добываніе золота почти исключительно предоставлено Малайскому населенію, за исключеніемъ первобытныхъ туземцевъ Суматра. Вездѣ, гдѣ только можно набрать, хоть немного, драгоцѣннаго металла, утвердились Малайцы, какъ-то: въ Лемунѣ, Ботангъ-Асси, Пюкалангѣ и Ямбу. Золото добывается двухъ родовъ, одно ископаемое, другое промываемое изъ песка. Индѣ золото являются металлическими чистыми жилками, и нерѣдко крупинками, въ шесть и семь унцій. Въ другихъ мѣстахъ находятъ его въ нечистыхъ качествахъ, блѣднаго, землянистаго цвѣта. Малайцы производятъ работу такъ невѣжественно и лѣниво, что Англичане и Голландцы, поочередно думали о томъ, какъ извлечь болѣе барыша изъ драгоцѣннаго металла Менангъ-Кабу; но послѣ тщательныхъ испытаній, тѣ и другіе отказались.

Суматра считаетъ много родовъ животныхъ, общихъ ему съ южною Азіею. Лошади здѣшнія малы, но складны, смѣлы и мочны. Коровы, овцы, козы также величины посредственной. Въ лѣсахъ водятся слоны, однорогіе носороги (гораздо меньше прочихъ своихъ Африканскихъ собратій, съ кожею покрытою пятнами и щетинами, коротикими волосами), бегемоты, царскіе тигры, черные медвѣди (питающіеся кокосами), выдры, дикобразы, козы, черныя антилопы (съ сѣрою гривою), выху-

холь, и много родовъ обезьянъ, изъ которыхъ замѣчательна Simia nemestrina, съ бородавчатымъ рыломъ, кажется, особенно принадлежащая здѣшней сторонѣ.

Въ Суматрскихъ лѣсахъ встрѣчаются донынѣ *орангутанги* (Pythecus satyrus), кажется, болѣе похожіе на Вурмбовыхъ *Понго,* нежели на Африканскихъ черныхъ орангутанговъ. Въ прежнія времена, эта удивительная порода обезьянъ, по видимому, обиловала въ Суматра, но теперь сдѣлалась она весьма рѣдка. Однимъ изъ превосходныхъ образцевъ живописнаго сего рода должно почесть того орангутанга, о которомъ говоритъ докторъ Авель Клеркъ (въ XV-мъ томѣ *Азійскихъ изслѣдованій*, 1826 года). «Машрозы лодки, бывшей подъ начальствомъ г-дъ Краггейманъ, офицеровъ брига *Маріи-Анна-Софіи* (говоритъ Клеркъ), сошли на землю въ Рамбунѣ, близъ Турамана, на С. З. берегу Суматра, и по срединѣ рѣдкой рощицы замѣтили орангутанга исполинской величины. Увидѣвъ людей, звѣрь соскочилъ съ дерева, на которомъ сидѣлъ, но замѣтивъ, что на него хотятъ напасть, вскарабкался на другое дерево. На бѣгу казался онъ похожимъ на человѣка высокаго роста, покрытаго темноватыми, лоснящимися волосами, и отъ времени до времени долженъ былъ опираться, то упверждаясь о землю на рукахъ, то хватаясь за вѣтви по дорогѣ. Когда уцѣпился онъ снова за дерево, силы его оказались вполнѣ: онъ скакалъ съ вѣтви на вѣтвь, съ сучка на сучекъ, такъ-же проворно, какъ самая маленькая и ловкая

обезьяна. Напрасно стали-бы стрѣлять въ него въ рощѣ густой и частой, куда успѣлъ онъ убѣжать, потому что звѣрь прыгалъ съ дерева на дерево гораздо скорѣе, нежели лошадь бѣжитъ по землѣ галопомъ. Его ловкость и гибкость были столь велики, что невозможно было даже успѣть прицѣлиться въ него. Только употребивъ особенный родъ тактики (срубивъ около него множество деревьевъ), могли остановить бѣгъ его, и тогда выстрѣлили въ него изъ нѣсколькихъ ружей. Одна пуля попала ему, вѣроятно, въ легкія, потому, что вдругъ изрыгнулъ онъ множество крови. Думали, что онъ уже совсѣмъ издыхаетъ въ своемъ вѣтвистомъ убѣжищѣ, какъ вдругъ, къ великому удивленію ловцевъ, звѣрь вспрыгнулъ снова и побѣжалъ къ другимъ деревамъ. Бросились за нимъ, окружили его, отрѣзали ему путь. Тогда, далекій отъ уступки, храбрый дикарь, не боясь числа, выпрямился и принялъ положеніе человѣка, рѣшившагося защищаться до послѣдняго издыханія. Его кололи копьями; онъ схватилъ одно изъ нихъ и переломилъ на двое, *какъ будто морковь*, по добродушному разсказу моряковъ. Но послѣ сего усилія, чувствуя истощеніе силъ, звѣрь принялъ выраженіе умоляющей скорби; онъ захватывалъ свои раны, и показывалъ на нихъ, столь жалостно, что моряки, горячо преслѣдовавшіе его, почувствовали сожалѣніе. Мертвый орангутангъ этотъ былъ предметомъ удивленія для самыхъ туземцевъ, никогда не видывавшихъ подобнаго въ своей сторонѣ. Растянутый на землѣ, онъ имѣлъ до 6-ти футовъ въ

вышину, и цѣлою головою превосходилъ самаго рослаго изъ мапрозовъ. Тѣло его было весьма соразмѣрно; спина широкая и четыреугольная, низъ тонкій, глаза большіе, хотя и меньше человѣческихъ по сравненію. Носъ казался обозначеннѣе, нежели у обезьянъ другихъ породъ. Ротъ весьма широкій. Курчавая борода, орѣховаго цвѣта, въ три вершка длиною, украшала губы и щеки, и дѣйствительно казалась болѣе украшеніемъ, нежели безобразною приставкою къ лицу; руки были длинны несоразмѣрно. Красота зубовъ, которые всѣ оказывались цѣлы, служила доказательствомъ, что животное было еще не старо. Волосы, покрывавшіе все тѣло его, были гладки, нѣжны и блестящи. Что особенно удивляло всѣхъ—это живучесть, позволявшая животному еще оказывать чувство, послѣ стольких ударовъ смертельныхъ. Сила мускуловъ долженствовала быть у него весьма велика, потому, что раздраженіе фибръ являлось даже и тогда, когда трупъ орангутанга былъ уже перенесенъ на корабль и повѣшенъ для сниманія кожи. При этомъ дѣйствіи, совершенномъ черезъ долгое время послѣ его издыханія, прикосновеніе ножа произвело ужасающее движеніе мясистыхъ частей. Такой родъ гальванической жизни былъ столь изумителенъ, что когда дошли до спинныхъ частей, Капитанъ приказалъ остановить работу, и сначала отрубить голову животному. Орангутангъ этотъ, вѣроятно, случаемъ забѣжавшій въ тѣ мѣста, гдѣ его убили, долженствовалъ бродить весьма долго прежде того, потому, что

ноги его были по колѣна въ грязи. Безъ сомнѣнія, вышелъ онъ изъ непроницаемыхъ лѣсовъ, начинающихся въ нѣсколькихъ льё отъ мѣста поимки его, и куда не осмѣливается ходить ни одинъ изъ жителей окрестностей. Туземцы, сбѣжавшіеся на ловлю животнаго, ему приписывали потомъ странные вопли, слышанные ими уже по нѣскольку дней, и не походившіе на крикъ ни одного изъ дикихъ звѣрей, водящихся въ окрестностяхъ. — Высушенная кожа орангутанга была еще 5 футовъ, 4 дюйма въ длину, отъ плечъ до конца ногъ; ширина ея въ шеѣ простиралась на 3 дюйма, въ лицѣ на 8-мь. Лицо звѣря было совершенно голое, исключая подбородокъ и низъ щекъ, гдѣ начиналась борода; волосы черно-свинцоваго цвѣта падали по сторонамъ и на виски; вѣки были съ рѣсницами; губы, по видимому, не толсты; уши, прижатыя къ головѣ, простирались въ длину на $4\frac{1}{2}$ дюйма; руки весьма длинны.»

Въ томъ-же году, еще поймали орангутанга, того-же рода, живаго, на Малезскихъ островахъ, и привезли на кораблѣ *Октавіи*. Своимъ длиннымъ рыломъ и цвѣтомъ кожи, онъ былъ похожъ нѣсколько на Негра; за исключеніемъ губъ и окружности глазъ, ладоней и подошвъ, кожа его была гладка и одноцвѣтна. Темные глаза его были углублены, носъ коротокій, губы толсты, плеча широки и плоски, ягодицы полузакрыты шерстью, но раздѣльны. Матрозы корабля *Октавіи* назвали его Жоржемъ, и животное дружно уживалось съ ними. За столомъ оно подавало кофе; мело палубу, чер-

пало воду, и оказывало разныя прислуги. Платье офицерамъ чистило, оно не хуже всякаго слуги. Наказанный за шалости, Жоржъ плакалъ и показывалъ раскаяніе, какъ дитя. Любимая пища его было сарачинское пшено, но онъ любилъ также плоды, пилъ чай, кофе, бѣлое вино. Сдѣлавшись боленъ, онъ давалъ себѣ щупать пульсъ и принималъ лекарства.

До сихъ поръ невозможно было сдѣлать наблюденій надъ нравами орангутанговъ на Малайскихъ островахъ, какъ могли сдѣлать ихъ надъ черными орангутангами Ангольскими и Конгскими. Неизвѣстно: уединенно-ли, парами, или стадами живутъ они? Илія Гессъ говоритъ объ опасности, какой подвергается женщина, переходя черезъ лѣсъ, гдѣ они живутъ. Но какъ черная Африканская порода орангутанговъ рѣшительно сходна съ Суматрскою, слѣдственно, и свойства ихъ должны представлять большое сходство съ свойствами Малайскихъ, или рыжихъ орангутанговъ. Сообразить ихъ здѣсь, значитъ дополнить описаніе этого страннаго живопнаго.

У черпаго Африканскаго орангутанга лицо гладкое и черное, какъ у мулатра, съ бакенбардами съ обѣихъ сторонъ; глаза маленькіе, сближенные, но живые, съ выраженіемъ безпокойства, и не безъ кротказго отпѣпка. Туловище, довольно складное, усѣяно рѣдкими волосами, черноватыми, шверды-ми, длиннѣе на плечахъ, рѣже на брюхѣ широкомъ и плоскомъ, на груди и внутри лядвей. Ягодицы означаются, но безъ разрѣза. Руки плоски, довольно

но складны и сходятъ только до колѣнъ. Кисти рукъ крѣпки, не будучи длинными, гладки и сѣроваты; большой палецъ немного отдаленъ, а на ногахъ онъ отдаленъ гораздо менѣе, нежели у породы Малайскихъ орангутанговъ. Спина похожа на Негритянскую, и нерѣдко длиннѣе, потому, что у орангутанга однимъ позвонкомъ болѣе человѣческаго. Что ни говорили объ орангутангахъ черныхъ, но они не кровожадны и не хищны, хотя собираясь стадами образуютъ родъ укрѣпленнаго лагеря, и защищаются въ немъ отъ всякаго хищнаго звѣря, даже отъ льва и слона, которыхъ утомляютъ и приводятъ въ замѣшательство своею ловкостью. Жадные къ свободѣ, они остерегаются Негровъ, и умерщвляютъ ихъ, когда угрожаетъ ихъ жизни и спокойствію. Желая выразить этотъ инстинктъ самосохраненія, Прево, а за нимъ и Лагарпъ, въ своихъ *Исторіяхъ о странствованіяхъ вообще*, не нашли выраженій лучше слѣдующаго: Cet animal est si féroce, qu'il se défend quand on veut le tuer.... (Сіе животное столько свирѣпо, что защищается, когда хотятъ убить его)....

Пурчасъ, наблюдавшій орангутанговъ въ естественномъ ихъ состояніи, въ лѣсахъ области Лоанго, разсказывалъ Башелю, что черный орангутангъ ходитъ прямо, не опираясь руками о землю, живетъ въ лѣсахъ, цѣпляясь за деревья, среди коихъ устроиваетъ родъ покрышки, защищающей его отъ дождя. Онъ питается дикими орѣхами, и не ѣстъ мяса. Когда на своемъ становищѣ, лю-

ди оставятъ зажженный огонь на ночь, орангутанги собираются къ пепелищу и грѣются съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Они умѣютъ бросать каменья и строить хижины. «Никогда еще не могли поймать (говоритъ Баттель) взрослаго орангутанга, ибо они такъ сильны, что десять человѣкъ не сладили-бы съ однимъ, но Негры ловятъ много дѣтенышей, убивая матерей ихъ. Когда орангутангъ умретъ, другіе изъявляютъ печаль и покрываютъ тѣло его листьями. Одинъ изъ Негритенковъ моихъ—прибавляетъ повѣствователь—былъ унесенъ орангутангами, и жилъ нѣсколько недѣль между этими животными, но они не причинили ему никакого вреда.» Какой-то Лаброссъ, упоминаемый Бюффономъ, говоритъ еще болѣе. «Въ Лоанго (по словамъ Бюффона) видѣлъ онъ женщину, Негритянку, похищенную орангутангами, и прожившую съ ними въ лѣсахъ три года, гдѣ обитали они всѣ вмѣстѣ въ листвяной хижинѣ. Негритянка не могла потомъ нахвалиться хорошимъ обхожденіемъ съ нею этой породы звѣрей.» Самки черныхъ орангутанговъ страстно любятъ дѣтей своихъ, и, кажется, что цѣпляется однимъ дѣтенышемъ, котораго носятъ онъ семи до девяти мѣсяцевъ. Что касается до продолженія жизни орангутанговъ въ дикомъ состояніи, ничего вѣрнаго не могли узнать донынѣ. Естественно всеѣдущіе (omnivores), орангутанги рвутъ себѣ на пищу плоды, ищутъ птичьихъ яицъ на деревьяхъ и въ кустарникахъ, ловятъ лягушекъ, до которыхъ они большіе лакомки, и питаются также

улитками, молюсками и устрицами. — Въ состояніи рабства, между людьми, орангутанги послушливы, подражательны, понятливы, почтительны къ тѣмъ, кто ходитъ за ними. Нравъ ихъ кротокъ и важенъ. Привычки опрятны и общительны. Всѣ тѣ орангутанги, которыхъ имѣли случай наблюдать, сходны характеромъ; охотно ѣдятъ они все, что ѣдятъ люди: молоко, овощи, закуски, даже мясо; одинъ изъ орангутанговъ любилъ пить малагу; другой откупоривалъ бутылку и чистилъ себѣ зубы. Всѣ они предпочитали питье изъ стакана локанью, умывались и утирали себѣ руки салфеткою, стлали себѣ постели, выносили на солнце свое изголовье и одѣяло, съ удовольствіемъ ложились на матрацы и подушки, служили за столомъ, носили дрова и воду съ величайшимъ послушаніемъ, по приказу хозяевъ своихъ.

Порода рыжихъ орангутанговъ не есть единственная на Сумватрѣ. Здѣсь находятся также *симіангъ* (Hilobates syndactilus), найденный и хорошо описанный Альфредомъ Дювоселемъ. Эта порода бродитъ здѣсь, по его описанію, многочисленными стадами, и изъ числа другихъ болѣе сильные и болѣе ловкіе, кажется, повелѣваютъ остальными собратіями. Ужасный крикъ при восхожденіи и захожденіи солнца указываетъ на мѣста сборищъ этихъ животныхъ, которыхъ можно почесть выродившимися орангутангами, оглупѣвшими, униженными, подобно дворной собакѣ и Негру невольнику.

Еще животное, особенно свойственное Сумат-ра, есть буйволъ, или *карбу*, пріученный здѣсь ко множеству домашнихъ работъ въ жилищѣ человѣка. На шеѣ и плечахъ буйвола находится мясистый наростъ, обозначающій породу зебу; ноги его короче воловьихъ, а копыта огромнѣе; рога находятся у него на верхушкѣ лба; небольшой хвостъ оканчивается шелковистою шишкою. Самка носитъ дѣтеныша девять мѣсяцевъ; она сажаетъ его на спину себѣ, если надобно переплыть глубокую рѣку. Самецъ, въ дикомъ состояніи, защищается противъ всѣхъ свирѣпыхъ звѣрей, даже противъ тигра. Ходя стадами, буйволы, при опасности, бьются дружно, всѣ вмѣстѣ. Они становятся рядомъ противъ непріятеля, выставляютъ противъ него рядъ роговъ, и если онъ усиливается въ нападеніи, поражаютъ его ударами ужасныхъ головъ своихъ. Иногда, въ правильномъ порядкѣ отступленія, они бѣгутъ опроменью, останавливаются въ нѣкоторомъ разстояніи, и такъ продолжаютъ бѣгство, пока не уйдутъ въ лѣса, ихъ укрывающіе. Никакое военное движеніе въ такомъ случаѣ не могло-бъ быть лучше размѣрено и произведено. Величайшее наслажденіе буйвола валяться въ болотной тинѣ, отъ чего налегаетъ на кожу его глинистая обмазка; она дѣлаетъ ему нечувствительнымъ укушеніе насѣкомыхъ. Ручные буйволы запрягаются въ плугъ и употребляются для пашни. Работаютъ они тихо, но терпѣливо, и не смотря на страшную силу, не выносятъ большой усталости; малѣйшая

болѣзнь убиваетъ ихъ. Буйволовое молоко превосходно; только изъ него дѣлаютъ масло, для мѣстнаго употребленія.

Полный списокъ пернатыхъ обитателей Сумапрскихъ лѣсовъ былъ-бы слишкомъ огроменъ. Самыя блестящія, самыя прелестныя породы водятся здѣсь. Фазанъ здѣшній красоты необыкновенной, огромнѣе фазана Европейскаго, цвѣта перьевъ яркаго и прелестнаго. Индійскіе пѣтухи и курицы изобилуютъ, и въ южной сторонѣ острова достигаютъ величины чрезвычайной, подобно Багамскимъ. *Ardea argala* Бенгальскій находится въ Палембангскомъ царствѣ. *Ангангъ*, или птица-носорогъ, такъ названная по рогу, находящемуся у нея на головѣ, кажется, не получила еще надлежащаго мѣста въ нашемъ Естествознаніи; по всѣмъ примѣтамъ, она должна принадлежать къ казуарамъ. Другіе роды птицъ одинаковы съ находящимися на Индійскомъ материкѣ.

Пресмыкающихся въ Сумапрѣ множество, начиная съ огромнаго рѣчнаго аллигатора, пожирающаго людей, до ящерицъ, наполняющихъ домы и бѣгающихъ по потолкамъ комнатъ. Хамелеонъ и ящерица летучая обитаютъ въ здѣшнихъ кустарникахъ. Нигдѣ насѣкомыя такъ не многочисленны и такъ не докучливы, какъ на Сумапра. Муравьи находятся здѣсь всѣхъ родовъ, и особенно *бѣлый муравей*, все пожирающій (termite): домы, дерево, мебель, пищу — это истинная язва Восточныхъ земель, противъ которой только и защищаетъ каменное, или горное масло.

Народонаселеніе Суматра есть смѣсь различныхъ народовъ и многоразличныхъ поколѣній, которыя трудно было-бы подвести подъ общее распредѣленіе. Нѣкоторые изъ географовъ придумывали недостаточный раздѣлъ ихъ на идолопоклонниковъ и мугаммеданъ; другіе изобрѣтали особливый разборъ, гдѣ первобытные туземцы (aborigènes) отдѣляются отъ обитателей, позднѣе утвердившихся на Суматра. Ученый Марсденъ, заслужившій столько чести своими трудами, подчинилъ дѣленіе породъ географическому разграниченію. Такъ онъ призналъ *Малайцевъ* въ царствѣ Менангъ-Кабу, а *Ахемовъ*, *Баттовъ*, *Реджанговъ*, *Лампунговъ* въ жителяхъ областей, носящихъ сіи названія. По всему казалось этому строгому наблюдателю, что самый первобытный народъ (le peuple autochtone) долженствовали составлять *Реджанги*. Ихъ центральное пребываніе, лучше другихъ защищавшее противъ чужеземныхъ нововведеній, ихъ языкъ, ихъ отличная азбука, подтверждаютъ и оправдываютъ такое предположеніе.

Реджанги росла выше средняго, съ членами тѣла малыми, но весьма соразмѣрными. У нихъ существуетъ обыкновеніе уродовать голову новорожденнаго, подобно обитателямъ нѣкоторыхъ острововъ Океанійскихъ. Они придавливаютъ носъ, сжимаютъ черепъ, вытягиваютъ уши до того, что они торчатъ прямо выше головы. Глаза Реджанговъ черные и живые, иногда косые, какъ у Китайцевъ; волосы густы, черны, и столь длин-

ны у женщинъ, что нерѣдко висятъ до земли. Мужчины выжигаютъ себѣ бороду *шупаномъ* (родъ извести). Впрочемъ, съ перваго взгляда видите, что это уже не Индійскій типъ. Правильный очеркъ лица, округлость его объемовъ, согласное расположеніе чертъ изчезли и уступили мѣсто выдавшимся скуламъ, углубленнымъ щекамъ, маленькимъ и узкимъ глазамъ, сплющенному носу, толстымъ, некрасивымъ губамъ. Это *Малайскій типъ*, умѣренный мѣстностью, или отъ древнихъ и неопредѣленныхъ смѣшеній, или отъ горной жизни, всегда лучше соблюдающей формы тѣла и цвѣтъ кожи. Малайцы, и вообще всѣ туземцы острова, раздѣляютъ этотъ характеръ физіогноміи, общій Реджангамъ, съ небольшими измѣненіями.

Обыкновенное одѣяніе Суматрійцевъ мало разнится отъ Таитянскаго. Его составляютъ куртка, шаровары и шляпа, все изъ древесной коры, бѣлой и мягкой, какъ козлиная кожа. Нынѣ почти всѣ островитяне приняли Малайскій нарядъ: это узкая куртка, безъ рукавовъ, съ воротникомъ, какъ у нашихъ рубашекъ, и съ пуговицами, которыя у богатыхъ бываютъ золотыя филиграныя. На эту куртку надѣвается *баджу*, родъ шлафрока, изъ бумажной, синей или бѣлой пикани, иногда изъ Персидской ткани (ситца), у богатыхъ изъ шелковой матеріи съ цвѣтами. Обыкновенно, сверху набрасывается еще *кайанъ-саронгъ*, огромная штука ткани, отчасти цвѣтная, шести или восьми футовъ длины, шрехъ

или четырехъ въ ширину, образующая собою родъ мѣшка, безъ дна. Иногда подымаютъ его и оставляютъ на плечахъ; иногда обвертываютъ и закручиваютъ на поясѣ и бедрахъ, или, когда нарядъ бываетъ полный, укрѣпляютъ посредствомъ поршупеи *кри* (кинжала), обыкновенно шелковой, алаго цвѣта, и нѣсколько разъ обвернутой вокругъ тѣла. Шаровары почти всегда дѣлаются изъ красной или желтой тафты, и не переходятъ за икру. Остальная часть ногъ голая. Вокругъ головы обвертываютъ цвѣтной платокъ, завязывая его узломъ, такъ, что верхушка головы остается открытою.

Одежда женщинъ состоитъ въ родѣ корсета, или коротокой курточки, покрывающей грудь и сходящей ниже бедръ. За тѣмъ надѣвается кайанъ-саронгъ, описанный выше, и женщины окутываются имъ отъ подплечьевъ до ногъ, придерживая его обыкновенно поясомъ, шелковымъ, шитымъ, или обложеннымъ золотомъ. Женское *баджу* мало различается отъ мужескаго, а шпука бумажной ткани, почти прозрачной, *саландангъ*, служитъ имъ шарфомъ, или покрываломъ. Головная уборка довольно изящна: волосы, или поднимаютъ по-Китайски, на верхушку головы, либо позади головы, или вобиваютъ маленькими раздѣльными пуками, придерживая ихъ золотымъ, или черепаховымъ гребнемъ. Въ южной части острова, молодыя дѣвушки носятъ на головѣ золотой, или серебряный обручикъ, окружающій имъ волосы. Это служитъ признакомъ дѣвическаго ихъ состо-

нія, что означается еще кольцами, или браслетами, золотыми и серебряными, носимыми около кистей рукъ.

Обычай у Сумапрійцевъ, такъ-же какъ у Малгашей и нѣкоторыхъ Океанійскихъ островитянъ — подпиливать зубы, по природѣ бѣлые и красивые. Вмѣсто пилы, употребляютъ для сего маленькій точильный камешекъ; бѣдняковъ кладутъ для этой операціи на спину. Въ области Лампунгской женщины лакируютъ себѣ зубы гуммью. Въ другихъ мѣстахъ, богатые люди облѣпливаютъ ихъ золотомъ на всю жизнь. На близъ лежащихъ около Сумапры островахъ, женщины распягиваютъ себѣ отверстія ушей, такъ, что въ нихъ помѣстится кулакъ.

Внутреннее народонаселеніе острова обитаетъ въ *дузомахъ*, или селеніяхъ, почти всегда расположенныхъ на берегу рѣки, либо озера. Эти дузомы, окруженные плодовитыми деревьями, составляются обыкновенно изъ четыреугольника домовъ, прорѣзаннаго улицами и проходами. Ни камень, ни кирпичъ, ни глина не входятъ въ постройку; строенія сдѣлались-бы отъ того тяжелы, и опасны, по причинѣ частыхъ землетрясеній на Сумапра. Все строится изъ дерева. Основаніе дома утверждаютъ на обрубкахъ, въ 7 и 8-мь футовъ вышиною; крестъ-на-крестъ положенныя бамбуковины составляютъ полъ, и на немъ возвышается клѣтка хижины; невысокія стѣны ея оканчиваются остроугольною кровлею, и покрываются пальмовымъ листомъ, замѣняющимъ соло-

менную крышу. Для достиженію къ единственному отверзтію такого жилья, надобно цѣпляться по бамбуковой лѣсенкѣ. Въ половинѣ кровли видно окошко, для провѣванія хижины. Каждый вечеръ, въ хижинахъ отдѣльно построенныхъ вспаскиваютъ внѣшнюю лѣсенку внутрь. Домашніе приборы такихъ жилищъ состоятъ въ рогожкѣ, служащей постелью; надъ нею бываетъ пологъ, или родъ закрышки, изъ разноцвѣтной ткани. Вмѣсто столовъ большія деревянныя скамьи на ножкахъ; на нихъ разставливаютъ мѣдныя блюды, и вокругъ нихъ усаживаются обитатели за обѣдъ, не поджимая подъ себя ногъ по-Турецки, но только упираясь локтями въ колѣна. Обыкновенная пища Суматрійцевъ растенія, особенно сарачинское пшено, приготовленное въ видѣ *карп*; впрочемъ, они не отвергаютъ и мяса, вопреки Индійскимъ повѣрьямъ. Буйволовина, козлятина, птица часто являются жареныя на обѣдѣ ихъ. Они соляшъ икру, и весьма уважаютъ кавьяръ, составленный изъ раковой икры.

Число языковъ Суматрійскихъ соразмѣряется съ числомъ пузенныхъ поколѣній. Здѣсь говорятъ Ахемскимъ, Баттскимъ, Реджангскимъ, Лампунгскимъ языками, и въ то-же время Малайскимъ, главнымъ изъ всѣхъ другихъ коренныхъ нарѣчій. Малайскій языкъ, котораго первобытную колыбель указать трудно, весьма легокъ и звученъ; онъ распространенъ по всему этому Океанійскому архипелагу, и по сладкозвучію своему заслужилъ имя языка *Итальяно-Восточнаго*. Обиліе гласныхъ и уда-

леніе согласныхъ нѣмыхъ, дѣлаютъ его гармоническимъ и пріятнымъ. У Малайцевъ есть своя словесность, есть и пінтика, по которой составляются ихъ пѣсни, баллады и другія стихотворенія. Нѣсколько словъ Арабскихъ и Португальскихъ вкрались въ этотъ языкъ, допускающій подобныя нововведенія. Малайцы пишутъ нынѣ Арабскими буквами, хотя у нѣкоторыхъ внутреннихъ поколѣній сохраняется азбука самобытная и первоначальная. Реджангскій и Баттскій языки, самые обширные на Суматра послѣ Малайскаго, различаются не столько словами, сколько смысломъ, какой придается словамъ. Безъ сомнѣнія, необыкновенный, можетъ быть, единственный примѣръ въ Исторіи, что два народа, обитающіе на одномъ островѣ, оба считающіе себя первобытными, достигнувшіе равнаго образованія, говорящіе языками одного корня, имѣютъ азбуки различныя, не только одна отъ другой, но даже отъ всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ азбукъ. Главное различіе, существующее между Малайскими и первобытными Сумашрійскими нарѣчіями, есть то, что Малайцы, какъ Арабы, пишутъ отъ правой стороны на лѣво, а Сумашрійцы, какъ-то: Баттцы, Реджанги и Лампунги, съ лѣвой на право. Буквы изображаютъ они чернилами на древесныхъ листьяхъ, или остреемъ *крп* на кускахъ бамбука.

Свѣдѣнія туземцевъ Сумашры въ наукахъ незначительны. Годы у нихъ лунные, какъ у мугаммеданъ, но они опредѣляютъ солнечный поворотъ учетомъ временъ года и жатвъ. Дѣленіе времени

на недѣли имъ неизвѣстно, и дни считаютъ они рожденіемъ и ущербомъ мѣсяца. Періодичность приливовъ и фазы лунные исчисляются и предсказываются ими. Во время затмѣній производятъ они страшный шумъ, посредствомъ звучныхъ орудій, чтобы не дать, по словамъ ихъ, одной звѣздѣ съѣсть другую. Что касается до лѣточисленія и Историческихъ свѣдѣній, у нихъ нѣтъ ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи. Только по темному преданію продолжается между ними память о минувшемъ времени. Въ Географіи такое-же незнаніе: они не вѣдаютъ даже того, что земля ихъ островъ. Ахемскіе обитатели, производящіе прибрежное плаваніе, заняли у Арабовъ и Индійцевъ нѣкоторыя практическія свѣдѣнія о Морской Астрономіи. Наука численія такъ ограничена у Сумапрійцевъ, что они не имѣютъ даже словъ для означенія чиселъ выше 10,000. Мѣру составляютъ *катти* и *пикуль*; сто катти дѣлаютъ одинъ пикуль, равный $133\frac{1}{3}$ фунтамъ.

Медицина, подобно Индійской, ограничивается познаніемъ и употребленіемъ нѣсколькихъ простыхъ средствъ; каждый старикъ, каждая старуха имѣютъ право готовить и давать ихъ. Нѣкоторыя растенія употребляются въ настойкахъ, другія какъ пластырь. Самыя гибельныя здѣшнія болѣзни суть: *проказа* (кажется, не смертельная и не заразительная, но кожа отъ нея шелушится и страшно безобразитъ человѣка) и *элефантіазическая болѣзнь*, которой слѣдствія бѣдственны: кожа отпадаетъ лоскутьями, кости гніютъ до

можжечка, тѣло отваливается кусками: это тлѣніе за-живо, медленное, видимое, ракъ, распространенный на все тѣло. Такъ какъ болѣзнь эту починаютъ заразительною, то больнаго, постигнутаго ею, гонятъ изъ его семейства, изъ дома, изъ всякаго обиталища человѣческаго; принужденные бѣжать въ лѣса, и жить тамъ въ хижинахъ, ими самими построенныхъ, несчастные влачатъ бѣдственную жизнь, питаясь подаяніемъ, отъ времени до времени приносимымъ ихъ прежними родными.

Ремесла и промышленность во внутреннихъ областяхъ почти ничтожны, но въ приморскихъ мѣстахъ есть фабрики и мастерскія. Ахемское царство, говорятъ, имѣло прежде литейныя для пушекъ, и даже въ наше время область Менангъ-Кабу сохранила славу выдѣлки огнестрѣльныхъ оружій и Малайскихъ *кри*, столь хорошо закаляемыхъ. Но первѣйшая промышленная слава Суматра состоитъ въ выдѣлкѣ золотыхъ и серебряныхъ *филигранныхъ* вещей, во множествѣ потребныхъ для Малайской одежды, и уважаемыхъ такъ много во всей Азіи. Суматрійскія издѣлія этого рода столь превосходны, что самые Китайцы, искусные и терпѣливые на всякую работу, не могутъ, не только превзойдти здѣшнихъ туземцевъ, но, даже сравняться съ ними. Другія ремесла далеко отстали отъ подобнаго совершенства одного рода занятій: кузнечныя, плотничныя, каменьщичьи работы, шитье, выдѣлка глиняной посуды, выработка сахара и пороху, суть единственныя занятія, о ко-

порыхъ стоитъ упомянуть, но все это не отличается ни ловкостью въ работѣ, ни тщательностью издѣлій.

Охота здѣсь не одно удовольствіе, или средство жизни—она необходимая война человѣка противъ тигровъ, самыхъ свирѣпыхъ, какіе только есть въ мірѣ. Нерѣдко, во внутреннихъ областяхъ, эти звѣри опустошаютъ цѣлыя деревни. Для битвъ съ ними, туземцы приготовляютъ разныя средства: иногда ставятъ клѣтку, гдѣ кладутъ приманку для чудовища; иногда роютъ волчью яму, гдѣ охотникъ безопасно убиваетъ копьемъ тигра; иногда дѣлаютъ плетни изъ гибкаго ротана, обхватывающіе животнаго; иногда ставятъ доску такъ, что она отбрасываетъ звѣря на острые колья. Не безъ особеннаго отвращенія однакожъ рѣшаются Суматрійцы на непріязнь къ тиграмъ, потому, что у нихъ есть суевѣрное почтеніе къ этому звѣрю; чтобы довести туземца до охоты за тигромъ, надобно ему имѣть причину, мщеніе за кровь кого-либо изъ своихъ ближнихъ.

Ничто не однообразно на Суматра, ни обычаи, ни законы, между пятью различными народами, заселяющими сей островъ, Реджанги, самый обширный типъ народонаселенія, по природѣ миролюбивы и незлобивы, обладаютъ добродѣтелями отрицательными и беспечными, менѣе лукавы, менѣе жестоки, нежели Малайцы, осторожны, важны, понятливы, мало способны къ ненависти, хотя и непримиримы, если однажды возненавидѣли. Умѣренные въ пищѣ и питьѣ, они питаются прозябс-

ніями, и убиваютъ какую нибудь козу только для угощенія странника. Гостепріимство есть у нихъ единственная дѣятельная добродѣтель, и доходитъ до послѣдней степени ихъ средствъ. Но за то, они ябедники, лѣнивы, пристрастны къ игрѣ, иногда мошенники, и всегда подозрительны и раболѣпны. Женщины у нихъ добры, скромны и цѣломудренны.

Правленіе между Реджангами сохранило, кажется, патріархальныя формы, смѣшанныя съ нѣкоторымъ феодализмомъ. Властитель земли, *Панджерамъ*, держитъ въ особенномъ родѣ покорности *Дупатти*, или старостъ по селеніямъ. Эти дупатти, сколько можно понять изъ наблюденій, имѣютъ власть ограниченную и условную. Повинуются-ли имъ, или нѣтъ, но они болѣе составляютъ совѣтъ общественный, а не прямую власть. Могущество Панджерама измѣняется и уравнивается, смотря по мѣстности; въ одномъ селеніи власть его неограниченна, въ другомъ относительна и ограничена совершенно. — Названіе *Панджерама* восходитъ не далѣе столѣтія. Въ первый разъ придано было оно *Бегинда-Себіаму*, воинственному начальнику, въ 1719 году принимавшему дѣятельное участіе въ изгнаніи Англичанъ изъ крѣпости Марлборугъ. Яванскій царь Банпама, до того времени властитель по питулу южной части острова, отказался отъ всѣхъ правъ своихъ, въ пользу новаго начальника, и наслѣдники Себіама утверждаются на этомъ, оспоривая права на независимость,

излагаемыя дунапти, или старшинами селеній. Достоинство этихъ старшинъ наслѣдственное.

Подлѣ земли Реджанговъ, раздѣленной на четыре поколѣнія, находится область *Пассюма*, страна обширная, съ такими-же обычаями, управляемая такими-же законами. Здѣсь также властвуютъ Панджерамы; ихъ *четверо*, и всѣ они признаютъ старинное подданство Палембангскому султану, восходящее ко временамъ Яванскаго завоеванія. Среди неопредѣленныхъ извѣстій, изъ коихъ составляется исторія Суматра, легко различить событія двойнаго владенія чужеземнаго — *Малайскаго* съ С. З., и *Яванскаго* съ Ю. В. — Законы, обычаи, даже языкъ потерпѣли тогда столь сильныя вліянія, отъ одного здѣсь, отъ другаго тамъ, что во всемъ этомъ сохранилось знаменіе упомянутыхъ важныхъ политическихъ потрясеній.

Обычаи Реджанговъ, основное уложеніе здѣшней земли, опредѣляютъ большую часть вопросовъ гражданскаго и уголовнаго судовѣдѣнія, и установляютъ дѣйствіе и раздѣленіе правосудія. Законы о наслѣдствѣ, объ отеческомъ изгнаніи, вознагражденіи убытковъ, клятвахъ, свидѣтельствѣ, платѣ за безчестье, формахъ супружества, отвѣтственности за воровство и убійство, находятся обширно и подробно объясненными въ *Аддатѣ*, или уложеніи Реджанговъ. Уличенный въ кражѣ платитъ вдвое цѣну украденнаго, съ платою особой пени. Убійство искупается, такъ называемымъ, *бангуномъ*, или платежемъ денегъ, который измѣняется отъ

80-ти до 500 піастровъ, смотря по достоинству, возрасту, званію и полу убитаго, или убитой. Юридическая присяга происходитъ среди самыхъ торжественныхъ обрядовъ, и потому можетъ быть, рѣдки бываютъ примѣры ложной присяги. Въ слѣдствіе окупа за убійство, смертная казнь почти неизвѣстна на Суматра. Только Европейцы дѣлаютъ произвольное приложеніе оной къ преступленіямъ туземцевъ. Тѣлесныя наказанія также весьма рѣдки. Тюрьмы здѣшнихъ преступниковъ составляютъ родъ клѣтокъ, сплетенныхъ изъ бамбука, и по четыремъ угламъ укрѣпленныхъ толстыми досками.

Право невольничества существуетъ на Суматра, такъ, какъ во многихъ странахъ Востока, но оно рѣдко осуществляется и притомъ весьма ограничено. Туземцы имѣютъ мало невольниковъ, и служители почти всегда живутъ здѣсь въ какомъ-то равенствѣ съ семействомъ своего господина.

Супружество на Суматра бываетъ трехъ родовъ, отличаемыхъ названіями: *жужуръ, амбелана, семундо*. Первымъ означаютъ калымъ, или плату за невѣсту, послѣ чего она дѣлается *собственностью* мужа. Иногда условленный жужуръ производится взаимнымъ размѣномъ жениховъ на невѣстъ и невѣстъ на жениховъ, въ тѣхъ семействахъ, гдѣ много сыновей и дочерей. Въ случаѣ развода, или удаленія жены, мужъ въ правѣ требовать обратно жужуръ, съ небольшою уступкою. — Бракъ по амбелану совсѣмъ другое: тутъ мужчина, за какую нибудь плату, дѣлается гостемъ и сожителемъ

своего тестя. Женщина становится тогда главою хозяйства; она отвѣчаетъ за долги мужа, платитъ за него пени, если онъ имъ подвергнется. Мужъ въ этомъ состояніи живетъ какимъ-то подчиненнымъ бѣдіемъ, сына и должника. Работа его не принадлежитъ ему; что пріобрѣтаетъ онъ, кладется въ общую кассу. — Супружество третьяго разряда, семундо, взято съ Малайскаго: это что-то среднее между жужуръ и амбелана — свободный союзъ, установленный на взаимной отвѣтственности, и почти равный съ нашимъ уставомъ общности имѣній мужа и жены.

Обрядъ заключенія брака весьма простъ. Старшина селенія соединяетъ руки супруговъ, и объявляетъ ихъ мужемъ и женою. Они даютъ послѣ того праздникъ, или *бимбангъ*, имя, придаваемое всѣмъ туземнымъ торжествамъ. На это посвящается цѣлый день — утромъ бываютъ угощенія, или пѣшій бой, а вечеромъ пляска. Сумапрійскія пляски производятся, или одною особою, или двумя женщинами, или двумя мужчинами, или мужчиною и женщиною вмѣстѣ. Движенія пляшущихъ тихи и принужденны; положенія сладострастны, но не уродливы. Оркестръ составляется изъ Индійскихъ, Малайскихъ, или Китайскихъ инструментовъ — калинтанга, гонга (родъ колокольчиковъ), сулена, или Малайской дудки, и цымбаловъ, называемыхъ *тинка*. Молодыя плясуньи надѣваютъ при такомъ случаѣ свои лучшія шелковыя платья и драгоцѣннѣйшія филигранныя украшенія; уши, руки, носъ обременены бываютъ у нихъ золотыми

и серебряными кольцами; волосы умащаютъ онѣ бензуевымъ масломъ и украшаютъ пахучими цвѣтами. Послѣ пляски бываетъ пѣніе; его начинаетъ молодая дѣвушка, робко, обратясь спиною къ собранію, и когда она пропоетъ первый куплетъ, искуснѣйшій изъ пѣвцовъ отвѣчаетъ ей. Пѣсни выражаютъ всегда любовную страсть, нерѣдко нѣжную и пріятную. Для наполненія промежутковъ пира являются шуты, которымъ позволяется смѣшить участниковъ бимбанга. Такъ проходитъ вечеръ и часть ночи.

Когда настаетъ время оставить молодыхъ, ведутъ ихъ въ хижину, и заставляютъ лечь на высокихъ подушкахъ, не скидая парадныхъ платьевъ и множества находящихся на нихъ украшеній. Обычай требуетъ, чтобы молодая защищалась сколько можно упорнѣе отъ всякой ласки своего супруга, и это продолжается иногда по нѣсколько дней.

Хотя многоженство терпимо на Суматра и позволяется закономъ, рѣдко бываютъ примѣры, чтобы Суматрiецъ имѣлъ болѣе одной жены; только начальники, и между ними только богатые, пользуются свободою заключать многія супружества, посредствомъ жужура.

Страсть къ игрѣ, какъ я упомянулъ, свойственна туземцамъ Суматра. Кости, мячъ, пѣшіе бои, суть ихъ любимыя упражненія. Бой пѣшій находитъ въ нихъ мѣстахъ такихъ страстныхъ охотниковъ, что начальники принуждены позволять его только съ особенными условіями. Рѣдко встрѣти-

ше туземца, идущаго изъ одного мѣста въ другое, безъ пѣтуха: онъ всегда подъ рукой у него, и иногда на бимбангъ собирается изъ сосѣдства по 40, по 50-ти человѣкъ, и каждый несетъ своего пернатаго бойца. Въ немъ заключается для обладателя надежда большихъ выигрышей, потому, что на игру ставятъ огромныя суммы, и горячіе спорщики все проигрываютъ—женъ, дочерей, матерей, пуская что ни попало на удачу игры. Это Англійскій *cockpit*, со всѣмъ его безумiемъ, со всѣмъ отчаяніемъ страсти. Держатъ закладъ за одного пѣтуха противъ другаго, но позволяется и посторонимъ парировать. Порода Малайскихъ пѣтуховъ славится здѣсь силою и отвагою между знатоками. Для предупрежденія всякой хитрости и всякаго спора, никогда не спускаютъ двухъ пѣтуховъ одного цвѣта, но допускаютъ соперниковъ только рѣзко-отличныхъ перьевъ — сѣраго на чернаго, желтаго на краснаго. У Реджанговъ есть другія увеселенія, не столь жестокія. Таковы годовыя игрища ихъ, подобныя пиррическимъ играмъ древнихъ Грековъ. Представляется подобіе битвы, или на копьяхъ, или на Малайскомъ *кри*, искривленномъ, вороненомъ кинжалѣ, который страшитъ и блеститъ въ одно время, какъ языкъ змѣи.

Подобно всѣмъ народамъ Малайскаго происхожденія, туземцы Суматра, и особливо жители прибрежья, страстно любятъ *опіумъ*. Макъ, производящій эту одуряющую снѣдь, не растетъ на Суматра, и потому опіуму привозится ежегодно

изъ Бенгала около 200 ящиковъ. Онъ приготовляется лепешками, въ 5 и 6 фунтовъ, и ихъ обвертываютъ въ сухіе листки. Сумапрійцы употребляютъ опіумъ двумя образами: глотаютъ цѣликомъ, или куряшъ. Первый способъ употребленія предпочитается Турками, и вообще всѣми Восточными народами; напротивъ, Малайцы жадны ко второму; они упиваются дымомъ опіума до того, что становятся совершенно сумасшедшими, безумными. Возбужденный уполяющимъ дымомъ, Сумапріецъ бросается изъ своего дома, одурѣвшій, съ мутными глазами, съ рукою подняпою для убійства, и онъ готовъ совершишь его, если не предупредятъ другіе его безумія. Не здѣсь мѣсто разсказывать обо всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, какіе излишнее употребленіе опіума причиняетъ на Малайскомъ архипелагѣ, потому, что изъ всѣхъ острововъ этого архипелага, Сумапра есть тотъ, гдѣ подобныя бѣдствія менѣе другихъ случаются. Отъ того-ли, что здѣсь все еще злоупотребленіе этого яда не столь велико, или что правы здѣсь крепче и дѣлаютъ безуміе излишества его менѣе опаснымъ, но бѣдствіе отъ опіума здѣсь весьма рѣдко. Ява есть главное мѣсто изступленныхъ куришелей, и бѣдъ, отъ опіума происходящихъ. — Употребленіе бетеля, не столь дорогое, и слѣдственно, болѣе доступное народу, потому самому всеобще между Сумапрійцами.—Табакъ, завернутый въ трубочки изъ пальмовыхъ листьевъ, также въ употребленіи великомъ.

Самое большое продолженіе жизни на Сумапра

рѣдко переходитъ за 60-тъ лѣтъ. Когда ребенокъ родится, даютъ ему имя, но почесть прозванія придается ему гораздо послѣ. Въ нѣкоторыхъ Реджангскихъ областяхъ есть обычай, явно заимствованной у Аравитянъ, придавать отцу имена дѣтей. Такъ говорится, на примѣръ: Pongon-Pah-Lindoo (Понгонъ, отецъ Линду), какъ по-Арабски говорятъ: Mohammed-Abou-Beker (Магаммедъ, отецъ Бекера). Впрочемъ, никогда Суматріецъ не говоритъ своего собственнаго имени. Такъ велитъ обычай. Никогда не употребляетъ здѣшній туземецъ и перваго лица мѣстоименій, говоря о себѣ, но третье.

Обрядъ похоронъ производится на большой доскѣ, общей для цѣлаго селенія. На ней кладутъ трупъ, натертый клеемъ, для сохраненія его на время болѣе продолжительное. Потомъ несутъ умершаго на кладбище, гдѣ зарываютъ въ могилѣ, глубиною едва-ли фута на два. Женщины, слѣдующія за провожатыми гроба, кричатъ и ревутъ, и все это продолжается до тѣхъ поръ, пока земля покроетъ останки покойника. Потомъ ставятъ на могилѣ палки съ разными значками, и садятъ на ней кустъ, въ знакъ памяти.

Религіозное преобразованіе, учиненное Магаммеданствомъ на Суматра, кажется, уничтожило всѣ преданія о первобытной религіи островитянъ, и теперь тщетно старались-бы отыскать какіе нибудь слѣды ея. Если подъ *Религіею* разумѣть полную систему догматовъ и обрядовъ, съ жрецами для изъясненія, и вѣрующими для исполненія ихъ, то можно сказать, что нынѣ никакой религіи

нѣтъ между Сумапрійскими Реджангами. Они вѣряшъ въ преестественныхъ, неощутимыхъ духовъ, имѣющихъ двоякую способность дѣлашь добро и зло. Но это есть извращенное ученіе о добрыхъ и злыхъ геніяхъ, системa вѣрованія, столь общая многимъ Восточнымъ религіямъ. Оно шакъ не самобытно на Сумапра, что даже названія, употребляемыя туземцами для означенія высшихъ духовъ, одни Аравійскаго, другія Яванскаго происхожденія: духовъ называюшъ, що *джинъ*, що *девай* — очевидное измѣненіе *деута*, заимспвованное Яванцами отъ Индійцевъ. Еще болѣе: для означенія *Бога*, есшь одно слово во всѣхъ Сумапрійскихъ языкахъ, и это слово — Мугаммеданское *Алла*, весьма немного измѣненное во всѣхъ четырехъ языкахъ острова Сумапра.

Тѣни предковъ священны для Сумапрійцевъ; ими клянушся они, къ нимъ возносяшъ обѣшы во времена бѣдспвій, войны, голода, повѣшрія. Вѣра въ переселеніе душь здѣсь спранна шѣмъ, что шуземцы думаюшъ, будшо души человѣческія переселяюшся въ шѣла шигровъ. Отсюда происходишъ почшеніе ихъ къ этому роду животныхъ, съ которыми воююшъ они, силою и хишрспью, шолько для собспвенной защиты. Сумапрійцы вѣряшъ, что есшь на землѣ шакое мѣсшо, гдѣ шигры учредили правлспіе, имѣюшъ своего государя и Дворъ, живушъ въ городахъ, состаплепныхъ изъ домовъ покрышыхъ женскими волосами. Обожаніе шигровъ, безъ сомнѣнія, произведено чувспвомъ спраха; аллигаторы, пожирающіе неосшорожныхъ въ водѣ,

также обожаются здѣсь, и, конечно, по одинакой причинѣ.

Всѣ эти нравы, законы и обычаи, особенно свойственные Реджангамъ, видны, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ землѣ Лампунговъ, имъ сосѣдственной. Лампунги обитаютъ въ южной оконечности острова, отъ Палембанга до предѣловъ Пассума.— Часть берега отъ Ю. З. почти безплодна, но внутреннія области населены племенами сильными и независимыми. Изъ всѣхъ Сумашрійцевъ, Лампунги болѣе всѣхъ походятъ на Китайцевъ, по расположенію глазъ и вообще лица. Говорятъ они языкомъ, исполненнымъ гортанныхъ звуковъ. Хотя управляемые Панджерамами, съ незапамятныхъ временъ были они по названію подданными Яванскаго властителя Бантама; нынѣ признаютъ власть Голландцевъ, и имъ обязаны передавать всю сборку перца. Для перевоза, грузятъ перецъ въ огромныя лодки, выдолбленныя изъ одного дерева, и подымающія тяжести до 100 квинталовъ. Нравы Лампунговъ развратнѣе Реджангскихъ; народъ склоненъ къ воровству и лжи; гостепріименъ только изъ тщеславія. Женщины Лампунгскія красивѣе и стройнѣе всѣхъ женщинъ на Сумашра.

Въ срединѣ острова распространяется царство *Менангъ-Кабу*, въ протяженіи почти ста миль, населенное Малайцами. Земля эта, слѣдствіемъ недавней борьбы перешедшая во власть Голландцевъ, все еще преимуществуетъ надъ всѣми другими частями Сумашра своею силою и промышленностью. Здѣсь находятся золотые рудники, и фабрики для

выдѣлки оружія и кри, или Малайскихъ кинжаловъ. Это оружіе, о которомъ упоминалъ я неоднократно, столь употребительное между Малайцами, стоитъ быть описаннымъ. Клинокъ его бываетъ 14-ти дюймовъ въ длину; пестрый, вороненый, закаленный превосходно, онъ ни прямъ, ни искривленъ правильно, но своевольно изогнутъ, и отъ того раны, имъ наносимыя, убійственны. Рукоять обыкновенно дѣлается изъ слоновой кости, украшенной золотомъ, или изъ особеннаго рода золотистаго опала (chrysocalque), именуемаго туземцами *coacco*, образуя фигуру на концѣ, похожую на Египетскую Изиду. Ножны дѣлаются изъ красиваго дерева, выдолбленныя, и украшаются рапангомъ, окрашеннымъ въ алый цвѣтъ. Обычай намазывать оружіе ядомъ, столь употребительный между Малайцами, встрѣчается рѣдко на Суматра, но по всему видно, что прежде былъ онъ здѣсь въ большомъ употребленіи.

Жители областей Менангъ-Кабу всѣ мугаммедане; потому земля ихъ почитается святою между Малайцами, обитающими по берегамъ Суматра и въ Малакка. Многіе совершаютъ даже сюда пилигримства. Старались узнать причину, по которой область срединная могла обратиться въ Исламизмъ вполнѣ, между тѣмъ, какъ сосѣднія области приняли его только отчасти, или вовсе отказались принять. Іоаннъ Барросъ, Португальскій историкъ, утверждаетъ, что нашествіе Мугаммеданства на Малакка и острова Малайскаго архипелага, произошло въ половинѣ XIV-го столѣтія.

Маркъ-Павелъ, оставившій столь пространныя повѣствованія объ Индіи, полагаетъ время этого событія сотнею лѣтъ ранѣе. Тотъ и другой говорятъ согласно, что Саррацинскіе купцы, прибывшіе изъ Сураша, были орудіемъ сего важнаго дѣла. Безъ сомнѣнія, преданность Исламизму могла вгнѣздиться въ Менангъ-Кабу только посредствомъ завоеванія. Малаккскіе туземцы, уже обращенные въ Магаммеданство, ввели здѣсь новую вѣру оружіемъ, и смѣшавшись потомъ съ первобытными обитателями, продолжили строгій надзоръ за совершеннымъ исполненіемъ религіозной реформы. Впрочемъ, въ такой землѣ, гдѣ никакое вѣрованіе не имѣло глубокихъ корней, гдѣ не было ни своекорыстія кастъ, ни жреческихъ преимуществъ, всякое нововведеніе подобнаго рода легко долженствовало покорить себѣ умы народа вполнѣ.

Малайскія владѣнія управляются Раджею, принимающимъ названіе *Султана.* Подъ нимъ владѣютъ правители частные, или *Датту,* управляющіе его именемъ. Вездѣ гдѣ встрѣчаются эти датту, смѣло можете утверждать, что вы находитесь въ Малайской землѣ. Въ Бенкуленѣ, городѣ Голландскомъ, и слѣдственно, неутральномъ, четыре датту владѣютъ подъ начальствомъ одного пандженама, какъ будто для представленія собою различныхъ оттѣнковъ туземныхъ повелителей.

Долгое время народъ Малайскій считался происходящимъ съ полуострова сосѣдняго, и, конечно, имя: *Малакка,* сохранившееся при этомъ полуостровѣ, было къ тому поводомъ. Нынѣ извѣстно

за достовѣрное, что Малайцы поселились на Малакка во времена позднѣйшія. При томъ, если обозрѣть только пространство, занимаемое этимъ поколѣніемъ человѣчества, то невозможно предположить первоначальнымъ гнѣздомъ его Малакка. Породу Малайцевъ находимъ на всемъ архипелагѣ, именуемомъ *Малезіею,* не говоря уже о сходствѣ формъ и одинаковости нравовъ, видимыхъ далеко за предѣлами означенныхъ земель. Изъ какого-же центра раздвинулись всѣ эти различныя направленія Малайской породы? Гдѣ колыбель Малайскаго племени, столь отличительнаго своимъ характеромъ?—На такіе вопросы можно отвѣчать только догадками. Одни изъ этнографовъ указываютъ на островъ Борнео, другіе на Палембангъ. Марсденъ склоняетъ рѣшеніе къ Суматра, Малтебрюнъ къ Ява; одинъ руководствуется филологическими наведеніями, другой призываетъ на помощь исторію Яванскихъ завоеваній, и разительное сходство между языкомъ Яванскимъ и языками Санскритъ и Телинга въ Индіи. Оба мнѣнія имѣютъ свои убѣдительныя стороны, равно сильныя и могущія быть допущенными. Жаль только, что допустивши одно, надобно совершенно уничтожить другое.

Подкрѣпляя послѣднее предположеніе, говорятъ, что около 1160 года, большое количество Малайцевъ оставило окрестности Палембанга, основало Синкапуръ, и потомъ городъ Малакка, около 1250 года. Въ 1276 году, народы эти были еще язычники, когда *Магаммедъ*, властитель преданный Исламизму, обратилъ ихъ въ вѣру лже-пророка.

Этотъ властитель царствовалъ около 60-ти лѣтъ, надъ большею частію Малаккскаго полуострова и около лежащихъ острововъ.

Какъ-бы то ни было, Малайцы, преобладающіе надъ другими въ здѣшнихъ сторонахъ, суть люди отвратительной породы, съ членами тѣла сжатыми, крѣпкими, но малыми и нерѣдко безобразными. Красно-мѣднаго цвѣта кожа, жесткіе волосы на лбу, небольшомъ и сжатомъ, выдавшіяся скулы, углубленные, желтые глаза, похожіе на тигровые, сплюснутый носъ, широкій, съ короткими губами ротъ, отнуда течетъ, какъ будто кровь, сокъ бетеля—такова дикая и безобразная общность Малайца, словно нарочно созданная для внушенія ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ. Если къ этому присовокупите характеръ самый лживый, самый жестокій, самый безстыдный, нравы бандита и пирата, привычки неопрятныя и гадкія, презрѣніе всякаго закона и всякой вѣры, вы получите вѣрную идею о Малайскихъ народахъ, туземцахъ обширнаго архипелага, называемаго ихъ именемъ.—Въ Сумапра, кромѣ Менангъ-Кабу, они заселяютъ почти всѣ берега острова.

Въ сѣверной части, на предѣлахъ Ахемскаго царства, находится народъ *Батта*, самый любопытный изъ всѣхъ другихъ Сумапрійцевъ, самый странный по своимъ преданіямъ и нравамъ. Они и Реджанги, безъ сомнѣнія, суть два различія первобытныхъ жителей. Малорослѣе Малайцевъ, Батты красивѣе ихъ цвѣтомъ кожи; они дѣятельны, храбры, страстны къ лошадямъ и азартнымъ играмъ.

Эта внутренняя область, куда ни одинъ Европеецъ не проникалъ до путешественника Миллера, въ 1772 году, обозрѣнная и описанная Андерсономъ въ 1823 году, являетъ противоположность образованія весьма значительнаго и правовъ свирѣпыхъ. Почти всѣ Баншы умѣютъ читать и писать. У нихъ свой языкъ, своя азбука, религія, болѣе опредѣленная, нежели религія окрестныхъ народовъ, литература, какъ говорятъ, превосходная и богатая; они кротки, гостепріимны, честны, промышленны, и, между нѣмъ, по странной несообразности — человѣкоядцы. Этотъ ужасный обычай, нынѣ рѣшительно доказанный, не столько есть недостатокъ образованія Баншовъ, сколько доказательство привязанности ихъ къ древнимъ обычаямъ предковъ. Въ древнѣйшемъ законѣ своемъ, Баншы находятъ причины и случаи, при которыхъ позволяется ѣсть человѣческое мясо. По этому закону долженъ быть съѣденъ живой—1-е, прелюбодѣй, 2-е, ночной воръ, 3-е, плѣнникъ во время значительной войны, 4-е, женившійся въ своемъ поколѣніи, что строго запрещается, ибо люди одного поколѣнія считаются родпею, происходя отъ одного отца и одной матери, и 5-е, хищнически напавшій на селеніе, домъ, или человѣка. Уличаемый въ одномъ изъ означенныхъ преступленій предстаетъ передъ избранное судилище. Свидѣтели, немедленно выслушанные, и приговоръ, въ слѣдствіе того произнесенный, рѣшаютъ дѣло. Судьи произносятъ рѣшеніе, и пьютъ по стакану пивья — обрядъ равносильный подписанію и прило-

женію печати въ Европѣ. На три дня оставляется потомъ исполненіе, чтобы народъ имѣлъ время собраться, и въ случаѣ прелюбодѣянія, приговоръ откладывается, пока всѣ родственники преступника будутъ имѣть возможность принять участіе въ пиршествѣ. Наконецъ, въ назначенный день, приводятъ осужденныхъ, привязываютъ къ дереву, или столбу, руками крестъ-на-крестъ. Мужъ, или обиженный, приближается первый, и выбираетъ себѣ кусокъ, какой ему угодно—обыкновенно уши. Потомъ идутъ другіе участники пира, и рѣжутъ что заблагоразсудятъ, сообразно своему званію и вкусу. Кончивъ пиршество, обиженный, или мужъ, если жена его была жертвою, срубаетъ голову жертвы, уноситъ ее съ собою, какъ трофей, тщательно вынимаетъ изъ нея мозгъ, и хранитъ его въ особенной чашкѣ, ибо, по общему повѣрью, мозгъ этотъ имѣетъ таинственныя свойства; голова выставляется послѣ того передъ домомъ. Не трогаютъ внутренностей, но, какъ за лакомые куски, спорятъ за сердце, кисти рукъ и ступни ногъ. Все это ѣдятъ отчасти сырое, отчасти поджареное, но всегда на мѣстѣ казни. Туда приносятъ лимоны, соль, перецъ для приправы, иногда сарачинское пшено, но никогда не бываетъ ни крѣпкихъ напитковъ, ни пальмовки; все питье состоитъ изъ крови, которую многіе присутствующіе сосутъ изъ тѣла жертвы, посредствомъ бамбуковыхъ дудочекъ. Только мужчины присутствуютъ и участвуютъ въ этомъ отвратительномъ пиршествѣ, потому, что мясо человѣческое запре-

щено женщинамъ, которыя ѣдятъ его только украдкою.

Говорятъ, что Баттасы предпочитаютъ тѣло человѣческое всякому другому мясу, но, не смотря на такой вкусъ, по увѣренію Сира Стамфорда Раффлеса, примѣровъ не было, чтобы они старались удовлетворять склонности своей когда либо, кромѣ позволенныхъ закономъ случаевъ. Еще болѣе: и тогда, они поступаютъ не по страсти, не изъ мстительности, но какъ будто исполняя дѣло закона, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, спокойствіемъ, важностью. Такое повѣствованіе противорѣчитъ однакожъ новѣйшимъ наблюденіямъ Андерсона, увѣряющаго, что раджа Тана-Джава, одинъ изъ сильнѣйшихъ начальниковъ Баттскихъ, не могъ питаться ничѣмъ другимъ, кромѣ человѣческаго тѣла. Если не было запаса, онъ посылалъ въ поле невольниковъ, убивавшихъ перваго встрѣчнаго, и приносившихъ трупъ его къ Раджѣ. Впрочемъ, вообще обыкновенное добродушіе Баттовъ замѣняется изступленною яростью, когда имъ попадутся на войнѣ плѣнники—жертва звѣрскаго ихъ обыкновенія! Въ этихъ случаяхъ, они вырываютъ иногда даже трупы враговъ для сожранія. Въ старину былъ обычай ѣсть всѣхъ стариковъ, если они отъ старости дѣлались неспособны къ работѣ. Старики знали свою участь, подвергались ей охотно, и выбравши отвѣсную вѣтвь дерева, сами спокойно привязывали къ ней руки свои. Семейство, друзья, сосѣди плясали въ

это время около осужденнаго на смерть, напѣвая пѣсню:

Зрѣетъ плодъ на древѣ, зрѣетъ,
И валится, какъ созрѣетъ!

Добровольныя жертвы сіи приносились обыкновенно во время спѣлости лимоновъ, когда бываетъ изобиліе перца и соли. Жертва, изображая собою плодъ, падала на землю, и тогда всѣ бросались къ ней и пожирали ее. Обычай этотъ нынѣ вывелся, и это показываетъ шагъ къ постепенному изпребленію человѣкоядства между Баттами, хотя еще и донынѣ, даже и во время мира, человѣкъ сто бываютъ съѣдаемо ими ежегодно. Сиръ Стамфордъ приводитъ примѣръ недавній, по разсказу самовидца. «Нѣсколько лѣтъ тому (говоритъ онъ), Батта, уличенный въ обольщеніи жены своего сосѣда, былъ казненъ по туземному обычаю, недалеко отъ Таппанули. Англійскаго Резидента приглашали присутствовать при казни; онъ отказался, но секретарь его и одинъ изъ офицеровъ приняли предложеніе. Въ назначенномъ мѣстѣ, нашли они толпу народа и преступника, уже привязаннаго къ дереву, руки на-крестъ. Исполнитель правосудія, старшина извѣстнаго сана, приблизился съ длиннымъ ножемъ, размахивая имъ по мѣрѣ того, какъ подходилъ къ жертвѣ суда. Его сопровождалъ человѣкъ, несущій блюдо, и на этомъ блюдѣ находилась приправа, соусъ, составленный изъ лимоннаго соку, перца и соли, называемый туземцами *самбулъ*. Исполнитель правосудія подо-

звалъ мужа, оскорбленнаго невѣрностью жены, и спросилъ его: какой кусокъ прежде другихъ выбираетъ онъ? — « Правое ухо, » отвѣчалъ мужъ. Правое ухо было отхвачено отъ головы обольстителя однимъ взмахомъ, и отдано мужу. Онъ оборотился къ носильщику самбула, обмакнулъ ухо въ соусъ и съѣлъ. Вся толпа бросилась послѣ того на жертву, и всякій отрѣзывалъ и ѣлъ куски по своему выбору. Изрѣзавши значительную часть тѣла преступника, пронзили его кинжаломъ въ сердце, но только изъ уваженія къ присутствовавшимъ Англичанамъ, ибо совсѣмъ нѣтъ у Баттовъ обычая умерщвлять преступника изъ жалости къ его страданіямъ. »

Обычаи Баттовъ представляютъ другія странности. Прежде заключенія супружества, невѣсту показываютъ у нихъ жениху нагую, въ банѣ, и уже послѣ того торгуется онъ о жужурѣ за нее. Молодыхъ заставляютъ вмѣстѣ ѣсть два сорта сарачинскаго пшена, и обрядъ оканчивается тѣмъ, что отецъ невѣсты закрываетъ ее и жениха кускомъ пикани.... Не менѣе странны подробности здѣшней религіи: три великіе бога, по мнѣнію Баттовъ, управляютъ міромъ, *Баттара-Кузонъ*, богъ неба, *Мангала-Буланъ*, богъ земли, *Соріе-Пада*, богъ воздуха. Исполинъ носилъ нѣкогда землю на головѣ своей. Однажды, утомленный ношею, онъ потрясъ ее — океанъ вылился изъ своего предѣла; материки земные сокрушились. Нѣчего было дѣлать! Богъ неба бросилъ съ верху гору, и она послужила завязью новой земли, нынѣ видимой. Не-

бесная дѣва какая-то сошла на землю, и отъ трехъ сыновей ея, женившихся на трехъ сестрахъ своихъ, произошелъ нынѣшній родъ человѣческій.

Одѣяніе Башкировъ мало отличается отъ Реджангскаго. Его составляютъ полосатые шаровары, до половины икръ, куртка, съ короткими или длинными рукавами, шарфъ крестъ-на-крестъ, поясъ для ношенія кри, платокъ, обвернутый вокругъ головы. Невольниковъ, или плѣнниковъ, попавшихся на войнѣ, привязываютъ за шею къ столбу, или дереву, забивая ноги ихъ въ колодку, такъ, что плѣнникъ не можетъ пошевелиться. Андерсонъ видѣлъ въ Сеплаарѣ воина, бывшаго страженъ подлѣ одного несчастнаго плѣнника, въ этомъ положеніи ожидавшаго ужасной участи быть сожженнымъ на другой день побѣдителями. Одежду несчастливца, принадлежавшаго къ обитателямъ одной изъ окрестныхъ областей, составляли только шаровары и кусокъ ткани, брошенный на плеча. Башкирскія женщины, видѣнныя этимъ путешественникомъ, были обыкновенно одѣты въ два лоскута бумажной ткани; первый проспирался у нихъ отъ груди до икръ; другимъ драпировалась спина, такъ, что одно плечо были открыто, а другое окутано. Сидя на четыреугольной рогожкѣ, женщины Башкирскія проводятъ большую часть дня въ жеваніи бетеля.

Земля Башкировъ дѣлится на неровные и независимые участки, имѣющіе каждый своего Раджа, или старшину. Часто эти повелители сражаются между собою, выводятъ въ поле войска, вооруженныя ружьями съ фитилями, бамбуковыми копьями,

и саблями, или длинными пожами. Почти всегда раздѣленные враждою, они соединяются однакожъ, когда общій врагъ угрожаетъ ихъ независимости. Старшины Баттскихъ селеній отличаются отъ подвластныхъ болѣе правильными и болѣе благородными чертами лица. Старшина селенія *Батубара*, такъ какъ и двое сыновей его, при довольно бѣломъ цвѣтѣ кожи, замѣтны были особенно умною физіогноміею. Они приняли Англійскаго посланника съ обычными обрядами, и посадили его съ собою на диванъ, покрытый рогожками, весьма изящной работы.

Выше земли Баттовъ, во всемъ С. З. округѣ Суматра, простирается *царство Ахемское*, или *Ачемское*, единственная изъ областей острова, игравшая нѣсколько важную историческую ролю. Лѣтописи сей страны имѣли много разъ случай сблизиться съ исторіею Португальскихъ побѣдъ и завоеваній въ Индіи. Съ 1511 года *Альбукеркъ* сталъ на землю Суматра, гдѣ являлись попомъ, поочередно, *Перезъ Андраде* и *Діего Пачеко* — послѣдній погибъ здѣсь, ища мнимыхъ Золотыхъ острововъ. Въ 1521 году *Георгій Брито* нападалъ на Ахемъ, защищаемый раджею *Авраамомъ*, начальникомъ города, и въ послѣдствіи Султаномъ всего царства. Этому Аврааму различные историки приписывали рядъ нападеній на Малакка, съ 1528-го до 1530 года, продолженныхъ съ большимъ успѣхомъ въ слѣдующее царствованіе. Царь Ахемскій, *Сири-Аль-Радинъ*, осаждалъ Малакка, иногда самъ лично, иногда черезъ полководца своего *Лаксемана*, въ

1537, 1547 и 1567 годахъ, съ 15,000 войска и двумя стами пушекъ; въ 1573 и 1574 годахъ, вмѣстѣ съ Яванскою Царицею *Жапары*; въ 1575 г. съ флотомъ, по сказанію современниковъ, покрывшимъ весь Малаккскій проливъ, и наконецъ въ 1582 году. Ни одно изъ этихъ нападеній, о которыхъ оставили намъ подробности Фаріа Суза, Мендезъ Пинто, Кастаньедо, Барросъ и Діего Кутто, не оканчивалось покореніемъ осаждаемаго города, но каждое стоило однакожъ Лиссабонскому Двору величайшей траты людьми и средствами на защиту владѣнія, при каждой новой осадѣ подвергавшагося большой опасности. — Наслѣдникъ Аль-Радина, похитишель, объявившій себя султаномъ, подъ именемъ *Аладина*, оставлялъ Малакка болѣе спокойнымъ. Онъ принялъ Англійскаго капитана Ланкастра, основателя Бантамской факторіи на берегахъ Суматра. — Непріязнь началась опять при *Педукка-Сири*, самомъ могущественномъ изъ царей Ахемскихъ. Онъ лично явился передъ Малакка въ 1615 году, съ пятью стами судовъ и 60,000 войска, но подвергнувшись нападенію флота Португальскаго, принужденъ былъ бѣжать. Въ 1628 году, новое несогласіе было послѣдуемо событіями болѣе для него несчастными: 12,000 Ахемцевъ были отрѣзаны отъ своихъ кораблей и достались въ руки Португальцевъ. Ахемъ былъ послѣ того спокоенъ до 1640 года, времени, когда Педукка-Сири, соединясь съ Голландцами, сильно напалъ на Малакка, и передъ нимъ пала наконецъ столица Португальскихъ владѣній въ Индіи

Восточной. Впрочемъ, вся выгода Ахемцевъ отъ этого завоеванія состояла въ томъ, что Малакка достался другимъ Европейцамъ.

Педукка-Сири умеръ вскорѣ послѣ побѣды, и тронъ Ахемскій послѣ него сдѣлался достояніемъ прислицы: съ 1640-го по 1700 годъ царствовали безпрерывно женщины, и при ихъ управленіи упадала постепенно сила Ахемскаго государства. Въ этотъ промежутокъ времени, Голландцы заставили берега своими конторами, и явились почти у самой столицы Ахемской. Французы пришли сюда въ 1621 году, подъ начальствомъ Больё, а Англичане, стараясь ослабить вліяніе Голландцевъ, поперемѣнно основывали заведенія въ Бенкуленѣ, Индрапурѣ, Банталѣ, Наталѣ, Таппанули, и построили наконецъ крѣпость Марльборугъ. Съ того времени начали они забирать заведенія Голландцевъ, и война 1781 года послужила имъ предлогомъ захватить Падангъ и другія Голландскія факторіи. Только трактатами 1815-го и 1824 года возстановлено обладаніе Голландцевъ, первобытныхъ властителей разныхъ мѣстъ на Суматра.

Народонаселеніе Ахема представляетъ характеръ различный отъ характеровъ другихъ описанныхъ мною народовъ Суматра. Ахемцы вообще рослѣе, красивѣе, темнѣе цвѣтомъ. Полагаютъ, что это смѣсь Баттовъ, Малайцевъ и Индійскихъ Мавританъ. Всѣ они исповѣдуютъ Исламизмъ, промышленны и умны болѣе своихъ сосѣдей, и потому умѣли создать себѣ такія пособія общежитія, какихъ нѣтъ въ другихъ частяхъ острова. Торговый

флотъ Ахемцевъ состоитъ изъ множества кораблей, снабженныхъ смѣлыми моряками. Здѣшнія шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ тканей и оружейныя фабрики пользуются извѣстностью въ Малайскихъ земляхъ. Монета рѣдка въ Ахемѣ, и главное средство обмѣна цѣнностей есть золотой порошекъ, который сохраняютъ туземцы въ пузырчатыхъ кошелькахъ. Одинъ изъ вѣсовъ, употребительныхъ для этой монеты, есть *бюнкалъ*, равный унціи и тремъ драхмамъ. Почва земли въ Ахемѣ хороша и плодоносна; произведенія ея суть произведенія лучшихъ областей острова.—Правленіе наслѣдственно. Султанъ, повелитель почти неограниченный, охраняетъ себя стражею изъ сотни Сипаевъ, выписывая ихъ съ Коромандельскаго берега. Единственную посредственную власть между Султаномъ и народомъ составляетъ Великій Совѣтъ, собирающійся въ важныхъ случаяхъ. Если Европейскій корабль является въ Ахемской гавани, позволеніе пристать къ берегу долженъ онъ купить посылкою Султану установленныхъ подарковъ. Если начальникъ корабля имѣетъ титулъ посланника, немедленно отправляютъ къ нему султанскихъ слоновъ, на которыхъ должны ѣхать онъ и свита его. Шествіе останавливается неподалеку отъ залы пріема. Здѣсь посланникъ привѣтствуетъ царя, снимаетъ свои башмаки, идетъ въ залу и садится тамъ на коврѣ. Нѣсколько лѣтъ тому, тронъ Ахемскаго царя сдѣланъ былъ изъ слоновой кости и черепахи. Когда Ахемомъ правили царицы, онѣ являлись на тронѣ задернутомъ флеромъ, такъ, что можно было слышать

ихъ и не льзя было видѣть.—Въ дни торжественныхъ праздниковъ, царь ѣздитъ въ главную мечеть на богатоубранномъ слонѣ, послѣдуемый своею гвардіею, вооруженною по-Европейски.

Земля Ахемская дѣлится на три весьма многолюдныя области. Единственная подать, платимая царю его подданными, состоитъ въ мѣрѣ сарачинскаго пшена, и каждый самъ относитъ эту подать въ царскій дворецъ. Впрочемъ и это болѣе почесть, нежели подать, потому, что царь отдариваетъ каждаго почти равноцѣннымъ подаркомъ. Единственный положительный доходъ Ахемскаго правительства заключается въ пошлинѣ съ привоза и вывоза товаровъ. Чужеземные корабли почти исключительно несутъ эту тягость; прибрежные торговцы Телингаскіе платятъ около 15-ти на 100, со всякой цѣнности своихъ привозовъ въ Ахемъ.

Правосудіе исполняется въ Ахемѣ весьма строго. Малѣйшее воровство наказывается какъ важное преступленіе: иногда вѣшаютъ за это виновнаго на деревѣ, привязывая къ ногамъ его пушку, или другую тяжесть; иногда отрубаютъ ему палецъ, кисть руки, ногу, смотря по важности вины. Множество несчастныхъ, изувѣченныхъ такимъ образомъ, бродятъ по улицамъ Ахема, или нанимаются служить на Малайскихъ корабляхъ. Разбойниковъ большихъ дорогъ жгутъ живыхъ, или сажаютъ на колъ. Прелюбодѣяніе наказывается въ Ахемѣ почти такъ-же строго, какъ у Баттовъ. Виновнаго отдаютъ родственникамъ обиженнаго;

они образуютъ тѣсный кругъ окрестъ него; тогда виновному даютъ мечъ, и онъ долженъ пробиться сквозь толпу своихъ непріятелей; достигнувъ этого съ успѣхомъ, онъ остается свободнымъ отъ всякаго преслѣдованія, но всего чаще и обыкновенно, его успѣваютъ изрубить въ куски, послѣ чего погребается онъ, какъ животное, безъ всякихъ обрядовъ и молитвъ. При законахъ, столь строго преслѣдующихъ преступленія, можно-бы полагать, что Ахемцы, по крайней мѣрѣ, строго хранятъ нравственность, происходящую отъ страха наказанія; но ничего не бывало: ни у одного народа въ мірѣ нравы такъ не развратны, и вотъ новое доказательство, сколь мало можно довѣрять благимъ послѣдствіямъ, если добродѣтели предписываются только уставомъ и поддерживаются только страхомъ наказанія.

Поверхность Суматра, взрытая столькими нашествіями и завоеваніями, часто измѣнялась въ своихъ подраздѣленіяхъ. При нынѣшнемъ состояніи острова, надобно дѣлить его на двѣ части— независимую и принадлежащую Голландцамъ.

Часть *независимая* объемлетъ царства *Ахемъ*, *Сіакъ* и *землю Баттовъ*. Въ царствѣ Ахемскомъ, области котораго болѣе и болѣе сдвигаются въ сѣверную часть острова, столица Ахемъ, находящійся на сѣверномъ краю земли Ахемской. Городъ этотъ погруженъ, такъ сказать, въ лѣсъ кокосовъ, бамбуковъ, ананасовъ, банановъ, сквозь который протекаетъ покрытая судами рѣка, и въ которомъ разбросано восемь тысячъ домовъ, но от-

дѣльно одинъ отъ другаго, но небольшими купами. Все это такъ прикрыто обширною зеленью деревьевъ, что смотря съ гавани, подумать невозможно, чтобы тутъ скрывался обширный городъ. Окрестности, расположенныя симметрическимъ амфитеатромъ, представляютъ множество тысячь фабрикъ, хижинъ бамбуковыхъ, мечетей, кузницъ, оттѣняющихъ собою обработанныя поля и правильныя насажденія. Султанъ обитаетъ во дворцѣ, окруженномъ рвомъ и стѣною, защищаемою нѣсколькими огромными пушками. До 30,000 человѣкъ составляютъ число жителей Ахема. Послѣ столицы, можно наименовать только *Телозанкауан*, на С. В. берегу, гдѣ иногда проживаетъ Султанъ Ахемскій. Городъ *Педиръ* славенъ по войнамъ Ахемцевъ съ Португальцами; *Мукка* замѣчателенъ своими мѣдными рудниками.

Царство *Сіакъ* занимаетъ среднюю часть восточнаго берега Сумапра, орошаемую рѣкою сего имени. До Андерсона, недавно посѣщавшаго эту страну, извѣстія объ ней были весьма недостаточны. Самъ ученый Марсденъ, столь превосходный описатель другихъ частей Сумапра, не говоритъ ничего достовѣрнаго о Сіакѣ, Дели, Линтгатѣ, Батту-Бара и другихъ мѣстахъ, замѣчательныхъ и важныхъ. Нынѣ извѣстно, что все это прибрежье состоитъ изъ хорошихъ земель, орошенныхъ водою и усѣянныхъ доброю воздѣлкою, заливами и пристанями, удивительно безопасными. Народонаселеніемъ управляютъ начальники областей, оспоривающіе другъ у друга свои маленькія владѣ-

нія, и поочередно, то угнѣтающіе другихъ, то угнѣтенные отъ нихъ. Народъ, подвластный имъ, преданный морскому разбою, отправляетъ по Малаккскому проливу до двухъ тысячь лодокъ, для торговли по видимому, для разбоя при случаѣ. Главные города царства суть: *Сіакъ*, на рѣкѣ сего имени, мѣстопребываніе Султана; *Дели*, на рѣкѣ Дели; *Кампаръ*, торговый городъ, отъ котораго зависятъ острова *Рупатъ* и *Пантуръ*; наконецъ, *Лангкатъ*, торговое мѣсто, имѣющее до 200 лодокъ морскихъ, и *Бату-Бара*, не менѣе важный своимъ судоходствомъ, мѣстопребываніе сильнаго Раджа.

Земля *Баттовъ* граничитъ съ царствомъ Ахемскимъ, прежнимъ царствомъ Менангъ-Кабу и Голландскою областью Падангъ. Половина ея на западной сторонѣ острова, другая во внутренности его. Въ этомъ собраніи народовъ, образующемъ собою множество областей, нѣтъ главнаго города. Земля усѣяна мѣстечками и селеніями, признающими каждое частную, мѣстную власть. Можно упомянуть однакожъ о *Барусѣ*, главномъ торжищѣ камфарою, и потому во всемъ Востокѣ называемомъ *Кафуръ-Барусъ*, и *Таппанули*, большомъ мѣстечкѣ, гдѣ расширяется обширный заливъ, одинъ изъ числа самыхъ безопасныхъ и лучшихъ въ мірѣ.

Голландская часть Суматра вмѣщаетъ область *Падангъ*, прежде бывшее царство *Менангъ-Кабу*, землю *Лампунговъ* и царство *Палембангское*. Управленіе Падангомъ имѣетъ пребываніе свое въ городѣ сего имени, гдѣ народонаселеніе около 10,000

душь. Другія мѣста здѣсь: *Наталь*, *Бенкулень*, съ 8000 жителей, крѣпость *Марльборугъ* и *Пончангъ-Качиль*, при Таппанулійскомъ заливѣ. Въ слѣдствіе послѣднихъ войнъ между Голландцами и Менангъ-Кабускими Малайцами, царство послѣднихъ сдѣлалось покорно силѣ Европейской. Голландцы проникли въ *Бангса*, куда призвали ихъ смятенія, возбужденныя одною Магоммеданскою сектою; они подчинили себѣ *Панджарашунгъ* и *Менангъ-Кабу*, значительнѣйшіе города послѣ Бангса.

Царство *Палембангское* испытало такой-же жребій; оно подчинено теперь Голландцамъ. *Палембангъ*, столица его, построенъ на сваяхъ, близъ рѣки Музи. Тамошній *даланъ*, или дворецъ Царя, и мечеть, суть два зданія замѣчательныя. Палембангъ самый торговый пунктъ всего Суматрійскаго острова. Обширныя сношенія его простираются на Малайскій архипелагъ, Китай и Индійскій материкъ; народонаселеніе тамъ полагаютъ до 25,000. — Что касается до земли *Лампунговъ*, это самая неблагословенная часть Суматра. Ни объ одномъ городѣ упомянуть, ни одной подробности сказать не найдется здѣсь, послѣ всего сказаннаго мною. Можетъ быть, кстати будетъ только замѣтить, что здѣсь, по увѣренію Ріензи, видѣлъ онъ пигмеевъ, и людей, называемыхъ имъ *Гугоны*, или *Пиѳеоморфы*, то есть, *люди-обезьяны*. Продолжительно было-бы входить въ споръ о такой антропологической гипотезѣ.

Въ числѣ острововъ, окружающихъ Суматра, и географически къ нему принадлежащихъ, считаютъ

Лингань, *Пинтань*, и другіе островки, вмѣстѣ образующіе царство *Лингамъ*, признающее власть Голландцевъ. Нѣкогда повелитель обширныхъ областей, Султанъ Лингамскій уступилъ царство *Джогоръ* и *Паганъ*, на Малаккскомъ полуостровѣ, одному изъ тамошнихъ властителей, а островъ *Танжонгъ-Пинангъ*, за нѣкоторое вознагражденіе, Голландской торговлѣ. На этомъ-то островѣ недавно основанъ городъ *Piy*, порто-франко, подобно Сингапуру, своему сосѣду, процвѣтающій, не смотря на близкое его соперничество. Начатой съ 1824 года, совершенно на системѣ свободной торговли, въ немного лѣтъ этотъ городокъ возвысился до такого благоденствія, котораго не могла-бы доставить ему никакая другая система.

Островъ *Банка*, столь славный своимъ оловомъ, извѣстнымъ въ торговлѣ подъ именемъ *Банкскаго*, простирается на востокъ отъ Палембангскаго царства, слѣдуя одинакому направленію съ Сумат-ра. Морской проливъ, раздѣляющій ихъ, называется *проливомъ Банка*. Берега этого острова мало обитаемы, и туземцы тамошніе считаютъ за лучшее строить свои хижины далѣе отъ приморья, во внутреннихъ долинахъ, гдѣ они безопаснѣе отъ Малайскихъ разбойниковъ. Столица острова, *Минтокъ*, находится въ 3-хъ миляхъ отъ береговъ; нынѣ жителей въ ней четыре или пять тысячъ, Китайцевъ и Малайцевъ. Двѣ тысячи человѣкъ постоянно заняты въ окрестностяхъ разработкою оловянныхъ рудниковъ, богатѣйшихъ изъ числа всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ. Подлѣ Банка островъ

Биллингтонъ, подчиненный ему и богатый желѣзными промыслами. Жители его, смѣлые и храбрые болѣе жителей Банка, предавались-бы морскому разбою, если-бы не были удерживаемы небольшимъ Голландскимъ гарнизономъ. Баронъ фанъ-Капелленъ, управленіе котораго было столь полезно власти Голландцевъ въ здѣшней сторонѣ, умѣлъ извлечь пользу изъ способностей островитянъ; его попеченіемъ, съ Биллингтонской верфи появились красивые корабли для крейсерства, и съ экипажами, на половину изъ Европейцевъ, на половину изъ туземцевъ, приняли строгое наблюденіе надъ здѣшними морскими разбоями.

Изъ окрестныхъ около Суматра острововъ надобно наконецъ замѣтить *Пуло-Ніасъ*, столь несправедливо униженный прежними повѣствователями. Это самый большой островъ на западной сторонѣ Суматра, самый населенный, и самый обработанный. Простираясь миль на 70-ть, отъ Ю. В. къ С. З., гористый, орошенный рѣками, онъ имѣетъ нѣсколько превосходныхъ пристанищъ для кораблей. Видъ его съ моря прелестный; все являетъ здѣсь плодородіе и изобиліе. Къ приморью, скаты холмовъ покрыты кокосами и высокою травою, но обращая взоры далѣе внутрь острова, на высотахъ его видите произрастаніе сильное и могучее, гдѣ селенія бѣлѣются среди лѣсной зелени.

Жители (ихъ полагаютъ здѣсь до 200,000) средняго роста, стройны, крѣпки, красивѣе Малайцевъ; въ нихъ находите типъ и цвѣтъ Индійцевъ. Особ-

ливо женщины, безспорно, красавицы изъ всѣхъ обитательницъ архипелага Малайскаго. Нѣкоторые географы (въ числѣ ихъ и Мальтебрюнъ) помѣстили на этомъ островѣ народъ, у котораго будто-бы уши величины безмѣрной, а кожа какъ будто покрыта шелухою. Все это вздорная басня по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Накожныя болѣзни, даже самыя слабыя, составляютъ рѣдкость между обитателями.

Земля дѣлится здѣсь между множествомъ поколѣній, управляемыхъ пятьюдесятью Раджами. Сильнѣйшій изъ нихъ, по видимому, раджа *Баулуарскій*. Всѣ поколѣнія здѣшнія живутъ въ состояніи безпрерывной вражды, нападаютъ другъ на друга въ расплохъ, и продаютъ потомъ захваченныхъ плѣнниковъ въ неволю. Такое безпрерывно опасное положеніе заставляетъ туземцевъ всегда ходить вооруженными. Они носятъ копье, шпагу, продолговатый деревянный щитъ, одѣваются въ кафтанъ изъ твердой кожи, надѣваютъ на голову кожаный шлемъ, украшенный развѣвающеюся гривою; иногда, чтобы придать себѣ видъ болѣе воинскій, надѣваютъ поддѣльную бороду и поддѣльные усы.

Обыкновенное одѣяніе Ніасскихъ островитянъ почти не разнится отъ Суматрійскаго. Женщины оставляютъ однакожъ верхнюю часть тѣла совершенно открытою, и единственное одѣяніе ихъ лоскутъ ткани, схваченный на поясѣ широкимъ поясомъ, съ мѣдными, или золотыми украшеніями, исходящій ниже колѣна. Не обременяя себя тканями, онѣ вознаграждаютъ это обиліемъ привѣсокъ, боль-

ихъ ожерельевъ, фигурныхъ серегъ, такъ, что это даже оттягиваетъ у нихъ уши. Голову покрываютъ они золотыми сѣтками и бляхами.

Сарачинское пшено главное здѣшнее произведеніе, и его отправляютъ отсюда ежегодно до 12,000 мѣшковъ. Сами жители употребляютъ его мало, предпочитая пататы съ птичьимъ и свинымъ мясомъ.

Нравы и законы Ніасцевъ мало различаются отъ Суматрійскихъ. Обычаи касательно супружества и наказаній за прелюбодѣяніе и воровство напоминаютъ обычаи Реджанговъ. Обрядъ погребенія въ нѣкоторыхъ южныхъ округахъ Ніаса, кажется, единственная особенность острова. Вмѣсто зарыванья въ землю, тѣло умершаго кладутъ въ деревянный гробъ, и выставляютъ на четырехъ столбахъ. Подъ нимъ садятъ разныя вьющіяся растенія и цвѣтистыя деревца; все это, разрастаясь, скоро закрываетъ гробъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, оболочка зелени скрываетъ печальные остатки умершаго Ніасца.—Торгъ невольниками нигдѣ въ Индіи не имѣетъ мѣста столь дѣятельнаго и обильнаго, какъ этотъ небольшой островъ. Не смотря на Англійскихъ крейсеровъ и бдительность Голландцевъ, обычай покупать и продавать людей въ неволю здѣсь поддерживается и не уменьшается. Дѣло доходитъ до того, что нѣсколько лѣтъ тому, Англійскіе чиновники были отправлены нарочно для мѣстныхъ наблюденій, въ слѣдствіе коихъ можно-бъ было принять рѣшительныя мѣры къ уничтоженію безчеловѣчнаго торга. Тогда было

узнано, что самое большее число невольниковъ выходитъ изъ Суамбава и Телло-Делано, находящихся въ южной части острова: почти по двѣ тысячи отправляется отсюда въ Падангъ и Батавію ежегодно. Какъ въ Африкѣ, торгъ этотъ сопровождается здѣсь подробностями отвратительными. Невольниковъ связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, передаютъ торгашамъ человѣчества, и такъ остаются они во все время перевоза до мѣста. Примѣры отчаянія со стороны невольниковъ, были приводимы въ оправданіе подобныхъ предосторожностей. Видали этихъ несчастливцевъ, въ минуту оплошности, схватывавшихъ ножъ, топоръ, палку, отчаянно дравшихся, бившихъ, изтреблявшихъ все ихъ окружавшее, и потомъ, видя себя одолѣнными, осиленными, бросавшихся въ бездны морскія. Впрочемъ, этому и не должно дивиться: неволя для Ніасца есть почти всегда смертный приговоръ его. По физическимъ-ли причинамъ, по нравственному-ли отчаянію, изъ 30-ти Ніасскихъ невольниковъ, всегда умираетъ 20-ть.—Защищая себя противъ рабства и гибели, Ніасецъ способенъ къ исполненію самаго отчаяннаго дѣла. Однажды толпа воиновъ одного изъ южныхъ поколѣній острова окружила хижину, отдѣльно стоявшую, гдѣ надѣялись вдругъ захватить цѣлую семью и передать покупателямъ. Когда несчастный отецъ семейства увидѣлъ свое неизбѣжное бѣдствіе, онъ убѣжалъ во внутренность дома, схватилъ свой кри, зарѣзалъ жену, дѣтей, потомъ пронзилъ себя въ сердце. Осаждавшіе домъ нашли

въ немъ только бездушные трупы обитателей. Правда, законъ на Ніасѣ, какъ на Сумапра, позволяетъ въ извѣстныхъ случаяхъ продажу въ неволю, но, безъ золота Европейцевъ, безъ большой цѣнности, до которой доводитъ взаимное ихъ соперничество, этотъ законъ, безъ сомнѣнія, былъбы у туземцевъ въ употребленіи весьма ограниченномъ.

конецъ II-й части.

ОПИСАНІЕ

рисунковъ, принадлежащихъ къ *второй* части *Всеобщаго путешествія.*

Листы. Изображ.

XXV. 49. Видъ пристани въ Пондишери и прибрежной *шелинги,* (ч. II, стр. 10).

50. Видъ Іезуитской церкви въ Пондишери (ч. II, стр. 14).

XXVI. 51. Видъ Губернаторскаго дома въ Пондишери (ч. II, стр. 14).

52. Изображеніе Индійскаго піонера и начальника его (ч. II, стр. 12).

XXVII. 53. Изображеніе входа въ Пондишерійскій пагодъ, въ Индіи (ч. II, стр. 57).

54. Изображеніе Индійскаго факира, Браминской женщины и жреца брамина (ч. II, стр. 51-57).

XXVIII. 55. Изображеніе *гади*, или Малабарской повозки (ч. II, стр. 51).

56. Изображеніе Индійскихъ фокусниковъ и эквилибристовъ (ч II, стр. 53).

XXIX. 57. Видъ пристани Мадраской, и части города Мадраса, въ Индіи (ч. II. стр. 81).

58. Изображеніе лодочниковъ изъ касты паріевъ, въ Индіи (ч. II, стр. 81).

Листы. Изображ.

XXX. 59. Изображеніе Индійскихъ женщинъ, изъ нисшихъ кастъ (ч. II, стр. 81).

60. Изображеніе идола Каннаппена, бывшаго у жителей Калласпри, въ Индіи, близъ Мадраса (ч. II, стр. 83).

XXXI. 61. Видъ главной башни Яггернаутскаго храма и одной половины боковыхъ его строеній, въ Индіи (ч. II, стр. 106).

62. Изображеніе двухъ Индійскихъ факировъ, совершающихъ свои набожныя созерцанія (ч. II, стр. 116).

XXXII. 63. Видъ Епископскаго Коллегіума, въ Калькуттѣ (ч. II, стр. 131).

64. Второе изображеніе двухъ Индійскихъ факировъ, совершающихъ набожныя созерцанія (ч. II, стр. 116).

XXXIII. 65. Изображеніе страннаго праздника, отправляемаго въ Индіи истукану богини Кали (ч. II, стр. 186)

66. Очеркъ древней Индійской картины, изображающей бога Кишна и подругъ его (ч. II, стр. 189).

XXXIV. 67. Изображеніе Браминской вдовы, сожигающейся на кострѣ умершаго мужа (ч. II, стр. 182).

68. Изображеніе Индійскаго идола Карписея, сына Шивы и Парвати, бога войны (ч. II, стр. 161).

XXXV. 69. Изображеніе торжественнаго шествія *рути*, или священной колесницы, въ Индіи (ч. II, стр. 112 и 185).

70. Изображеніе похоронъ, или сожженія Индійца, изъ касты послѣдователей Вишну (Ч. II, стр. 180).

XXXVI. 71. Изображеніе прогулки Набаба, или Музульманскаго князя Индійскаго, въ паланкинѣ (ч. II, стр. 193).

72. Изображеніе училища молодыхъ Индіянокъ, въ Калькуттѣ (ч. II, стр. 144).

XXXVII. 73. Изображеніе Индіянокъ, пляшущихъ *наче* (ч. II, стр. 146).

74. Изображеніе охоты за тиграми на слонахъ (ч. II, стр. 142).

Листы. Изображ.

XXXVIII. 75. Изображеніе Банiанскаго, или Буддійскаго фиговаго дерева (ficus religiosa), въ Индіи (ч. II, стр. 232).

76. Изображеніе Индійскаго *коссевера*, или горшечника, и жены его (ч. II, стр. 176).

XXXIX. 77. Изображеніе святилища и истукана Гутама (Будды), въ Рангунскомъ пагодѣ, въ Бирманіи (ч. II, стр. 260).

78. Видъ Рангуна, въ Бирманіи, съ террасы Буддійскаго пагода (ч. II, стр. 260).

XL. 79. Изображеніе Буддійскаго пагода, въ Рангунѣ (въ Бирманіи) находящагося (ч. II, стр. 250).

XLI. 80. Взятіе Англичанами Бирманскаго укрѣпленія, близъ Рангуна, 6-го Іюля, 1824 года (ч. II, стр. 262).

XLII. 81. Видъ окрестностей Рангуна (въ Бирманіи), съ восточной стороны (ч. II, стр. 260).

82. Нападеніе Англичанъ на Бирманскія укрѣпленія по рѣкѣ Ирравадди, 8-го Іюля, 1824 года (ч. II, стр. 262).

XLIII. 83. Изображеніе праздничной коляски, въ какой прогуливается жена перваго Бирманскаго министра (ч. II, стр. 274).

84. Изображеніе Сенлаарскаго воина, изъ народа Баттa, на островѣ Суматрѣ, и плѣнника, назначеннаго къ сожранію (ч. II, стр. 340).

XLIV. 85. Изображеніе хижинъ народа Реджангскаго, на остр. Суматра (ч. II, стр. 315).

86. Изображеніе Раджи селенія Баттy-Бара, и двухъ сыновей его, изъ народа Баттa, на остр. Суматра (ч. II, стр. 313 и 341).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Западный Индійскій полуостровъ: Французскія владѣнія, Англо-Индійскія государства. Восточный Индійскій полуостровъ: Бирманія, Сумматра.*

ГЛАВА XIV. *Индійскій полуостровъ.—Пондишери.* Малайская лодка. Пондишерійская пристань. Пріѣздъ Европейца въ Индію. Индійскіе слуги.—Положеніе Пондишери. Исторія колоній Французскихъ въ Индіи: основаніе Компаніи; Пондишери; Дюплексъ и Лабурдонне; блестящая эпоха; усиленіе Англичанъ; Сюффренъ и Соннера; войны во время Революціи и при Наполеонѣ; корсеры Французскіе; экспедиціи Серсея и Линуа; упадокъ послѣ мира 1814 года.—Окрестныя *альде;* промышленность; сѣтованія Гафнера; касты Индійскія, *шаултри*, или гостинницы, фокусники, *деведасси*, или баядерки.—Пондишерійскій пагодъ; духовные праздники Индійцевъ, Музульманъ и Христіанъ.—Описаніе Пондишери; жители; бѣдное состояніе колоній Французскихъ. — Дорожныя приготовленія.—Путешествіе въ *Мадрасъ*: Малабарцы, или Тамулы; Садрасъ; развалины Магаболипурамскія..... 7

ГЛАВА XV. *Англійскія владѣнія.* —*Мадрасъ.* Положеніе Мадраса. Миссіонеры. Пристань. Климатъ. Крѣпость Св. Георгія. Войско Англійское и Сипаи.—

Стр.

Строенія въ Мадрасѣ, общество, жители, промышленность..... 84

ГЛАВА XVI. *Кориневи. Янаунъ. Иггернаутъ.* Прибрежное плаваніе отъ Мадраса до Калькутты: Музулипатнамъ; Корингви—наводненіе — верфь; Янаунъ—Индійскіе переселенцы—Индійскіе лекаря; Иггернаутъ—пагодъ шамошній, религіозные праздники и изувѣрство Индійцевъ..... 99

ГЛАВА XVII. *Калькутта.* Гугли, прошокъ Ганга; плаваніе по Гугли; Песчаныя головы; Хаджери — шигры; Алмазный островъ; крѣпость Вилліамъ; домъ Англійскаго купца.—*Калькутта:* адъютанты; Индійское отдѣленіе города; Чоуринги; публичныя заведенія; омовенія Индійцевъ; ботаническій садъ.—Окрестности: Бурракпуръ; Шандернагоръ. В. Жакемонъ. Серампуръ — Индійскіе разбойники.—Слоны. Женское Индійское училище. Пріемъ у Генералъ-Губернатора. Индійскій *наче*. Музыка Индійская. Праздники Дурга-Пуржа и богини Кали. Мученія Индійскихъ покаянниковъ и изувѣровъ..... 118

ГЛАВА XVIII. *Калькутта.—Религія Индійская.* Смѣшеніе религій въ Индіи. *Брамининзмъ*—происхожденіе; шемпоша его; миѳологія: Пара-брама, Вишну, Шива *(Тримурти)*—Майссассуръ; ученіе о духахъ; Космогонія, Хронологія. Миѳическая Исторія вѣковъ — Мену, потопъ; дѣти и жены боговъ; другіе боги; чистилище, перехожденіе душъ, обожаніе животныхъ, расколы—сходство съ другими миѳологіями.—Веды и священныя книги. Касты Индійскія; дѣленіе по родамъ и занятіямъ. Паріи. Основаніе нетерпимости. Брамины—изувѣрство ихъ. Ксатріи, Ваиссіи, Судры. Обряды при ѣдѣ. Многоженство, супружество, похороны, сожженіе вдовъ, или *сутти*—ужасные примѣры. Уменьшеніе изувѣрства; основные обряды Браминизма; праздники, *пагоды*, или храмы —богатства ихъ.—Индійская литература—законныя книги—языки.—Набабы и Раджи.—Музульмане Индійскіе.—Гебры, или обожатели огня.—Марашты, Раджапуты и Сенки.—Заключеніе..... 153

Стр.

ГЛАВА XIX. *Калькутта.—Исторія Индіи.—Англійская Ость-Индская Компанія.* Александръ и Магаммедъ. —*Авганы*, или Аравитяне. Монголы. *Могольская* Имперія—Ауренгзебъ. Европейцы—начало Англійской Компаніи, организація, привиллегіи—Калькутта, лордъ Клейвъ; Гайдеръ-Али и Типпо-Саибъ; Синдіа и Маратты; Рунжетъ-Сингъ и Сикки.—Бирманы.—Нынѣшнее состояніе Компаніи—выгоды, невыгоды и опасность для Англіи—тяжкая участь Индіи—непрочныя средства и сомнительная будущность Англійской власти въ Индіи..... 200

ГЛАВА XX. *Калькутта.—Географія, Статистика, природа Индіи.* Названіе—предѣлы—горы и рѣки—климатъ—здоровье и болѣзни—прозябенія, ископаемыя, царство живошныхъ, птицъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ.—Промышленность и торговля.—Дѣленіе географическое: *Индостанъ* и *Деканъ*; Дѣленіе политическое: Англійскія владѣнія—Бомбай, Биснагоръ, Сурать, Калькутта, Бенаресъ, Агра, Дели—*Великій Моголъ*—Мадрасъ—Синдіа, Сикки, Непауль, Синди.—Датчане и Португальцы въ Индіи—городъ Гоа..... 228

ГЛАВА XXI. *Калькутта.—Война Англичанъ съ Бирманами.—Царство Бирманское.* Пространство Бирманіи—исторія—Аломпра и Шембуанъ—начало сношеній съ Англичанами—ссора за островъ Шапури—война: взятіе Ассама, занятіе Рангуна—описаніе пагодовъ Рангунскихъ—образъ защищительной войны Бирмановъ, стѣсненіе ихъ, переговоры и миръ.—Упорство Бирмановъ; посольство Крауфорда въ Аву.—Дворъ Бирманскій—Обитатели, одежда ихъ, языкъ, письменность, лѣтописи.—Пріобрѣтенія Англичанъ.—Естественная Исторія Бирманіи—Торговля, счетъ и вѣсъ—Миѳологія—законы—обряды погребенія.—Топографія..... 251

ГЛАВА XXII. *Островъ Суматра.* Отъѣздъ изъ Индіи.—Острова *Андаманскіе* и *Никобарскіе*.—*Суматра*: гора Офиръ; Падангъ—положеніе, климатъ, произведенія—перецъ, бензуй, камфара, птичьи гнѣзда, орангутанги, буйволы, птицы, пресмыкающіяся.—Этно-

Стр.

графія: *Реджанги*—нравы, обычаи, образованіе, языкъ, промышленность, панджерамы, законы, супружество, страсть къ игрѣ—пѣшушьи бои—опіумъ—религія; *Лампунги*, Менангъ—Кабу. Малайцы—происхожденіе, исторія; *Батты*—человѣкоядство, миѳологія; *Ахемъ*—исторія, войны съ Португальцами, нравы, правленіе, обычаи. Дѣленіе Сумашра: Ахемъ, Сіакъ, Башшы, Голландскія области, Палембангъ.—Острова: Линганъ, Банка, Пуло-Піасъ — воинственный характеръ жителей, торгъ невольниками..... 288

Описаніе *тридцати восьми* рисунковъ, принадлежащихъ къ *второй* части *Всеобщаго путешествія*..... 1

Уральский Индустриальный Ин-т
им. С. М. Кирова
Фундаментальная библиотека

5243